

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ВСЕГДА ТОЛЬКО
ПРАВДА
СБОРНИК РАССКАЗОВ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	4
Родриго - русский человек	7
Загадки Гриши Похлебкина	12
Бег.....	16
Ошибка судьбы.....	21
Деньги для счастья	27
Накатило... ..	35
Желание ошибки	41
Девушка из регистратуры.....	46
Желание	54
История	60
Всегда только правда	69
Культура питания.....	74
Каждому свое	79
Сомнения Марата Зязикова	85
Игрок	93
Актер поневоле.....	100
Мечтатель	105
Дура	113

Подарок судьбы	118
Душевный праздник	123
Разрешение сомнений.....	127
Трудный случай.....	132
Такая судьба	137
Тайная страсть	143
Жизнь в радость	148
Друзья.....	153
Мистика, да и только	158

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

СБОРНИК РАССКАЗОВ.

С.А.

Зелинский

Всегда только

правда

СБ.РАССКАЗОВ

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский

Всегда только правда

С. А. Зелинский.

Всегда только правда. Сборник
рассказов.— CANADA.: Altaspera Publishing &
Literary Agency Inc, 2014. — 176 с.

ISBN 9781312310650

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

Всегда только правда. Сборник рассказов.

рассказ

Родриго - русский человек

Ему казалось, что многое сделано не так. Но он старался не показывать вида. И соблюдая таким образом дистанцию между людьми - наблюдал за ними.

Наблюдения Родриго Мартинаса были странны, загадочны, и по-своему удивительно прекрасны. Родриго был гражданин России. Испанское имя он получил в честь дедушки, привыкшего в советский союз в тридцать восьмом. Потом дедушка женился на русской женщине (бабушке Родриго), а уже в перестроечные времена уехал обратно в Испанию. В поисках родственников, да так там и остался. По крайней мере, пока не было известий, что он собирается назад.

Папа Родриго жил в Бразилии. Мама - в России. Но она была уже стара, чтобы как-то контролировать взрослого сына (Родриго было сорок четыре года. Полное имя -- Родриго Хуан Гомес Мартинас. Но представлялся он как Родриго Хуан, или Родриго Гомес).

Ничем путным Родриго никогда не занимался. Несмотря на способности к языкам, он так и не смог развить свое дарование (хотя вполне сносно понимал на нескольких язык, и изъяснялся еще на двух), а после окончания филфака - работал не по специальности.

Кем он работал, было и вообще стыдно сказать. Ресторан (перепробовал все низшие должности, начиная от халдея и заканчивая вышибалой), казино (к первым двум добавилось - крупье), кинотеатр (билетер), бассейн (вахтер, ночной сторож), агентство недвижимости (агент - неудачный, сразу заметим), и прочие специальности, не требующие каких-то особых знаний и навыков, и через время надоедавших Родриго, потому что его душа хотела полета.

Несмотря на то, что имя и внешние данные явно не походили на русскость, в душе Родриго был исключительно русский человек. Исключительно. Щедрый, добрый, отзывчивый - Родриго и с перечисленных работ-то вылетал практически везде по одной причине - заступался за ближнего, видя какое-то особое отношение к тому от начальству. Можно сказать, что Родриго страдал за правду.

И все бы это невероятно затянулось, если бы Родриго не понял, что он просто-напросто потакает себе. И ему нравится страдать. Когда на самом деле можно было и вообще не страдать. Достаточно иными глазами посмотреть на окружающий мир. И тогда все будет действительно по-другому.

Но вот у него никак не получалось так смотреть. Хотя вроде и пытался. Он даже выработал для себя что-то на вроде кодекса, или, говоря по-русски - свода правил.

Согласно этому кодексу он, Родриго Хуан Гомес Мартинас, впредь не должен был обращать внимание на все, что не касалось его лично. То есть, вроде как и жить,-- но жить теперь исключительно для себя. И действовать. Самое главное было исключить какую-либо пассивности. Ему надо было во что бы то

ни стало закрепиться в жизни. Для этого Родриго Гомес должен был в срочном порядке преобразовать мир вокруг себя. Изгнав из этого мира всяких неудачников и прочих нытиков.

И это на удивление достаточно быстро ему удалось. Вскоре он уже остался один. Потому что оказалось, что все его знакомые как раз и были эти самые неудачники. И всячески тянули его к себе. Притягивали. А теперь он стал свободным. И как-то быстро получил предложение работать переводчиком в одной крупной международной компании. Ну и что, что компания производила продукт, выговорить название которого он пока не мог. Главное что все было в рамках закона, да и платили там столько, что когда Родриго узнал зарплату, у него тут же исчезло желание что-то спрашивать лишнее. Да и к чему это лишнее. Ни к чему. Совсем ни к чему.

Также Родриго продолжал работать над собой. Помимо когда-то разработанного им и тут же введенного в жизнь кодекса, Родриго придумал ряд правил, согласно которым требовалось в кратчайший срок измениться, причем, чуть ли не кардинально.

Прежде всего изменения должны были касаться его внешности. Из внешне смуглого и упитанного мужчины чуть выше среднего роста он должен был стать высоким (каблук) и худощавым (диета) блондином (краска).

Усы и бороды Родриго никогда не носил. А сейчас вдруг решил отпустить темные усики (тут же почему-то перекрасив их в рыжий цвет). В общем, когда в офисе, куда он приходил каждое утро, в один из дней увидели обновленного Родриго, то поперхнулась кофе секретарша (миловидная брюнетка со злым лицом и слишком продажными глазами), чуть не упал со стула

менеджер Федор (молодой и подающий надежды брюнет с правильными чертами лица), врезался в дверь курьер (засмотревшись на чудо природы, явленное в образе перекрасившегося в белый цвет Родриго, который, не дожидаясь пока вырастут его усы - приклеил чужие, взявшие напрокат у знакомой гримерши театра).

В общем, внешность Родриго Хуана Гомес Мартинаса превратилась в сущий ад. По крайней мере, за первым шоком при виде его - в помещении начался смех. Который не прекращался, несмотря на появления начальства (в лице высокого мужчины средних лет, в костюме и со строгим лицом, и почти такой же высокой и излишне худой женщины в длинном облегающем платье, с длинными рыжими волосами, и взглядом женщины согласной за деньги на многое).

Начальство, однако, смех не одобрило. Также как и внешний вид Родриго Гомеса. Которого сначала пригласили в кабинет, а потом дали сутки, чтобы он исправил ошибку. И стал тем самым Хуаном,--посмотрел на него начальник,--которого мы всегда знали. Причем при упоминании его имени женщина явно вздохнула, как показалось Хуану слишком томно, но сейчас ему было не до того: рушился с таким трудом созданный им новый имидж. Причем не только рушился, но и, судя по всему, впредь любые эксперименты запрещались.

--Я могу вернуть прежний вид гораздо быстрее, чем за сутки,--пробурчал Родриго Гомес, однако начальник, посмотрев на него как врачи-психиатры на выздоравливающих, тихо сказал, что на сегодня Гомес получает выходной.

--Сделаем так, что как будто этого дня не было,-- улыбнулся начальник, обняв второй рукой за талию начальницу, и явно давая понять, что аудиенция окончена, у руководства были еще и другие дела.

Неожиданно Хуан спросил, чем они будут сейчас заниматься. Если сексом, он просит разрешение посидеть в сторонке и посмотреть.

От подобных слов начальник неожиданно покраснел, а его заместительницы непроизвольно облизала губы, явно представляя развитие событий. Однако начальник тут же взял себя в руки, и сказал, что и Родриго и Хуан и всякие там Гомесы с Мартинасами могут уже не приходиться. Никогда!--грозно посмотрел начальник на единого в четырех лицах испанца.

--Я русский,--на всякий случай сказал Родриго Гомес, и тут же готов был спросить себя, к чему он это сказал. И про русскость и про фактическое признание в эксгибиционизме.

--Пошел вон,--тихо попросил начальник, и на всякий случай сделал полшаг назад, не зная как в таких случаях должны реагировать русские испанцы, потомки тореадоров.

Но Родриго не спорил. Он молча развернулся и ушел. А как вышел на улицу, спросил у первого встречного, где находится ближайшая налоговая инспекция. У Родриго даже не то, что возник план мести. Просто он давно уже собирался честно рассказать все, что он знал о том, как утаивают доходы на его работе. А там уже пусть решает государство.

А что бы оно решило наверняка, Родриго Хуан Гомес Мартинас решил как придти домой написать еще заявление в прокуратуру и в ряд иных инстанций. На всякий случай. Так

сказать, продублировать то, что он расскажет в налоговой инспекции.

А еще Хуан Мартинас подумал о том, что, наверное, то что он намерен совершить сейчас -- не совсем в духе русского человека. Хотя, вспомнил Мартинас своего деда, которого после приезда чуть ли не посадили по доносу, но потом отпустили, разобравшись, и понял, что русские тоже стучат. А некоторые стучат еще как.

А он ведь был русский. Родриго Хуан Гомес Мартинас - русский человек.

Сергей Зелинский

11.12.07 год.

рассказ

Загадки Гриши Похлебкина

Трудно было конечно говорить, хотел ли он этого сам?

Можно было ответить и так и этак. Причем, что любопытно, почти невозможно было сказать (дабы не ошибиться), что предпочтительнее для самого Григория Похлебкина. По всей видимости, и действительно стоило согласиться, что для него оказывалось приемлемо и так и этак.

Это объяснялось, видимо, тем, что Григорий никак не мог нащупать тот жизненный путь, следование которым привело бы его к намеченной цели. Цель базировалась в жизни. Проблема заключалась в том, что подобная цель намечена пока не была.

И вот тут уже словно образовывалась первая загадка: стремился или не стремился Григорий Похлебкин как-то наметить ее, а значит и в последующем решить. Хотя, конечно, решить, по

всей видимости, можно было и не намечая. Просто так. Решить и все.

Но все это только одна сторона вопроса. На самом деле хотелось бы заметить (и в первую очередь этого хотел сам Григорий Похлебкин, двадцатидвухлетний выпускник факультета журналистики), что в своей душе он уже давно разработал жизненный план. Причем известно, что закончил его разрабатывать еще будучи в старшем подростковом возрасте.

С тех пор несколько раз план подвергался корректировке. А окончательный вариант не сформировался до сих пор. Загадка? Да не было никакой загадки. Если бы кто знал, какие трансформации иной раз приходилось преодолевать психике Гриши, так, наверное, и вопросов бы лишних не возникло.

Хотя, видимо, вопросов у ряда лиц (близко знавших Гришу) итак не возникает. Все просто единожды смирились, словно бы договорившись представлять Гришу таким, каким он был. А был он чудиком. А иной раз - и провидцем (в своем деперсонализационном безумии).

Хотя стоит заметить, что сам Гриша всегда был против того, чтобы у него изыскивали деперсонализацию личности. Он был нормален. В меру нормален, конечно. Ведь он еще был и человеком творчества. А таковому, на его взгляд вообще должно было многое прощаться.

И ведь не сказать как-то прямо, что он был шизиком. Нет. Лучше списать его странности на творчество. Как будто сама способность к творческой реализации предполагает условную долю шизоидности. Придумываемую зачастую обывателями, не способными объяснить полет творческой фантазии того или иного

индивида, наделенного неким природным дарованием, дающим ему возможность творить.

И тогда мы заметим: явным шизиком Гриша никогда не был. Так, легкая доля совсем незначительного отклонения от обывательской нормы. Да и что такое норма, как на самом деле не придуманная когда-то да кем-то; после чего подобная теория разошлась в мнении народа сравнивать безумие ближнего - по девиациям собственного поведения. Похож - нормален. Не похож - дурак. Ну или безумен (или мягче - человек со странностями). Не похож на других - значит ненормален. Истина.

От подобного Гриша готов был действительно если не сойти с ума (как пошутил кто-то из его знакомых - нельзя сойти с ума, если уже сошел), то все это вызывало в душе Похлебкина боль и негодование. Боль, потому что не мог он ничего противопоставить такому мнению о себе. А негодование - потому как не мог с таким мнением смириться. Переживал. Да, ведь Гриша и действительно иной раз более чем (чем необходимо) переживал. Одно время он даже стремился всяческим образом доказать обратное. Да вот доказательства выбирал настолько детские, что не иначе как чудиком его и назвать-то при этом было нельзя.

Странный, загадочный, иной раз до нелепости наивный был человек Гриша Похлебкин.

И самое любопытное было то, что он и сам постоянно задавал себе всякие загадки. Мучился,-- не хотел,-- но задавал.

А потом не знал, как разрешить те.

И что было самое интересное, иной раз загадки были такого рода, что и разрешать их не следовало. Попросту было не надо.

Но Гриша хотел. Он вообще многого хотел. Как добиться в жизни, так и хотя бы попросту запланировать что-то прекрасное. Причем, как уже можно догадаться, планировал он многое.

Большая часть из запланированного сбыться не могло из-за иллюзорности разрешаемости тех или иных загадок бытия Похлебкина. Он был умный человек, конечно, но иной раз в голове его начинало рождаться такое, что наиболее оптимальным для него было бы попросту прекратить думать. Хотя бы на какое-то время. Чтобы дать организму (психике в первую очередь) возможность восстановить запланированный природой потенциал. Ну а то, что потенциал этот был велик, становилось заметно по рождающимся в голове Похлебкина идеям.

.....

Проходило время. Григорий Михайлович Похлебкин, казалось, многое переосмыслил, и со многим смирился. Он даже себя стал воспринимать с долей условности. А иной раз ему начинало казаться, что его и вовсе не существует. Была оболочка какого-то человека, внешне напоминающего Григория Похлебкина. Но при всех раскладах (стоило только подойти поближе, всмотреться, что-то с чем-то сопоставить) это был уже не он. Точнее - и он, и не он.

Но тогда кто?

Сколько же на самом деле было загадок... И еще больше их рождалось в чудной голове Похлебкина. Шизика, и уже вроде как не шизика. Но как минимум - человека со странностями. И эти

странности (было такое предположение) оказывались более чем необходимы Грише. Быть может, только благодаря наличию их - он и жил. И выживал. И планировал свое существование. Он ведь все равно (несмотря ни на что) продолжал планировать. И небольшими шажками продвигался к цели. Добиваясь ее. Собирая по крупицам все то, что было вокруг, анализируя, и делая какие своим, известные только ему выводы.

И в этом был он весь - Григорий Михайлович Похлебкин. Человек. Потому что все проблемы у него человеческие...

Сергей Зелинский

05.08.07 год.

рассказ

Бег

1

Ему часто становилось грустно, когда он вынужден был вновь погружаться в реальность.

Реальность ему не нравилась. Там он был не такой, какой хотел быть. Образ, к которому Василий Галибин всячески стремился, в этой самой реальности столь четко высвечивался своей порочной несостоятельностью, что Василию уже ничего не хотелось, как только чтобы все прекратилось.

Он страдал. А ведь и действительно тогда он очень сильно страдал.

Но как только избавлялся от людей, злонамеренно введившись его в эту самую реальность,-- то тотчас же исчезало в его душе боль и тревога.

А сама душа радовалась и расцветала. Причем краски были такие, которых он уже знал, что никогда не увидит в реальной жизни.

Но конечно же, не из-за красок он не хотел находиться в реальности. Он ведь и так там все время находился. Но старался делать это схематически. Ничего не запоминая, и ни на чем не фокусируя внимание. Только тогда была вероятность, что с ним не случится ничего страшного.

В ином случае - перед Василием вставала одна лишь боль. Боль, от осознания того, какой он. Боль от всех тех девиаций психики, которые стремились в таком его состоянии поглотить его. И подчинив - подтолкнуть его в порок бездны.

Он не хотел.

Василий Галибин ни за что не хотел подчиняться. Он был сильный парень. Всего двадцать восемь лет, но с такой внутренней решимостью биться до конца, что казалось, должно было отступить от этой решимости все что угодно.

Да все что угодно и отступало. Вот только люди, в которых Галибин угадывал ту же внутреннюю ущербность, которую когда-то находил и в себе, и от которой все эти годы стремился избавиться - оттягивали его назад. Стремилась, чтобы он вновь слился с ними.

Для чего? Галибин не раз размышлял над этим. И остановился на том, что эти люди уже решили про себя, что им самим не выбраться. А значит, в какой-то мере смирившись с тем, что происходит в их душе (предполагал Галибин, что вызывает это в их душе определенное волнение), желали утащить за собой (ну

или удержат подле себя - это уже смотря с какого боку подходить) и кого-то еще.

Грустно, но этим кем-то обычно оказывался Галибин. Так повелось еще со школы. Внутренне скованный и невероятно совестливый мальчик, он уже тогда вынужден был терпеть присутствие рядом многих неудачников.

И ведь самое любопытное, что по натуре своей эти самые неудачники были весьма интересные люди. Да - они были забитыми. Да - неуверенными в себе. Но вынужденное погружение вглубь себя - словно бы способствовало, что они чаще сверстников находились наедине с собой. А значит, их мозг наполнялся той многочисленной информацией для работы, которую могли дать книги. Что также предполагало, что эти люди начинали анализировать эти книги (просто еще и оттого, что чем-то другим, как то - общение со сверстниками во дворе и проч. -- заниматься им было некогда, да и неинтересно).

Сверстники этих мальчиков тоже заполняли свой мозг информацией. Но информация эта носила характер выживания и адаптации в обществе. А потому они оказывались более приспособленными к этому самому обществу. Можно даже сказать, более приспособленными - к жизни в социуме (ну и, уже получается, в восприятии социумом, обществом).

И как будто не случилось в их душе каких-нибудь конфликтов. А все было даже, можно предположить, разложено по полочкам.

Отчего жить им было легко и свободно.

Совсем не так приходилось Галибину.

Да, внешне он был высок и строен. Имел атлетическое телосложение. Вел здоровый образ жизни. Не носил ни бороды, ни усов. Был чист и светел как младенец (и вместо своих лет выглядел лет на восемь моложе).

Но это была лишь одна сторона медали.

Потому как иной раз Галибину хотелось погрузиться в ад и разврат.

Но вот он не знал как.

2

Случилось как-то Галибину напиться (обычно делал он это крайне редко). А как напился - потянуло Галибина из дома (он жил с мамой и папой).

Выходя из квартиры, а потом и из парадной, Галибин еще не знал, куда он направится. Четкого плана не было, как не было и вообще - плана. И он решил положиться на интуицию, в тайне надеясь, что она его приведет туда, куда надо.

Интуиция его привела в кабак.

Решив на этот раз окончательно подчиниться бессознательному влечению, Галибин вошел в питейное заведение, оглядел окружающих, никого не нашел (что было немудрено - знакомых у него практически не было), и, усевшись за свободный столик, заказал водки и закуски. В общем, как полагается.

Почти сразу же он заприметил молоденькую девушку, которая понравилась ему в первого взгляда.

Проследив за ней взглядом (девушка танцевала с каким-то толстым мужчиной), и отметив столик, за которую ее посадили, Галибин решил пока не форсировать события.

.....

Через полчаса, пьяный Галибин (он осушил разом бокал водки, налив следом томатный сок, и еще раз плеснув водки - жадно выпил) обнимал женщину (молоденькая девушка вблизи оказалась зрелой женщиной), подловив ее около туалета.

Толстый мужчина, спутницей которого была женщина, спал за столиком. Галибин был преисполнен решимости овладеть его спутницей тут же, как говорится, не отходя от кассы.

Женщина сначала поддалась (разрешив себя целовать и обнимать), а потом неожиданно потянула Галибина на выход.

Сунув деньги встретившему его у выхода официанту, Галибин вышел, спешно поймал такси, и повез женщину к себе домой, по пути пытаясь набрать по телефону родителей, видимо желая предупредить о приходе.

Телефон все время норовил выскользнуть у него из руки. Другой рукой он обнимал даму, прильнувшую к нему в тайной в надежде приключений (такая мысль почему-то промелькнула у Галибина).

Такси остановилось прежде, чем ему удалось набрать какие-то цифры.

Отдав телефон вместе с портмоне водителю, Галибин вышел из машины, захлопнув дверь перед носом собравшейся было с ним выходить дамы. А как только вышел - то побежал.

Галибин никогда так не бежал раньше. Казалось, сейчас, в этом беге, он избавлялся от своих самых страстных и потаенных желаний. Все, что в последнее время довлело над ним - исчезало. Все о чем он думал и отчего расстраивался - разом перестало из

себя представлять что-то серьезное (и стало казаться таким мелочным, что он уже об этом сразу и забыл).

Галибину давно уже не было так хорошо.

Быть может он вообще - никогда не чувствовал себя так хорошо.

"И к чему, к чему были у меня все это время какие-то переживания и тревоги",--думал Василий Галибин, а слова отчеканивались с каждым прыжком по утреннему асфальту в его просветленной душе.

И он уже ничего не боялся.

И хотел лишь только одного - бежать дальше...

Сергей Зелинский

16.07.07 г.

рассказ

Ошибка судьбы

Василий Никитин, тридцатилетний стажер милиции, только сейчас начал осознавать, что судьба занесла его в правоохранительные органы.

Грустно было Никитину. Печальная была у него судьба. Но надо видимо говорить о том, что печальной она казалась только ему. Работникам милиции вообще практически не свойственны сантименты. И это должно быть великая ошибка, своего рода усмешка судьбы, что в рядах их оказался человек, который чувства ставил выше, чем какие-либо эмоции. Да и пошел он в милицию, наверное, как раз, чтобы избавиться от них. Активной деятельностью и погружением в судьбы несчастных людей (а основной категорией задержанных помимо

профессиональных преступников были несчастные люди) изжить в себе какое-то излишнее чувство. Стать, быть может даже, бесщедрым, злым, а значит где-то и уверенным в себе. То есть он бессознательно хотел быть наделенным теми качествами, которых в обычной жизни ему всегда недоставало.

.....

Когда-то Никитин закончил профессионально-техническое училище, выучившись на повара. После школы учиться дальше он не хотел. Любил готовить. Решил стать поваром.

Поварское дело вскоре Никитину понравилось. Огромные раскаленные плиты, постоянная жара, пар, необходимость что-то варить в огромных бадьях (Никитин устроился на работу в столовой), достаточно быстро отбили у него какую-либо охоту к подобному виду профессиональной деятельности.

Потом Никитин устроился дворником. Вполне быть может и типичный поворот судьбы для человека, который не нашел пока себя в жизни.

Дворником Никитин проработал полгода, после чего ушел в длительный загул, пропив вверенный ему инвентарь.

После этого Никитин решил стать профессиональным преступником, и обворовывать квартиры граждан. И ему вроде как даже удалось залезть в одну из квартир, но там оказался хозяин, который жестоко избил его, и вышвырнул вон.

Уже много лет спустя Никитин подумал, что если бы его тогда отвели в милицию, то может срока за неудавшуюся кражу он

бы и не получил, но в дальнейшем дорога в милицию для него оказалась бы закрыта.

Однако до работы в милицию было еще далеко.

После неудавшейся кражи, Никитин понял что воровская жизнь все-таки наверное не его, и устроился грузчиком в вино-водочный магазин. А когда украл свою первую бутылку портвейна, то в какой-то мере компенсировал неприятный осадок, оставшийся после неудачного ограбления квартиры. Причем для себя Никитин уже твердо решил ни к каким кражам, кроме краж на рабочем месте, больше не возвращаться.

Но так вышло, что хозяин не только обнаружил пропажу бутылки портвейна, но и списал на Никитина огромный долг, накопившийся после воровства другими грузчиками и продавцами. Причем (как сочувствовали Никитину добрые грузчики и продавцы), ему не повезло просто из-за того, что бутылку с портвейном хозяин обнаружил в его рабочем шкафчике. Причем половина бутылки была уже выпита, а от Никитина исходил устойчивый запах влитого вовнутрь алкоголя.

С работы Василия выгнали, предварительно заставив отработать бесплатно, в счет компенсации долга, пол месяца.

После случившегося Никитин серьезно задумался о жизни. Как-то выходило так, что уж очень подозрительно вокруг него консолидировались несчастья. И он словно бы независимо от своего какого-то желания оказывался погруженным вглубь них. И словно бы уже не было шанса выбраться обратно.

.....
Василий Никитин решил не отчаиваться.

--Много ли чего еще будет в жизни,--рассудил он, и устроился на работу в цех по производству рыбьих консервов. В его задачу входило учет продукции, а попросту слежения за другими работниками, чтобы те не воровали. Какое-либо воровство должно было Никитиным пресекаться. А виновный - доставлен для соответствующего разбирательства начальству.

Работа Никитину понравилась. Вверенной ему должностью он как бы возвышался в глазах других. В иные моменты Вася даже готов был упиваться своей неограниченной, как он считал, властью.

Но вот другие работники Василия не любили. А мужики даже намекнули, что желают как-нибудь поймать его да отмутузить. На что Никитин заметил, что бить его не за что. А только за то, что он честно исполняет свой долг - так этого мало. После чего Василий поспешил закрыться в туалете (потому как грузчики да прочий персонал низшего рабочего звена все же решил воплотить угрозу в жизнь), и сообщил в рацию, что на предприятии бунт - рабочие выдвигают требования смены власти, и грозятся поломать оборудование.

Оборудование было только месяц назад закуплено в Германии, поэтому не на шутку испугавшись, директор завода вызвал ОМОН (так называемой "крышей" завода было местное отделение милиции), а самого Никитина решил наградить поездкой в Турцию.

Из Турции Никитин решил обратно не возвращаться, и попросил политического убежища, а заодно и турецкого гражданства. Но по ошибке перепутал здания, о свои просьбы озвучил возле арабского посольства.

Арабский посол сначала выслушал русского агента (для большей убедительности Никитин назвался агентом КГБ, который желает выдать все секреты своей страны), а потом связался с русским консульством, и сдал им разбушевавшегося русского (к тому времени Никитин уже начал грозить "взорвать несговорчивых моджахедов").

Никитина поспешно экстрадировали из страны, прервав его отпуск. Но на удивление каких-либо последствий для него не было. Ну, разве что оперативник местного, по месту жительства Никитина, отделения милиции дал негласную команду двум маячившим без дела стажерам слегка побить его, поучив уму-разуму. После чего, пригрозив Василию возбуждением против него уголовного дела по статье "хулиганство" -- выгнал вон.

На завод Василий не вернулся. У него появилась идея стать профессиональным бродягой. Но сначала он решил вести разгульную жизнь, с шампанским, черной икрой и проститутками.

К делу Никитин подошел профессионально. Обратившись в агентство недвижимости, он обменял свою однокомнатную квартиру на комнату в коммуналке. А разницу в деньгах и решил пустить для осуществления собственного плана.

Денег хватило только на ящик водки да десять банок консервов. Риэлторы уговорили Никитина вместо комнаты в коммуналке -- переехать в большой дом на берегу Финского залива (наш герой жил в Санкт-Петербурге). И в придачу пообещали много-много денег.

Грузчики с риэлтерского агентства (причем, судя по наколкам, это были грузчики с уголовным прошлым), которые помогали Василию с переездом, за свою помощь забрали ящик

водки и консервы. А когда Никитин, было, заикнулся о деньгах - избили его, пригрозив, что отберут и дом.

Дом оказался полуразвалившейся лачугой без света и газа в одном из поселков Ленинградской области. Ближайшая река была в нескольких часах ходьбы. Если он надумает жаловаться - они придут и убьют,--пообещали риэлтеры-уголовники. И Василий Никитин с тех пор стал деревенским жителем. Причем местные мужики отчего-то его сразу невзлюбили. А некоторые из них даже грозили при случае надавать ему тумачков.

.....

Новая жизнь в какой-то мере Никитину даже понравилась. Понравилась прежде всего тем, что быть может впервые за годы его существования у него исчезла какая-либо социальная ответственность по отношению к обществу. Он словно бы разом перестал быть кому-то обязан. И первое время вполне искренне наслаждался своей свободой. Пока... Пока не устал от нее. Все-таки филогенетически русский человек тяготеет к контролю и власти над ним соответствующей силы, царя там или президента. Ну и, разумеется, соответствующих органов контроля со стороны власти.

Поэтому Никитин, поразмышляв его несколько дней, поехал в город. И устроился на работу. Работал он теперь в милиции. В милиции всегда недобор. Поэтому милиционеры вполне охотно взяли к себе в коллеги Василия. Тем более что биография его оказалась вполне типичной для большинства сотрудников районного отделения милиции. Да и официально Никитин оказался вполне чист. А в трудовой книжке было записано, что он работал на различных работах, прошел путь от

повара до сотрудника службы безопасности завода. Причем везде увольнялся по собственному желанию, потому как -- согласно его утверждениям -- не мог мириться с воровством на местах. Оттого и пошел в правоохранительные органы, чтобы бороться с преступниками.

Василия Никитина зачислили стажером, и у него были все основания считать, что сейчас его жизнь только начинается. Тем более что было ему только тридцать лет, и вполне можно было считать так.

Ну а то, что Никитин был придурком и неудачником? Так мало ли таковых на бескрайних просторах нашей страны?

Сергей Зелинский.

19.03.07

рассказ

Деньги для счастья

Могло бы показаться удивительным, но Роман Ибрагимов никогда до конца не верил никому.

При этом очень хотел. И даже, быть может, по-своему к этому стремился.

Внешне была всегда заметна доброжелательность Романа к людям. Быть может даже он людей любил. По крайней мере, к своим годам он научился не зависеть от них. Папа Романа был крупный предприниматель. Деньгами Роман был обеспечен. И вполне мог строить дальнейшую жизнь с наличием в ней определенной суммы денег, необходимых для счастья.

Какой-то определенной суммы, конечно же, не было.

А еще вернее - эта сумма всякий раз различалась. Сдвигаясь то в одну сторону, то в другую.

Причем папа периодически просил сына определиться, сколько ему необходимо денег для счастья. А сын не знал. И даже не от того, что он так привык к папиным деньгам, что не замечал их количества. Скорее нет. Просто мальчик (Роману было двадцать два) периодически находил себе новые занятия. Занятия требовали денег. А нужного количества денег нельзя было предположить даже примерно, потому что через время Роман забрасывал старое занятие (занятие становившееся старым), находя новое. Замкнутый круг.

Как-то папа Романа уехал в длительную командировку. Откуда уже не вернулся. Написав письмо, чтобы в ближайшие несколько лет его не ждали. Роман предположил, что папу посадили работники правоохранительных органов. И хотел, было, его найти и выкупить (мальчик с детства уяснил истину, что все можно купить), да папа прислал второе письмо, где просил этого не делать.

Жена папы (мачеха Романа) тоже повела себя несколько странно. Вместо того, чтобы ждать папу, горевать, и быть может все же искать пути его спасения - вышла замуж. Причем новым мужем ее стал двоюродный брат. И Роман, рассудив, что мир стал сходиться с ума - уехал в Сан-Ремо, покупаться в Лигурийском море, позагорать, отдохнуть, и прочее. Тем более папиных денег, которые остались после суда и конфискации имущества,-- все равно оставалось более чем достаточным (мальчик оказался прав. Папу посадили).

Из-за границы Роман решил не возвращаться. Тем более денег хватило бы на долгую и счастливую жизнь в любой стране мира. Причем, хватило бы даже на несколько поколений, если предположить что Роман бы женился, и семья со временем разрослась бы до невероятных размеров (включая внуков и правнуков с их семьями).

Но вот в чем дело. Роман вдруг стал испытывать некоторую тревогу. Даже, можно сказать, страх.

Причем, первоначально страх произошел по совсем смехотворному поводу. Роман вдруг подумал, что деньги могут у него украсть. И не абы кто - а сами работники банков (Роман знал некоторые номера счета папиных вкладов в ряде зарубежных банков, откуда периодически снимал деньги).

Но вскоре эта проблема сменилась другой. Роману стало казаться, что именно те банки, в которых хранятся его средства - непременно рухнут. Причем, почему это может произойти - он, наверное, не смог бы сказать никому. Просто появилось такое предположение. А после появления - стало преследовать его своей навязчивостью.

И Роман, быть может, и вовсе бы потерял покой и сон (а еще аппетит. Мальчик был крупный, и всегда любил хорошо покушать), да тут случилась новая напасть. Которую с долей условности можно было бы отнести и к счастью. Роман встретил свою первую любовь.

Да. Это у кого-то в двадцать два любовь уже энная по счету. А у Романа -- первая.

И влюбившись первый раз в жизни, молодой человек достаточно быстро потерял голову. Став грезить о любимой наяву.

И фактически забрасывать невесту (а он искренне верил, что она его невеста; он так всем и сказал, когда представлял Виолетту - это моя невеста) огромными суммами денег. Потакая ее слабостям и желаниям.

Вскоре девушка призналась, что тоже его любит. И сдерживавшийся доселе Роман - тут же доверил ей семейную тайну. Что папа его очень богат. Что теперь папа сидит в тюрьме. И что Роман имеет счета в международных банках. А значит они с Виолой будут обеспечены. (Ну, вернее, Роман-то и так был обеспечен; а теперь еще станет обеспеченной и Виола).

Тогда-то девушка и показала в первый раз свое негодование (показное, конечно же; но расцененное юношей как натуральное). А Роман тут же принялся ее успокаивать, и просить прощение. За что? Он тогда и не думал об этом. Ему казалось, что Виолетта готова исполнить угрозу уйти. А потому всеми имеющимися в его распоряжении способами стремился девушку удержать. Обычно таким способом у Романа были деньги. Сейчас к ним еще добавился и секс. Однако девушка, негодуя, отвергла сексуальные ухаживания Романа. Заявив, что она готова его простить - но в наказание устанавливает плату: месяц без секса (что для молодого человека, впервые открывшего таинство любви, было сродни катастрофе). Радостный что Виола готова его простить, Роман был готов принять любые условия. И тут же закивал головой, сказав что он на все согласен. На все - но только чтобы она осталась.

Все. С этих пор он был на крючке.

Но Виола умело пользовалась любовью. Стараясь излишне не форсировать события, и держа новоиспеченного

жениха в кулаке (сама Виола была маленькая и худенькая; да и внутренне была слаба. Но как любая земная тварь, осознав наличие более слабого начинает доминировать и издеваться над ним, так и эта девушка, получив в свою собственность Романа, стала выдергивать из собственной души всякую мерзопакость).

Постепенно, с каждым прожитым днем, неделей, месяцем Роман попадал во все большую зависимость к этой женщине (в свои двадцать три Виолетта была вполне сформировавшейся женщиной. Деньги Романа досформировали ее).

И казалось, не было пути назад. Потому что случилось так, что со временем молодой человек все-таки осознал всю пагубность подобной "любви". Хотя и уже было поздно. Он не только женился на девушке, но и теперь, по закону, ей могла отойти половина его имущества. То есть квартиры, записанные на Романа в Москве и Санкт-Петербурге. Ряд крупнейших предприятий, где у Романа был блокирующий пакет акций (папа Романа, начиная с его восемнадцатилетия, дарил сыну акции предприятий на день рождения, а потом и на другие праздники). Ну и еще много чего. Папа ведь не знал, что сядет в тюрьму. Да и Роман не знал, что встретит такую алчную особу. Впрочем, наконец-то осознав свое богатство и могущество, Виола несколько умирала свои властные амбиции. Правда "давала" она молодому человеку теперь только во время крайне положительного настроения. И даже не потому, что забавлялась на стороне. Просто девушке всегда был безразличен секс. Он был для нее лишь поводом манипулирования мужчинами. Ведь еще до Романа у

некогда так обожаемой им Виолетты уже было два гражданских мужа. С которыми она разошлась по причине их финансовой несостоятельности (высосав все что можно). У Романа же денег было действительно много. И они закончиться просто не могли. Сколько их не бери. Ведь невозможно же взять столько, сколько уже будет ненужно. Да и заметно станет слишком. Ведь нет-нет, да мама Романа выказывала свое недовольство невестке. А та искусственно плакалась Роману, прося защитить ее от несправедного гнева его матери. Роман защищал. Его мама до поры до времени терпела. А потом написала папе.

Папа и так уже знал, что его сын попал в беду. Но до поры до времени решил не вмешиваться, наблюдая за развитием ситуации со стороны. К тому же у папы близился срок досрочного освобождения. И во всем разобраться он решил уже на воле (оставшиеся на свободе люди папы предлагали ему по своему закрыть вопрос с зарвавшейся невесткой. Да папа пока отказывался, не давая команды к бою).

А потом папа вышел из лагеря общего режима, и вернулся к бизнесу. А сыну поставил условия - или он бросает свою стерву, или должен показать ей документы, где ранее выданные Роману акции не имели никакой стоимости (папа попросту сделал эмиссию, обесценив имеющиеся у Романа и Виолетты средства), а квартиры и всю записанную ранее на Рому недвижимость папа отписал обратно задним числом. Таким образом, Роман разом потерял все свои деньги (папа всегда знал, что все может ему вернуть. Когда сын разведется с мегерой).

Роман задумался. С одной стороны, издевательства и унижения со стороны Виолетты его давно уже вымотали. Но с

другой, только Роман знал как Виола на самом деле беззащитна. Она ведь не раз, в момент надвигавшейся катастрофы или после (катастрофа - скандал с родственниками, пытавшимися спасти сына) плакала Роману. А он ее утешал. А она успокаивалась. А после всегда делала ему такой королевский минет, за который Роман готов был простить супруге все что угодно. До очередного, правда, ее завихрения. Когда она вновь начинала издеваться над молодым человеком. А он терпел и страдал. Душевно и физически. Давно уже исхудав (за время брака Роман потерял более тридцати килограмм веса) и, осознав, что нервы его расшатаны вконец.

Пока Роман делал выбор, его папа, через управляющего, по секрету «доверившему» девушке "семейную тайну", поставил Виолетту в известность, что у Романа нет никаких сбережений. И фактически со следующего месяца (сейчас были последние дни месяца уходящего) им надо обоим искать средства пропитания.

Девушка готова была впасть в истерику. Этим же вечером она закатила Роману скандал, попросив показать ей все имеющиеся у него документы, подтверждавшие его статус миллионера.

Роман растерялся, и признался, что он нищ. Она ударила его по щеке и расплакалась.

Когда она плакала, то становилась беззащитной. С ней тот час же исчезала вся спесь и властность. И Роман никогда не мог удержаться в такие моменты, что не начать утешать девушку. Утешения обычно заканчивались сексом. Причем в отличие от секса при других ситуациях, в такие разы доминировал всегда Роман. И насиловал девушку в разных формах и с разными долями

изобретательности входя в нее под разными углами и в разные места.

Сейчас уже почти готово было начаться то же самое, да только в последнюю минуту, уже было разомлевшая от ласк, Виолетта оттолкнула голову Романа, двигающуюся между ее разведенных в разные стороны ног и вскочила. Обозвав Романа козлом и пидарасом и собравшись, было, гордо уйти,-- да в этот раз не сдержался уже сам Роман (всегда терпевший до этого ее выходки). Он хлестко ударил фурию по щеке, а когда та отлетела в угол комнаты, подошел к ней, перевернул на живот, и стал насиловать. Сейчас, в этом насилии, Роман вымещал все, что накопилось у него за время его брака с этой стервой. Теперь они были квиты. Закончив, он встал, и, переступив через тело содрогавшейся в плаче бессилия женщины, подошел к бару, налил полный бокал виски, осушил его разом, достал сигарету, закурил, и, усевшись в кресло, стал набирать по мобильному телефону номер папы.

Роман уже знал, что будет делать. Перед ним начиналась новая жизнь. И в этой жизни ему никто из женщин пока будет не нужен. По крайней мере, в той роли, в которой была доселе его жена. Бывшая жена. В кармане пиджака Романа уже лежал его новый паспорт. В котором поскуливавшая неподалеку женщина просто не значилась. Роман снова был холост. А по документам - и не был никогда женат.

--Новая жизнь,--радостно подумал он, затянувшись сигаретой.--И теперь он ее проживет без ошибок. По крайней мере, былых ошибок не допустит.

Сергей Зелинский

22.07.07 г.

рассказ

Накатило...

1

Колесов понял, что он "достояние республики".

Странность подобные мысли могли произвести на кого впечатление, но только не на самого Василия Аркадиевича. Который был добрым малым, искренним и беззлобным, подкупающим других открытым честным взглядом и соответствующими манерами поведения.

Это-то сейчас и смущало больше всего. Кто-то даже предположил, что Вася Колесов сошел с ума. Что означало -- и относиться к нему надо было как к сумасшедшему.

Что, впрочем, противоречило трезвому взгляду на Василия Аркадиевича. Роста у него было чуть ли не под два метра. Носил кучерявую шевелюру. В его сорок лет волосы уже были кое-где с проседью. Зубы имел большей частью вставные, и они блестели цветным металлом, отражаясь, например, в бокале. Пил Колесов много. Он пил каждый день, заходя после работы (работал в руководстве одного из питерских вокзалов) в кафешку, где садился за столик, и выпивал традиционную бутылку легкого вина. После чего шел домой. Дома ждала жена-стерва, которая тоже где-то работала, но для Колесова никогда ее работа не имела принципиального значения, и даже можно было предположить, что он как-то и не вдавался в подробности, где работала его супруга. Знал только, что проституткой она не была. Слишком невзрачная внешность у нее была для проститутки. И Колесов,

---

который периодически пользовался услугами путан, считал, что те все были красивые, сексуальные, и доступные. Причем о том, что из всех качеств, которым он бессознательно их наделял, было верно только третье - не задумывался.

Он вообще старался меньше задумываться.

А тут вдруг как прорвало. И в голову Василия Аркадиевича стали приходить столь ужасные мысли, что он не знал, как от них избавиться. Пытался, конечно. Но пока мог признать, что у него мало что получается.

2

Случилось так, что Колесов нашел выход из положения, в которое попал таким незавидным образом. Выход заключался в признании легитимности своих новых ощущений.

И вскоре оказалось так, что они ему и действительно оказались очень нужны. Да и вообще важны, наверное, для продолжения жизни. Хотя жизнь обычно продолжается в детях (которых у Колесова не было), или в прижизненном возведении себе памятника в виде чего-то, что останется (или только будет) актуальным после смерти.

Никакой особой актуальности в своих занятиях на вокзале Колесов не видел. С детьми тоже продолжалась затянувшаяся незадача. Жена иметь детей не могла. Да и, признаться, не особо любила вообще сексуальную форму жизненных отношений. Считая, что намного важнее простые человеческие чувства. "Была фригидная в общем",-- считал Колесов, и был в общем-то прав. А не только оправдывал свои походы по проституткам, которые всегда встречали его с лаской и

заботой, и в течении оплаченного времени были готовы на многое, а некоторые (за отдельную плату) и на все.

Итак, Василий Аркадиевич вдруг как-то неожиданно осознал, что для того, чтобы избавиться от своих душевных терзаний, должен просто-напросто принять себя таким, как есть. "То есть чудачком",--как сказал бы кто-то. "Или шизиком",-- вторил бы ему другой. "Нет,--воспротивился бы этому третий,--Василий Аркадиевич был загадочной личностью. И все что не делал - было тайно обоснованно им. А чтобы подобное стало понятно и другим - требовалось время".

На самом деле Колесов был вполне обычным человеком. И видимо как раз это в итоге повлияло на его решение в принятии жизни во всех ее красках, несчастьях, соблазнах, и пустых мечтаниях, вкуже с нереализованными фантазиями. Которыми порой предавался Василий Аркадиевич, хотя и старался не злоупотреблять.

Выработав для себя определенную модель поведения, Колесов стремился всячески ей соответствовать. И иногда у него даже получалось.

Да и не оставалось ему уже ничего иного. Смириться с собой,-- и пытаться изменить себя. В этом, по его мнению, был залог выживания. И стремления к достижению еще большего результата, а равно закрепления результата уже имеющегося.

3

Однако периодически в Василия Аркадиевича словно вселялся бес. И тогда его невозможно было унять, как только если бы кто попытался треснуть его по башке (чтобы образумился).

Но с внешними данными Колесова желающих сделать подобное пока не нашлось. И он так и жил в этом мире, идя на уступки с судьбой и совестью (Колесов брал взятки, и активно давал их другим чиновникам, вышестоящим), если бы как-то не встретил двух девушек, которые не только были неразлучными подругами, но и были настолько неразлучны, что даже в постель к Колесову ложились вдвоем (для любовных утех Василий Аркадиевич специально снимал квартиру).

Вскоре Колесов поймал себя на мысли, что влюбился. Причем сразу в двух. Потому что по одной своих девушек он не олицетворял. Два в одном - это было вернее.

Влюбившись, Колесов попытался было попробовать изменить жизнь, признавшись двадцатилетним красавицам (красота - понятие относительное) в любви, и предложив официально оформить отношения (и уже представив, как родится у него сразу не один, а двое детей, а то и больше, если у кого-то будет двойня).

Но девушки (Люба и Наташа) почему-то не согласились. А чтобы Василий Аркадиевич (они называли его по имени-отчеству) не обиделся, да не подумал чего-то совсем уж плохого, сказали, что уже имеют официальных женихов. Которые работают в газодобывающей отрасли, и, несмотря на молодость, имеют неплохие перспективы по работе.

Колесов тут же вспомнил, что в отличие от этих славных женихов он не имел перспектив. И уже пять лет пребывал в одной должности. Причем ту - ходили слухи - собирались со временем упразднить.

Может показаться странным, но в итоге именно это подтолкнуло Василия Аркадиевича к необходимости достижения большего в этой жизни. Причем он пока продолжал жить с девушками (предоставляя им любую свободу и продолжая заниматься любовью). Но уже знал, что в скором времени с ними расстанется. Это будет особый жест, свойственный барам,--как считал Колесов, рассчитывавший получить повышение, а значит и прибавку материальных ресурсов, хотя и так получал достаточно неплохо по российским меркам, а с учетом взяток - ежемесячный доход его уже давно превысил планку в несколько тысяч долларов США, хотя и пока никогда не превышал десяти тысяч в той же валюте.

В США, кстати, Колесов со временем планировал уехать. Жить. Но сначала решил, что должен максимальный доход извлечь со своей Родины. "Уже хотя бы для того,--размышлял Василий Аркадиевич,-- чтобы по приезду в Соединенные Штаты приобрести там недвижимость, автомобиль, и оставить сумму, необходимую на вполне сносное существование хотя бы в течении года". За год он намеревался в Штатах пообжиться, выучить язык, да и вообще - проникнуться любовью к новой Родине. О которой пока имел довольно поверхностное мнение. Но это пока.

Это было только пока еще и потому, что Василий Аркадиевич усиленно занимался самообразованием. Читал он действительно много. Хотя и чтение носило скорее поверхностный характер. Например, он с равным интересом читал книги и по философии, и по историю, и при этом каким-то незавидным образом перемешивал это с чтением бульварной литературы, всяких желтых газет, гламурных журналов, и прочей

беллетристической ерунды. От которой иной раз ему становилось не очень хорошо, а главное - стиралась грань между реальностью и ложным, абстрактным существованием. Которое он иной раз принимал за чистую монету, а после отплевывался, да и вообще старался всячески откrestиться от полученных подобным путем знаний.

Путных знаний он и на самом деле не приобретал. А те, что заполняли его мозг, были в большинстве - исключительно вредны. И что уж точно - весьма и весьма поверхностны.

И тогда уже если за что-то Колесов продолжал держаться в этой жизни, то только за свою мечту. Которая, как знал, когда-то непременно должна осуществиться. И тогда он изменится до неузнаваемости. А пока...

А пока Василий Аркадиевич Колесов был простым человеком. Таким же, каких много можно встретить на просторах Руси. И каждый из этих простых людей жил своей жизни. На что-то надеялся, чего-то добивался в жизни, совершал ошибки и после стремился их исправить. В общем - ничего примечательного. Разве что Колесов знал, что остается он таким только до поры до времени. А потом станет другим. Другим...

Но это уже будет после.

Когда? Когда - не знал и сам Колесов. Решивший оставаться простым человеком столько, сколько потребуется.

"Тем интересней будут изменения", --подумал он, и стал набирать телефон знакомых девушек. Они ему сейчас были нужны. Он хотел снять напряжение от своей слишком простой жизни. От которой в душе стремился все больше и больше

дистанцироваться. Уже будто бы и не принимая ее. И веря, что скоро ее уже не будет...

Сергей Зелинский

14.08.07 г.

рассказ

Желание ошибки

По сути, уже можно было говорить о серьезной зависимости.

Причем с каждым годом она не утихала, не прекращалась, и только разрасталось его влечение к сиюминутному удовлетворению желания.

Какое было желание? Знакомство. На первый взгляд простое знакомство с женщинами. Но установки, вводимые при этом, соблюдались беспрекословно.

Первое - женщина должна быть одна. Второе - подходить по всем, имеющимся в подсознании, параметрам. Третье, четвертое, и пятое было неважно. Шестым правилом было не доводить объект до секса. И даже не провоцировать возникновение подобного желания.

Впрочем, желание должно было предусматриваться само собой. Но при этом всем своим видом Аристарх должен был показывать свою незаинтересованность в акте любви. Который предусматривался, конечно, но пока только в перспективе.

Причем женщина также не должна была потерять интерес к Павлу Андреевичу (при знакомствах он называл себя Аристархом). Да и он обязан был внушить ей исключительную любовь к ней. Но... как бы ненавязчиво. То есть полностью

завладеть ее сердцем и разумом, но излишне не форсировать события. И даже, когда разгоревшаяся любовь готова была перерасти в страсть, немного сдерживать. Влюбленную, и, разумеется, сдерживать себя.

Это поначалу, когда только экспериментировал, Павел Андреевич в тот же день когда знакомился уже и оказывался в постели. Но тогда ему было двадцать. В тридцать он уже стал осторожнее. Сейчас, в сорок пять, понял, что и вообще не нужно гнать коней. Тем более Аристарх (Павел Андреевич) обладал удивительной особенностью внешности. Каждая женщина (любого возраста) видела в Аристархе того мужчину, которого мечтала встретить. Тем более что помимо внешности (настоящей внешности мужского красавца, почти мачо) Павел Андреевич мог великолепно выстраивать любую беседу (с кем угодно). Да и видимо существовали еще какие-то силы (не будем говорить сверхъестественные, назовем стечением обстоятельств), которые только усиливали внешние и внутренние качества Аристарха, и, по сути, действовали наверняка. После чего женщина уже была сражена от одного вида Павла Андреевича (представлявшегося Аристархом, а в иных случаях - Феликсом Германовичем), а уже после беседы с ним фактически готова была на все. Так выходило. Почему? Загадка. Загадка, которую Аристарх-Феликс Германович-Павел Андреевич (в исключительных случаях он представлялся настоящим именем, например, когда знакомился с женщинами в форме сотрудников милиции и прочих фискальных органов) предпочитал всем загадывать, но ответ держать при себе. Скрытный он был что ли? Нет. общительный, и всегда

производящий приятное впечатление. Даже когда бывал пьян. Пьяный, впрочем, он располагал по-своему.

И уже можно было сказать, что Павел Андреевич купался в славе, удовлетворяя свои мелкие инстинкты (стремление к власти, например). Но так было говорить нельзя. Какое-либо проявление славы было для Павла Андреевича безразлично. Он вполне адекватно относился к своим возможностям. И, по сути, не считал их такими уж сверхъестественными. Разве что, когда напивался... Впрочем, в тридцать он уже пить бросил. Разве что курить себе иногда позволял. Курил Павел Андреевич травку. Но это так. Баловство. И почти исключительно для снятия стрессов и общения с собственным бессознательным.

.....

Случилось так, что Аристарх устал от себя. От своих способностей, от беспроегрышности ситуаций, которые провоцировал, осуществлял, закреплял, и начинал новые поиски дам, после чего все повторялось. Сейчас от этого он устал. Ему вдруг захотелось ошибиться. Испытав затруднение - ошибиться. Проиграть, другими словами. А значит, и уйти не солоно хлебавши.

Не получалось. Словно бы в самый последний момент что-то останавливало Аристарха. И партию он заканчивал победителем. Исключительным победителем. Уже независимо от того, как он эту партию начал.

.....

Однако жизнь Павла Андреевича уже приобрела категорию кошмара. Выработалась определенная зависимость, от которой он уже не мог избавиться. Даже если бы очень захотел.

Потому что все происходило без его какого-либо желания. Словно бы и независимо ни от чего, Павел Андреевич Ронариус (кстати, грек по национальности) вынужден был играть в эту самую игру, которая только весьма условно могла бы назваться любовью. Нет. По крайней мере, со стороны Ронариуса никакой любви не было. Была зависимость необходимости повторения подобного. Стремления от этой зависимости избавиться. И неутешительного подытоживания имеющихся фактов. По которым рос легион женщин, искренне влюбленных в Ронариуса (фамилию он всегда называл только свою). И стремление Ронариуса от всех этих женщин избавиться.

Глупо, конечно, но все это было именно так. Причем Павел Андреевич, словно бы и в тайне от себя, принялся апробировать методики, которые, по его мнению, должны были привести к обратному результату. То есть - вызвать ненависть женщин.

Но вызывали только любовь. От которой Ронариус совсем не знал куда скрыться. Разве что в преисподнюю. Но догадывался, что дамы за ним последуют и туда.

И все бы и оставалось так (проходило время, дни, месяцы, и годы), да вот внезапно Павел Андреевич иссяк. Устал. И на фоне усталости совершил ошибку, после которой вся годами выстраиваемая им система стала рушиться, словно карточный домик.

А все дело в том, что однажды Ронариус не удержался и переспал с понравившейся ему женщиной. Хотя и переспал, было громко сказано. В любви Аристарх оказался несостоятелен. То есть у него вроде как и вставал, да опускался прежде чем дело доходило, собственно, до дела. Причем, когда подобное произошло первый раз, Ронариус было подумал, что виновата партнерша. Но, повторив подобное со второй и третьей - понял, что виноват исключительно сам. У него было какое-то редкое заболевание. Когда в десяти случаях из ста (ну или в одном из десяти) у него все не только получалось, но и продолжалось до полного изнеможения партнерши. А сам Ронариус, успешно завершив дело несколько раз, был по-прежнему преисполнен сил и решимости продолжать.

Но в другой раз - у него уже ничего не получалось. Причем просчитать подобное оказалось совершенно невозможно. Хотя какую-то систему он и пытался выстроить (по образованию Ронариус был математик).

Забегая вперед, скажем, что от полного краха и какого-то затяжного депрессивного состояния Павла Андреевича Ронариуса спас батюшка - отец Алексей. Который, как уверял Павел Андреевич, поведал ему одну истину. Согласно которой... В общем, теперь Павел Андреевич смог, наконец, почувствовать себя человеком. И даже женился. А жене не изменял. Пока. Но ведь и жить-то они только начали.

P. S. А через время в жизни Павла Андреевича Романидзе (он взял фамилию жены) все повторилось. Но это уже другая история.

Сергей Зелинский

---

25 июль 2007 год

рассказ

Девушка из регистратуры

Можно было бы конечно сказать, что он заранее ошибался. Но если уж так, то подобное можно было говорить часто. И, несмотря на это, с позиции иного подхода все подобные мысли о Владимире Пушкарском будут неверны. Не слишком он был прост, чтобы стало возможно так-то уж легко делать о нем какие-то выводы. Даже, может быть, он был сложен. Иной раз - даже более чем. И при этом - старался на мир смотреть по-простому. И именно это, быть может, как раз и смущало остальных. Хотя, может быть, и не смущало. Тут уж, как говорится, смотря с какого подхода подобный вопрос рассматривать. Сам Пушкарский предлагал как минимум три варианта "восприятия себя".

По первому, ему бы хотелось, чтобы его вообще никак не воспринимали. Так, словно бы его не было вообще. Не существовало.

По второму, Владимиру понравилась бы исключительно положительная характеристика его жизни. Так, что все, что он совершал - преподносилось бы с позиции позитива.

Третий вариант предусматривал определенную долю критики его дел, но с такими коррективами, что критика эта не должна была касаться каких-либо судьбоносных решений, принятых им в жизни. Что было, в общем-то, невозможно. Это понимал и сам Владимир Пушкарский. Который к своим сорока двум годам на совершал столько ошибок, что никак не мог

избавиться от чувства вины, мучавшее его. Причем, иной раз, мучившего настолько, что Пушкарскому хотелось, чтобы поскорее наступил страшный суд; и он разом за все или оправдался, или получил свое наказание, чтобы поскорей отбыть его, и зажить спокойно.

Жить в спокойствии, это, пожалуй, было чуть ли не единственным, чего он по настоящему желал. Желал, но не мог позволить. И виной тому, прежде всего, был он сам. Потому как день ото дня находил столько негатива в окружающей его жизни, что загонял себя в угол стремлением исправить этот негатив.

Не получалось. Тогда он стремился... К чему он на самом деле стремился, Владимир знал весьма условно (можно сказать только догадывался). Но уже точно было то, что подсознательно этот маленький человечек с немного излишним весом тела желал добиться в жизни какого-то результата. И учитывая, что в большинстве случаев происходящих с ним в жизни результат был отрицательный (по крайней мере, в его восприятии), он хотел результата положительного.

Что не всегда удавалось. Но ведь он стремился. И чем больше проходило времени (дней, месяцев и лет), тем более подобное стремление вызывало уважение у тех, кто наблюдал за Пушкарским. Хотя и наблюдал, конечно же, не совсем верно. Это я каким-то образом старался держать Владимира в поле зрения. Мне он был по некоторым причинам интересен, да и любопытно было проследить, чем закончится его борьба.

Что же касается других (тех, кто знал Володю Пушкарского), то наверняка им он тоже был интересен. Хотя бы в качестве человека, который решил бросить вызов судьбе, стремясь

пустить ее по несколько иному направлению. Добившись успеха, который ранее был ему не свойственен.

.....

Работал Володя в каком-то КБ, чем-то сродни чертежнику. Работа как работа, с небольшим заработком и уймой свободного времени.

Коллеги Пушкарского занимали свободное время употреблением алкоголя (круглогодично), или поездками на дачу (в весенне-летний период). Пушкарский же в свободное от работы время (ну, то есть, когда не удавалось заполучить должное количество заказов для занятости) старался остаться исключительно один.

Чем он тогда занимался, было своеобразной загадкой. Можно было предполагать все что угодно, но я знал, что Пушкарский все свободное время тратил на повышение самообразования. Читал, в общем. Много и весьма упорядоченно. Наметив для себя спектр научных интересов и литературно-художественных пристрастий. И всецело погружаясь в знания.

Но проблема в душе Володи на самом деле не исчезала. Да это даже была и не проблема. Ну, или если проблема, то уже можно было допустить, что подобной проблематикой была преисполнена вся жизнь Пушкарского. Ибо он вдруг заметил, что чем больше получает знаний, изучая книги (преимущественно научные; при чтении художественных подобного пока или не наблюдалось, или же наблюдалось в меньшей степени), тем больше в его душе начинает развиваться какая-то странная и загадочная тревожность. Загадочная, потому как не была

подтверждена чем-то происходящим в реальности. Ну, то есть, какие-либо совершаемые Владимиром поступки на самом деле не имели настолько вредного для других характера, что стоило о свершенном переживать или раскаиваться. Вот ведь в чем вопрос.

Володя, конечно, все равно переживал. Он вроде как и стремился как-то выправить ситуацию, да на самом деле уже вскоре мог признаться, что у него ничего не получается.

И несмотря на все его стремления к позитиву - все это было действительно так. Не удавалось и все. А то и тревожность вдруг начинала нарастать. И тогда психика Владимира Пушкарского и вовсе находилась на грани безобразия. А все попытки ситуацию изменить - оказывались бесперспективными. Неудачными, в общем.

И вроде как уже начинало казаться ему, что и нет никакого выхода. Да потом все внезапно проходило. Исчезало словно бы и само собой. А на место тревоги - приходила неопишуемая радость. Патология, в общем,--понял Пушкарский, и пошел на консультацию к знакомому психотерапевту.

Тот его встретил с распростертыми объятиями. Но Володя заметил в его взгляде что-то такое, что постарался свести свой приход на желание просто увидеть давнишнего товарища. Чем весьма озадачил психотерапевта.

Впрочем, Нуриф Абасович не показал вида. Товарищи вполне любезно поговорили, после чего Володя неожиданно засобирался домой, сославшись на необходимость доделать ряд дел.

Нуриф Абасович не стал задерживать приятеля, в дверях предложив при случае обращаться за помощью, если вдруг возникнут какие-либо дискомфортные состояние.

Пушкарский тогда как-то странно на него посмотрел, и уверил товарища и психотерапевта, что как раз с ним всегда все было в порядке.

--Ну, ну,--подумал Нуриф Абасович, и крепко пожал больному руку.

--Сволочь,--подумал Пушкарский, спускаясь со ступенек психологического центра, где работал товарищ.--Да и больше он мне не товарищ,--зашла, было, на очередной виток спирали мысль Володи Пушкарского, как он вдруг неожиданно поскользнулся, и упал.

--Вот же сука,--медленно приподнимаясь и не в пример четко выговаривая слова (обычно Пушкарский немного жевал их когда говорил) произнес Володя.--А все из-за него...--неприятенно он посмотрел на окна центра (к тому времени Пушкарский как раз вышел на улицу).--Если возникнет дискомфортное состояние - приходи,--язвительно передразнил он Нурифа Абасовича.--Приходи... А вот возьму и приду,--неожиданно подумал Володя, и повернувшись, вбежал по ступенькам, рванув дверь медицинского центра (в его сознании промелькнуло, что раньше ему показалось что центр был психологический, сейчас он прочитал что медицинский),--сами не могут разобраться, пробурчал Пушкарский, и еще через несколько минут вдруг понял, что он забыл нахождение кабинета Нурифа Абасовича.

Пришлось спускаться вниз и справляться в регистратуре.

--У нас такой не работает,--нежно проворковала медсестра с отвлекавшей взгляд грудью, явно не вмешавшейся в белый халат (то ли грудь слишком большая, то ли халат не по размеру,--отчего-то зло подумал Пушкарский, не сводя глаз с явно засмущавшейся девушки).

--Простите?--очнулся Пушкарский.--Как Вы сказали?

--У нас такой не работает,--вежливо повторила медсестра.

--А вот взять бы тебя и трахнуть,--подумал Владимир.--Простите, девушка,--вместо этого сказал он.--Я практически только что вышел из кабинета Нурифа Абасовича. И мне хотелось бы в этот кабинет попасть снова,--улыбнулся Пушкарский, как ему показалось обеззаруживающей улыбкой.

--Но у нас и правда такой специалист не работает,--растерялась медсестра.--Если хотите, я скажу вам номер кабинета заведующего отделением ("на каком вы были этаже"?--посмотрела на него девушка, переводя глаза в книгу учета, и собираясь по ней определить к заведующему какого отделения направить мужчину).

--Мне не нужен заведующий отделением,--вежливо произнес Пушкарский (у него вновь получилось четко проговорить все слова, что он не без радости отметил про себя).--Я хотел бы попасть только к Нурифу Абасовичу Магомедову.

--А, так вы к Магомедову?--изумленно посмотрела на него медсестра.--Так он уже ушел.

Пушкарский как-то странно посмотрел на нее.

--Простите?--на всякий случай переспросил он.

--Ушел, ушел,--кивнула медсестра.--Прямо перед вами и ушел.

--Куда ушел?--не понял Володя.--Если я зашел обратно как только вышел, и его не встретил, то как же он мог уйти?-- проговорив вслух определенную мыслительную работу Владимир Пушкарский, подозрительно посмотрев на девушку из регистратуры (взгляд Владимира вновь скользнул по ее объемной груди, и он подумал, что все-таки было бы неплохо ее...)

--...Я говорю его уже не будет,--услышал Пушкарский доносившиеся до него слова девушки.--Приходите завтра.

--Да не хочу я завтра,--произнес Владимир, но, заметив, что за ним уже образовалась небольшая очередь, извинился перед девушкой, и направился к выходу.

Выйдя из медицинского центра (Пушкарский различил, что на входе было написано медицинский центр), Владимир Петрович задумался. Ему вдруг очень захотелось обхватить необъятные груди той девушки из регистратуры. Хотя он понимал, что делать этого, в общем-то, не стоило. В общении с девушками Владимир вообще чувствовал некоторый дискомфорт. С одной стороны,-- ему их всегда хотелось. А с другой,-- он как-то стеснялся в этом признаться. И ему оставалось лишь мечтать, что когда-нибудь он попадет в такие условия, когда появится возможность не скрывать своих желаний. Признаться в них. Явно угадывая ответное желание у какой-нибудь девушки.

.....

В последующие несколько дней ничего не изменилось.

Владимир все так же ходил на работу, уходил с работы, дома занимался самообразованием (жил он один), и практически все так же мечтал о какой-нибудь девушке, с которой мог бы

предаться тем фантазиям, которые нет-нет да и подступали к нему из подсознания (далее он обычно их старался не выпускать).

А потом к нему неожиданно пришел Нуриф Абасович. С девушкой из регистратуры. Как-то довольно просто обосновав свой приход желанием помочь давнишнему товарищу.

И, получается, подумал Владимир, каким-то образом угадав его желания.

На самом деле, как понял Владимир, девушка из регистратуры рассказала Нурифу Абасовичу о разыскиваемом его товарище. А тот каким-то образом догадался (выслушав ее эмоционально насыщенный несуществующими подробностями рассказ), о чувствах девушки из регистратуры к Владимиру Пушкарскому (угадав в ее описании образ Пушкарского).

Через время, попив чая с водкой и наговорившись вдосталь, Магомедов ушел; а девушка осталась.

А еще позже, она собрала вещи, и перебралась к Владимиру. Жить. И заниматься с ним теми делами, о которых до этого он был вынужден лишь тайно мечтать.

--Все тайное когда-то становится явным,--подумал Владимир Петрович, и на какое-то время успокоился. Тревога и сомнения его больше не беспокоили.

Отпустив хотя бы на время, пока не закончатся деньги, которые заплатил Нуриф Абасович девушке из регистратуры (наказав строго-настрого молчать о том Пушкарскому). Да и, если честно, она и не хотела брать эти деньги. Да уже настоял Нуриф Абасович. Ведь он хотел своему товарищу только счастья (пусть и счастье обеспечивалось в рамках задуманного им эксперимента). И знал, что счастье гораздо прочнее и надежнее, если оно

подкрепляется еще и финансовым подспорьем. По крайней мере, так оно действительно надежнее,--решил Нуриф Абасович Магомедов. А Владимир Пушкарский, так тот и вообще радовался чему-то своему, предпочитая не упоминать вслух причины радости, словно опасаясь, что та может исчезнуть.

--Ну а будущее покажет,--улыбался в это время Нуриф Абасович, переводя очередной транш на счет девушки из регистратуры. Хотя какая там регистратура. Там она уже не работала...

Сергей Зелинский

31.07.07 год.

рассказ

Желание

1

Ему хотелось всего. Всего и сразу. Но всю жизнь он фактически вынужден был заниматься только одним. Обузданием своих желаний. Желаний, начало которых скрывалось глубоко в подсознании. И которые если и выхлестывали наружу, то лишь в тайных мыслях, мечтах, и совсем неприличных снах.

Хотя в большинстве случаев (в те редкие разы когда это удавалось) в снах только намечались контуры реализации свобод. А когда они уже было и начинали воплощаться - он просыпался. И вновь и вновь анализируя то, что могло бы произойти, но так и не произошло,-- задавался вопросом, почему это все-таки не удавалось. Не удавалось в жизни.

.....

В жизни Марат Ваганович вынужден был носить маску степенного и уважаемого человека. Недавно ему исполнилось пятьдесят. И как было признаться ему, что в душе он по-прежнему молод. И ему хотелось безудержного секса с несколькими партнершами, которых бы он подобрал для себя сам.

Воображаемые партнерши Ваганова все сплошь были женщины с внушительными формами, крупные и красивые. А еще очень сексуальные. Которые отдавались Марату Вагановичу не по принуждению (или из необходимости, как за малым исключением случалось доселе между ним и его редкими дамими), а почти исключительно в соответствии с природной страстью. Которая в них бурлила и кипела. И которой они с радостью находили выход в половом общении с по сути милым человеком в жизни; а в постели -- настоящим монстром. И монстра этого звали Маратом Ваганович Авербух. Был он к тому же кандидат технических наук. И сотрудник НИИ оптики и точной механики.

.....

....

Работу свою Марат Ваганович любил.

Можно сказать, он шел к ней на протяжении учебы в средней и высшей школе, в аспирантуре, приблизился после защиты диссертации, и стал работать уже после того, как за него "замолвили словечко".

--А иначе и никак,--рассудил Ваганов, и спокойно принял правила игры, принятые в обществе.

Да он и мог это себе позволить. Хотя бы потому, что уже за пределами социума Марат Ваганович существовал был иной. Правда, выходил за эти пределы он пока исключительно в своих

мыслях и снах. Где все оказывалось по-другому. Где не требовалось подстраиваться по чье-то мнение, особенно если от этого мнения зависело решение какого-нибудь вопроса.

И никто не спрашивал его. А если и спрашивали, то Марат Валерьевич понимал всю условность подобного вопроса. И фактически уже сразу давал свое согласие или несогласие, в зависимости от интуитивного подстраивания под то, что от него ждали.

Сейчас он подстраиваться устал. Ему вдруг захотелось быть самим собой. И начать он решил с собственных мыслей.

Ну, или - с реализации в этих мыслях собственных желаний. Пока не обращая внимание на то, что желания эти носили в основном сексуальный оттенок. Хотя и не только. Ведь сексуальность это, по сути, самовыражение. Самодостаточность. А реализация сексуальных желаний как бы говорила о демонстрации своего величия. Пусть и распространявшегося на одну партнершу. Или на нескольких - как в фантазиях Ваганова.

То, что эти пока были только фантазии - Марат Ваганов себе отчет отдавал.

Но он и верил, что это только пока. И "проработав" их в подсознании (место дислокации мыслей делит между собой подсознание и малая часть сознания,--всегда считал Марат Ваганович) - Авербух понимал, что все, что он себе там навообразил - со временем окажется и в сознании. А значит и станет возможно для реализации в жизни.

А пока требовалось ждать. И приближать момент.

Случилось так, что на работу в НИИ где работал Авербух, пришла для прохождения практики молоденькая пятикурсница.

И помимо своей воли Марат Ваганович в нее влюбился.

Причем влюбился он самой что ни на есть плотской любовью. Когда душа и сердце его не сигналили при появлении Люси (так звали эту рыжую бестию, невысокого роста, плотную, с горящими огнем желанием глазами), а вот определенная часть тела сигнавила. Причем так, что впервые за всю свою жизнь Марату Вагановичу захотелось прямо на рабочем месте (как говорится, не отходя от кассы) осуществить акт любви. Взять, завалить, изнасиловать...

Как же переживал доцент Ваганов от подобных мыслей... Казалось, он готов был согласиться на все что угодно, только бы красивая девушка Люся поскорее закончила практику и возвратилась в свой институт.

Замечала ли Люся что-либо такое, происходящее с Авербухов? Замечала. Как замечала и вообще как на нее реагируют мужчины. Да и любила она этих мужчин с полусовершеннолетних лет. Но вот Марат Ваганович... Марату Вагановичу уже было все равно, девственница эта девушка или блядь; проводит свободное время за уроками и повышением своего образования, или шляется по клубам и тусовкам. И даже то, что она участвует в оргиях (почему-то Марату Вагановичу показалось, что Люси непременно участвует в оргиях) его не только не смутила, но и ему до всего этого стало безразлично. Стала безразличной жизнь Люси без него (ну, в плане, что она там вытворяла, если его не было рядом). А вот с ним...

С ним Люся пока была только в его желании. Причем, там, в фантазийно-мечтательном беспределе он оказался с ней в первый же день знакомства. И делал с ней такое!..

.....

Уже которую ночь Авербух не спал. Сон у него стал прерывистым, с налетом параноидального берда, полушизофренических фантазий, и внезапно вспыхивавших желаний.

Желания эти он был вынужден срочно реализовывать самоудовлетворением. Причем, как физическим (осуществлением механических действий направленных на получение оргазма), так и психологическим. Когда душа у Авербуха пела после того, как все удачно происходило. И даже сам Марат Ваганович тогда признавал, что ему хотелось жить.

Приятное, и одновременно загадочное это было чувство. Создавалось ощущение, что только что реализовалась мечта.

Но при этом где-то на отдаленном плане Марат Ваганович понимал, что желание у него по-прежнему существует. И желание это заключается в необходимости самого что ни на есть реального (физического и психического, то есть, подчинив тело, подчинить и душу) обладания Лерой.

--Причем здесь Лера?--неволью вырвалось у Марата Вагановича.--Речь ведь шла о Люси?

Лера, Люся... Авербух уже понял в чем тут дело. Только вчера он случайно узнал (услышав разговор в кабинете начальника), что к ним должна прибыть еще одна практикантка, Лера. Причем, еще не видя Леру - Марат Ваганович уже

подсознательно наделил ее сексуально-обворожительными качествами. "И это даже,--подумал он уже сейчас,--вполне соответствовало его тайному желанию переспать с двумя девушками". В данном случае-- ими могли бы стать Лера и Люся. Хотя точно также и...

--Точно также - все равно кто,--уверенно произнес Авербух, и решил непременно переговорить с Люсей на предмет удовлетворения страсти. И чтобы, когда приедет Лера - уже можно было бы с помощью Люси увлечь ее. И таким образом переспать сразу с двумя.

--А почему бы нет!--громко проговорил Марат Ваганович, прибавляя себе уверенности громким голосом.

Но вышло так, что с каждым шагом на пути приближения к Люси (по подсчетам Авербуха, она сейчас должна была находиться в лаборатории), энтузиазма у Марата Вагановича становилось меньше. А когда он подошел к дверям лаборатории (словно уже раздумывая - войти - не войти) и из открывшейся двери неожиданно вышла Люся, Марату Вагановичу не хватило даже смелости поздороваться с ней.

Отчего ему стало невероятно грустно и неприятно на душе.

.....

А на другой день Авербух взял отпуск по собственному желанию, и уехал из города. Ему непременно нужно было сменить среду. Забыть о своем позоре. И освободиться от желания. Сейчас он винил в том, что произошло только свое желание. Ведь если бы не оно...

В общем, нашедши, таким образом, виновного, Марату Вагановичу тот час же стало легко и свободно.

А еще он впервые за долгое время успокоился. Хотя и вопрос - надолго ли?..

Но об этом Марат Ваганович Авербух сейчас предпочитал не думать. В душе его был праздник. И портить этот праздник какими-то новыми мыслями не хотелось...

Сергей Зелинский

15.07.07 г.

рассказ

История

Мир удивлял, и по-своему завораживал.

Казалось, никуда невозможно было спрятаться от этой красоты.

Но и наслаждаться ей было невозможно. Хотя и хотелось... Павилихин поймал себя на мысли, что ему хотелось бы, чтобы все прекратилось. Причем сразу. Может боялся, что больше не выдержит?

Лейтенант Павилихин вышел из публичного дома. Он даже не знал, что его заставило зайти туда. Прошел слух, что в городе открылся первый официальный публичный дом. Можно было вполне легально придти, и...

Впрочем, видимо привлекло Павилихина не это. В качестве рекламы хозяйка борделя вывесила объявление, согласно которому первый раз можно было придти как на экскурсию. Ну, то есть, бесплатно.

Причем девушки уже будут раздеты, и в своих постелях ждать клиентов. На огромном мониторе отображались их комнаты. На стенах - фото и краткая характеристика (характеристика в основном сводилась к росту-весовым показателям и приемлемости к различным формам сексуальной близости).

Лейтенант Павилихин минут десять походил вокруг (словно делая рекогносцировку местности, а на самом деле считая заходящих клиентов. За десять минут не вошел никто), и наконец-то решившись - зашел.

Убранство публичного дома завораживало. Пальмы, портеры, полумрак, легкая музыка - и фотографии на стенах. На фото были представлены обнаженные девушки. Видимо работницы заведения, - подумал Павилихин.

Далее ситуация несколько вышла из-под контроля лейтенанта Павилихина. Он не заметил и сам, как оказался перед огромным, во всю стену, монитором. А как не мог оторваться от него на протяжении долгого времени. Столь долгого, что барышни-проститутки, видимо устав ждать, накинули на себя что придется, чтобы при случае можно было бы быстренько снять, и спустились в холл. Причем, по всей видимости времени уже действительно прошло очень много, потому что Павилихин стал восприниматься частью интерьера. А сами дамы вели себя несколько не стесняясь присутствия мужчины.

Впрочем, на мужчину лейтенант Павилихин был похож весьма условно. Высокий и худой, он своим женственным безусым лицом скорее напоминал лесбиянски настроенную девушку. Благо, что по возрасту двадцатитрехлетний Павилихин

скорее смахивал на задержавшегося в подростковом возрасте молодую девушку, нежели был похож на взрослого мужчину.

Да и какой он был взрослый. Так, одно название.

Впрочем, мужчиной Павилихин тоже пока не был. Не доводилось ему как-то переспать с девушкой. Он хотел по любви и после брака. Любви пока не было. Бракa без любви в его случае вообще не могло быть. К тому же Павилихин придерживался весьма строгих нравов. И во всем был предрасположен исключительно к обеспечению законности и порядка.

А еще он был зануда. И это перевешивало все остальное. Потому что на самом деле невозможно было общаться с таким человеком. Разве что за деньги. Но оказалось, что и здесь он предпочел закатить скандал, когда после его трехчасового нахождения в публичном заведении, решил уйти, не заплатив.

Ему указали на строчку под рекламой, где время экскурсионного просмотра ограничивалось получасом. Предполагалось, что за это время даже самый отсталый из клиентов сможет сделать выбор, решившись: остаться ему и сделать заказ, или убраться восвояси.

Видимо, когда делали рекламу, не знали о Павилихине. Потому что Павилихин тут же закатил скандал. Сославшись... в общем, он ссылаясь на что угодно. Внешне это выглядело, как какой-то придурок стоит, размахивает руками, и кричит.

Вызвали охрану. В охране работала внушительных габаритов женщина-лесбиянка (в прошлом - спортсменка-разрядница по метанию молота). Мужчин она не любила. Поэтому грозно надвинулась над Павелихиным, в намерении...

Павилихин все поняло, съежился, и, вытащив кошелек, отдал женщине все деньги.

Было заметно, что это ее сильно смутило. Она отступила назад, и призадумалась, держа в руках кошелек, и переводя взгляд с Павилихина на кошелек, с кошелька - на Павилихина.

Подошла хозяйка и предложила Павилихину определиться с выбором девочки. В том, что его так просто не отпустят, он уже понял.

Павилихин, было, заикнулся о ценах, но тут же смутившись - ткнул пальцем в первую попавшуюся девушку на фото.

Оказалось, девушки на фото и в реальности - различались. И это видимо ввело Павилихина в еще больший дискомфорт (он уже и так про себя желал, чтобы все поскорее закончилось). И он... он решил ускользнуть. Но выход был заблокирован женщиной-охранницей.

--Отпустите меня,--попросил Павилихин. Ему хотелось сказать, что он больше так не будет. Что он вообще готов отказаться от общения с женщинами. Он вообще многое мог бы сказать. Но слова застряли в горле. И все что получилось, это пасть на колени, и попросить отпустить.

--Да куда же Вы пойдете?--ласково спросила хозяйка (хозяйка, отметил Павилихин краем своего сознания, продолжавшего оценивать окружающий мир, была еще ничего).

Павилихин бросил взгляд на выход.

--Вы отсюда не уйдете,--словно бы говорила своим видам женщина-охранник.

--Позвольте,--против своей воли вновь стал в позу Павилихин.--Я не желаю...

Дальше он не помнил. Он только заметил рядом с собой разъяренное лицо охранницы.

А следующей картинкой, выплывшей в его сознании было осознание, что его насилуют, и после -- ощущение какого-то огромнейшего счастья, разливавшегося по телу.

.....

Когда Павилихин очнулся - рядом никого не было. Он лежал обнаженным, на кровати, на столике стояла бутылка вина, и Павилихин припомнил, что вроде как пил вино.

Или не пил. В бутылке еще оставалось немного мутноватой жидкости, он, осмотревшись, и заметив, что в комнате кроме него никого нет, осторожно потянулся к бутылке, отвинтил пробку, и понюхал.

В бутылке было вино. Он попробовал на вкус. Действительно вино,--сказал про себя, делая глоток.

Поставив бутылку на место, Павилихин быстро оделся, и собрался уже было уходить, как подумал...

В голове лейтенанта войск связи Антона Павилихина пронеслась мысль, что он только что переспал с женщиной. И это неожиданно вызывало в его душе ощущение какой-то силы и величия момента и свершившегося действия.

Но тут же радость исчезла. У лейтенанта Павилихина появилось сомнение в том, с кем он только что вступил в интимные отношения. И ему почему-то показалось, что это была женщина-охранница.

От подобного предположения у Павилихина появилось желание застрелиться. Но пистолета у него не было. Ему вообще по штату было положено оружие только в случае непредвиденных обстоятельств, связанных с необходимостью защиты Родины.

Пока по всему выходило, что Родине он был не нужен.

А еще он вновь подумал о том, что его только что изнасиловал охранник в юбке. Женщина. Его первая женщина. Но лучше бы ее не было.

.....

Почти полчаса потребовалось лейтенанту на то, чтобы настроить себя действовать решительным образом, и все-таки выскочить из вражеского лагеря. И он уже осторожно пробирался по коридору (дверь в номер, где его оставили, оказалась не заперта), как вдруг почувствовал непреодолимое желание остаться. И желанию этому были безразличны какие-либо недавние мысли Павилихина. Словно бы желание и мысли существовали отдельно. Имели, как говорится, различный объект базирования.

Проблема осложнялась тем, что помимо желания остаться, Павилихину непременно захотелось увидеть недавнюю насильницу. Неожиданно для него, ее возникший образ уже не был столь отталкивающим, как ему показалось вначале. Воображение Антона Павилихина вдруг вообще начало рисовать нечто близкое и родное. А еще ему вдруг захотелось повторения недавно произошедшего. И не то, что у Павла Олеговича возникло такое уж сильное сексуальное желание. Скорее было ощущение того, что в компании с той женщиной ему будет хорошо и

спокойно. Прежде всего, спокойно. Павилихин вдруг признался себе, что больше не кажется беззащитным. То, что его взяли, и сделали с ним все, что захотелось, словно бы сломало в его душе какую-то стену, возникающую было ранее при общении с женщинами и даже вообще с людьми. И он почувствовал разливающееся по телу тепло. Почти точно такое же, как испытал совсем недавно, и впервые в жизни. Теперь он стал мужчиной, подумал Павилихин. А значит должен и действовать как мужчина.

Но самое загадочное было то, что действовать как мужчина ему совсем не хотелось.

Хотелось же ему, чтобы его снова взяли силой и изнасиловали. Изнасиловала, конечно же, женщина. Причем та самая, которая уже проделала с ним свои нехитрые манипуляции. И хоть деталей Антон не помнил, он со всей отчетливостью желал повторение момента.

И чтобы уже с ним не случилось, знал, что будет теперь все по-другому. И может быть даже -- что-то изменится в жизни. Ну, то есть, жизнь повернется к нему лицом (до этого она норовила повернуться другим местом).

Павилихин приободрился, распрямил спину, и уверенно стал спускаться вниз, готовый при виде первого встреченного им человека потребовать отвезти его к женщине-охраннице, и, далее, признаться той в любви.

Но вот он уже спустился, а никто ему так и не попался. Более того, Павилихин вдруг заметил, что входная дверь вообще открыта.

Он подошел и прикрыл ее. Лейтенант Антон Павилихин не намерен был покидать поле боя, и решил не остаться.

А принятые им решения с недавних пор был намерен исполнять. Начать исполнять. Потому как ранее сделать подобного у него все не получалось.

.....

Проходило время. К Павилихину так никто и не вышел. Он даже пробовал позвать кого-нибудь, да не знал, что именно сказать в качестве вызова. И ограничился тем, что несколько раз вполголоса что-то проговорил. Что?--разобрать было невозможно.

--Странно...--подумал Павилихин еще через час. За это время так никто и не появился. Только раз ему показалось, что наверху хлопнула дверь и послышались чьи-то шаги, да тут же все разом исчезло, и Антон Олегович согласился, что все ему просто почудилось.

Прошло еще два часа. Павилихин захотел в туалет, но, поискав глазами и не нашедши тот, решил терпеть.

Еще через полчаса ему захотелось есть (он вдруг вспомнил, что сегодня еще не завтракал, намереваясь сделать это после экскурсии в публичный дом). Часы пробили третий час пополудни. Потом четыре, пять, шесть, семь часов...

Время приближалось к полуночи, когда входная дверь осторожно приотворилась, и еще через время в нее просунулась голова какого-то придурка. Вернее - это Павилихину увиденное им лицо показалось похожее на какую-то придурковатость владельца. Хотя вполне может быть, так это и не было.

Впрочем, голова, которая уже почти вытянула за собой шею, а после и туловище - исчезла. А спустя минуту затворилась дверь.

Павилихин решил уже не ждать и подойдя к двери дернул за ручку. Ручка осталась у него в руках.

--Ерунда какая-то...--поймал лейтенант Павилихин выскользнувшую было из его головы мысль.

Следующим шагом Антона Павилихина было высадить дверь, и выбравшись наружу, обmaterить все и вся и убраться восвояси. Ну, разве что, сразу после выхода, подумал Павилихин, необходимо было найти какой-нибудь укромный угол, сделать свое дело, а после уже и убираться, с намерением больше сюда никогда не приходить (немного ранее Павилихин намеревался придти сюда на другой день, но сейчас отменил собственное решение).

Дверь не поддавалась. Павилихин стал бить по ней ногами и громко ругаться.

Получалось только ругаться (да и то, как-то по детски). Дверь же оставалась неприступна.

--Какое это все же блядство...--хотел, было, в очередной раз выругаться Павилихин, как перед ним возник образ женщины-охранницы.

.....

Позже, и когда он уже вышел наружу, и когда прошло много дней, и даже месяцев после произошедшего с ним инцидента, Павилихин засомневался, что действительно ли тогда перед ним возник только образ охранницы, или может это была она сама, а может... а может он просто увидел каким-то сверхъестественным зрением место, где лежал ключ.

Как бы уже не было, тогда Павилихин действительно вырвался на свободу. А потом еще долго обходил странное заведение стороной. Ему оно казалось действительно странным.

Точно также как он уже не был так уверен, что все, что с ним когда-то происходило - происходило в реальности. А раз так... А раз так,-- то возникали серьезные сомнения по поводу того, действительно ли он переспал с женщиной. Потому как,-- если не переспал - то подобное необходимо было срочно сделать. А если переспал - то на какое-то время можно от женщин вообще отдалиться. Также как и от мира. Занявшись переосмыслением жизни. И всего, когда-то в этой жизни с ним произошедшего.

И он действительно отдалился от мира. Став жить в каком-то своем мире. Мире собственных грез и фантазий наяву.

А с армии Павилихин уволился. Служить ему расхотелось. Да и людей со странностями в армии предпочитали не держать. Если не было какой особой необходимости...

Сергей Зелинский

08.08.08

рассказ

Всегда только правда

Так получалось, что он явно чувствовал свою зависимость.

Пусть поначалу это еще и не выражалось столь ярко и красочно (трагично на самом деле), как это было сейчас. Но в свои годы (годы среднего мужчины) Баркушев начинал догадываться, что это конец. Скоро будет конец. Пока еще, наверное, был шанс. И то, получалось у него уже через раз. И самое печальное, что он уже и не хотел этого раза...

Хотя еще интуитивно тянулся к женщинам. И даже в какой-то мере их хотел.

.....

Трагедией этого человека были лгуны и предатели. Все чем занимался Баркушев, он стремился делать с основательностью, которой по праву могли бы завидовать многие.

Многие, но не все. И даже те, кто завидовал - предпочитал поскорее об этом забыть. Чтобы... ну, быть может, чтобы не испытывать судьбу?--предположил как-то Баркушев, и уже понял, что ошибся. Ему трудно было предугадывать психологию нравственных мерзавцев. Сам Баркушев знал, что таким никогда не был, и не будет. Он даже наоборот, имел какое-то внутреннее предубеждение по поводу моральных негодяев (как он их называл), зная наперед, что не согласится ни на какие уступки с собственной совестью. А если услышит какое-то подобное предложение от других - уйдет, не дослушав. Он предпочитал с такими не общаться. А испытываемое желание дать им в морду - прогонял. С юности. Пока не привык сдерживать себя.

.....

Как-то случилось так, что к занимавшему высокий пост Баркушеву (он работал в городской администрации) пришли люди и предложили сделку. Согласно ее результатам Баркушев мог стать обеспеченным человеком. Хотя и еще раньше его могли посадить. При том, что даже если бы и не посадили (если Баркушев чем-то начинал заниматься - он рассчитывал все от и до), Иван Борисович все равно бы не стал заниматься чем-то

похожим. Вместо этого... Да что там. Было у Баркушева где отвести душу. Причем, здесь была им разработана целая наука. И правила практически строго соблюдались на протяжении многих лет. А сам принцип соблюдения их был столь незыблем, что, казалось, ничто не могло убедить Баркушева придумать какие-либо иные средства релаксации (как он это называл).

Итак. Два раза в неделю спортзал. Два раза в неделю - любимая женщина (женщина или девушка - уже в зависимости от настроения подбирался и возраст партнерши: любимых было две). Еще один день - сауна или баня (в зависимости от желания). Еще один день - домашняя пьянка (легкая, это Баркушев еще называл общением с собственным бессознательным). И оставшийся день - отдых. Отдых означал, что Иван Борисович мог делать все что угодно. Основной принцип - не быть стесненным никакими рамками и условностями. В этот день он мог позволить себе даже самые старые желания. Зачастую такие желание носили оттенок какого-то былого запрета (нравственного запрета). Да и к реализации их Баркушев мог подойти только сейчас, в этом возрасте. Причем, уже судя по всему, шел к ним в какой-то мере всю жизнь. Быть может даже -- о том себе и не признаваясь.

К чему сводились такие желания? В большинстве случаев к одному. При более-менее трезвом анализе - в памяти Баркушева вдруг всплывало нечто, что давно уже требовало своего удовлетворения. Вот только подойти к этому ранее, он все действительно как-то не мог. А если и стремился, то у него не получалось, потому что наступление чего-то, на самом деле имеет свой срок. И если этот срок еще не подошел, то ваши попытки

приблизить подобное останутся безрезультативными. И фактически --ни к чему не приведут.

.....

Как-то получилось так, что Баркушев забыл свое нереализованное желание. Причем по всему выходило, что еще недавно оно было. Он помнил, что оно было.

Но вот как оно выглядело теперь,-- сколько не пытался, узнать Баркушев не мог. А все попытки его становились столь смешными и нелепыми, что вскоре он уже совсем неожиданно для себя готов был смириться с невозможностью в полной мере осознать происходящее. При этом понимая, что никакое желание ему, по сути, и не нужно. Ну, разве что для удовлетворения собственного тщеславия.

А еще выходило так, что отсутствие подобного желания означало бы, что Баркушев постарел и изменился. Ведь не могло же так случиться, что ему уже ничего не хотелось тайного? "Не могло",--в который раз ответил он сам себе.

"А раз не могло,--задумался Баркушев,--значит это и означало, что вскоре должно было все закончиться..."

"А что если я просто реализовал все свои скрытые желания?--неожиданно подумал Баркушев.--Что если они попросту закончились. И теперь..."

Думать о чем-то таком на самом деле не хотелось.

"Это может означать, что тебе уже ничего не надо,--вновь услышал Баркушев сам себя.--Означает, что ты перешел на некий иной этап развития. Может даже и не поднялся и не опустился, но

явно выходит, что теперь все может начаться по-новому. И что уж точно - по другому..."

Баркушеву стало как-то не по себе. По сути, он действительно заставлял всю жизнь себя говорить только правду. И вот сейчас получалось, что эта правда как бы грозила и причинить ему вред. Оказывая воздействие на психику. Даже, в какой-то мере, поглощая ее. И требуя таким образом от себя (от него) поиска чего-то нового, и даже неизведанного. Словно насмехаясь, зная наверняка -- что ничего этого нового и неизведанного нет. Вернее,-- есть конечно. Но самим Иваном Борисовичем Баркушевым оно уже пройдено. И что это все означает - Баркушев не знал. И сейчас даже не догадывался.

.....

Проходило время. Все оставалось по-прежнему. Шесть дней в неделю все оставалось по-прежнему. А последний, седьмой, день, словно бы каждый раз оказывался выброшен.

Но, пожалуй, самое интересное было то, что в какой-то мере Баркушев уже смирился со своим новым состоянием. И даже мог признаться, что оно стало для него не таким уж и новым.

И уже, в конце концов, получилось так, что это его новое состояние Баркушеву понравилось. И он уже понял, что до конца жизни всегда будет говорить только правду.

А это было, наверное, и действительно самое главное.
Правда. Всегда только правда.

Сергей Зелинский

08.07.07 г.

рассказ

Культура питья

Загадочный мир обрамлял жизнь Матвея Вершинина. Это только самому непритязательному наблюдателю внешний вид Вершинина мог ни о чем не сказать. А что ж тогда говорить о мире внутреннем? На самом деле можно было заметить, что и внешний и внутренний мир Матвея был как-то по особенному раним и прекрасен.

Создавалось даже впечатление, что Вершинин вообще был настоящий художник. Даже несмотря на его довольно приземленную работу проектировщиком (инженер-чертежник, по-простому), душа Вершинина жаждала гораздо большего. А сам Вершинин был преисполнен решимости добиться этого большего. Пусть не сейчас. Пусть еще придется какое-то время ("совсем незначительное",--верил он) подождать. А уже потом он насладиться счастьем.

И никуда уже это счастье не отпустит. Да и как можно отпустить то, что так долго искал. С таким трудом завоевывал. К чему всю жизнь стремился.

На счет срока жизни следует сделать уточнение. Несмотря на то, что на вид Вершинин выглядел явно за сорок, было ему на самом деле всего двадцать шесть лет. Вполне умеренный возраст для реализации каких-либо жизненных целей и задач. Хотя и уже возраст, переходящий некую грань, если учитывать, что крайне желательно было в таком возрасте уже определиться. Хотя бы с чем-нибудь. А не так, как Вершинин, плавать в неизвестности.

То, что Вершинин там плавал, было однозначно. Другой вопрос, что признавался он в этом только себе. Но опять же, это могло быть и нормально. Совсем не обязательно на каждом шагу говорить о том, что мурак. Да разве он был мураком? Нет. Не был. Просто были у него определенные странности, которые при ином ракурсе, могли выглядеть весьма любопытными. (Всегда можно посмотреть на любое событие под разным углом зрения. И тогда даже гадость может показаться идеалом. А идеал...)

Вершинин все еще искал цели в жизни. Кто-то мог сказать, что такую цель Матвей уже нашел. Но мы же не можем обращать внимание на высказывания кого ни попадя. Тем более что и Вершинин не любил высказываний таких людей. Он вообще стремился как-то упорядочить все, что происходило вокруг него. По возможности стараясь этот круг значительно ограничить. И впредь вводить туда только проверенных людей. Заранее исключая тех, кто мог бы сказать, что Вершинин дурак и пьяница.

Да, он пил. Пил иной раз много. Но в этом пьянстве совсем не следовало искать какого-то такого уж особенного желания Вершинина. Следовало бы говорить, что Вершинин вообще пил по необходимости. Необходимости пить. Да и пил он только слабоалкогольные напитки. Пиво, например. Правда, пива этого он выпивал столько, что становилось страшно даже ему. Но страшно становилось на другой день (когда у него начинала развиваться фобийная зависимость). А тогда же когда он пил... Тогда все было нормально. И многое даже становилось на свои места. Причем что это были за места, на другой день Матвей вспомнить не мог. Да и не стремился к этому. Важно было уже то, что в момент употребления алкоголесодержащих напитков (мы

условились, что это было пиво; хотя уже можно предположить, что Матвей пил все что горит), Матвей Вершинин чувствовал себя человеком, контролирующим ситуацию. А это было и действительно важно. И от этого становилось как-то по-особенному приятно. И на многое раскрывались глаза. И замечалось даже то, что раньше каким-то образом ускользало от его сознания. Но что такое раньше? Любое раньше, с помощью алкоголя, Матвей возвращал. И в минуты, когда ядреная жидкость бережно разливалась по телу, питая мозг, Матвей чувствовал себя на вершине счастья. Вот, правда, мозг его при этом (это началось в последнее время) реагировал весьма по-разному. Как мы говорили, он мог активизировать рецепторы счастья (это было веселое время для Матвея); а мог и наоборот - насыпать на него всякую гадость. О страхах мы уже упоминали. А еще были депрессивные состояния. Когда ничего не хотелось делать, и всего приходилось бояться. Так же как и считаться со всем что происходило.

Когда происходило? Обычно после того, когда заканчивалось целительное действие алкоголя. Но иногда (и это было самое печальное) какая-либо гадость начинала развиваться сразу. Вроде как и выпил он. Вроде как и живительное тепло начало уже расходиться по телу. Вроде как... Нет. Как будто обрубало. И все хорошее разом прекращалось.

И тогда Матвей забивался под стол (или под кровать), боялся пошевелиться от страха (пошевелиться - значит выдать себя), и вообще, чувствовал себя пресквернейше. Так же, как и на другой день. Да и вообще Матвей вдруг заметил, что алкоголь как-

---

то резко перестал приносить ему радость. И от этого наступала грусть.

.....

...

Со временем Матвею удалось выработать определенные правила питья. Главное при этом было установить четкие границы. Даже, может быть, какую-то последовательность, сродни лунному гороскопу.

Хотя и ни в какие гороскопы Матвей не верил. Он вообще старался верить только в себя. И потому как-то скоро выявил, что питье от питья отличается. И дни тут даже были не при чем. Точнее, дни, если рассматривать их в ключе сменяемости их друг другу. Если же брать во внимание то, что происходило в этот день, то тут уже намечалась определенная закономерность, а то и выстраивалась удивительная парадигма. Прежде всего, нельзя было пить просто так. Пить просто так,--значит неминуемо навлечь на себя беду в виде развития душевного несчастья,--вывел раз и навсегда Матвей. Следовало пить только в случае, если организм (и, прежде всего психика, сознание) испытывал какой-нибудь стресс. Тогда это было самое милое дело. Алкоголь выступал как блокиратор стресса. По крайней мере, организм Матвея реагировал подобным образом. И как только происходило подобное, ему уже можно было ничего не бояться. И напиваться в досталь. В хлам, в общем (если стресс был уж слишком большим). Если же не очень - следовало выпить столько же, немного. И тогда не было никаких последствий.

И стал Матвей умело использовать выработанные им правила. И поначалу даже боялся их окончательно проговаривать в своем сознании. Словно опасаясь, что они возьмут,-- и исчезнут (ну, то есть, метод перестанет работать).

Но потом бояться перестал. Стал более уверен, что ли. И хотя пить продолжал, уже не было у него ни страха, ни беспокойства. Да и вообще какой-либо негатив исчез из его некогда ранимой души. А сама душа (также как и психика) стала здоровой и даже немножечко великой. Впрочем, состояние величия могло быть вполне субъективным, и вызываемым определенными мыслями Вершинина. Но вот то, что на здоровье Матвей перестал жаловаться, был факт, как говорится, неоспоримый. Да и возможно ведь было подобное, почему нет. А раз возможно, то и уже можно было признать, что подобное происходило и с нашим героем.

Вообще же, можно заметить, что подобная культура питания (Матвей стал называть это культурой питания) ему очень даже понравилась. Главное было помнить все выработанные правила, и соблюдать единожды оговоренные условия. И тогда от употребления алкоголя получалась только польза. Для Матвея Вершинина, по крайней мере (он скептически относился к использованию своего метода, считая, что все должно быть для каждого свое).

И он даже радовался. Напивался вдрызг, и радовался. Выпивал чуть-чуть - и тоже радовался. Почти совсем не пил - и все равно радовался. И даже (как-то кто-то подметил) Матвей радовался, когда только думал (или не думал) о питье. Да он и действительно стал веселым человеком. Быть может даже

слишком веселым, чтобы уже когда-нибудь начать грустить. Да и к чему грустить,--рассуждал, бывало, Матвей Вершинин. Грусть была действительно ни к чему.

А потом Матвей исчез. И никто не знал где он. И его даже пытались искать, да пришла информация, что он жив-здоров, просто уехал. Куда? Не говорили. А может и не знали.

И постепенно, после исчезновения Матвея, стали забывать о нем. А о методе его интереснейшим образом помнили. И уже начало казаться, что и не было у этого метода какого-то одного автора. Автором становился народ. Потому что усовершенствовали с тех пор (с момента исчезновения Матвея прошло уже больше семи лет) подобный метод. Можно даже сказать, что каждый внес в него необходимые коррективы в варианте "для себя". И стал пить и радоваться.

И только иной раз кто-нибудь нет-нет да и вспоминал про Матвея Вершинина. Мол, зачем он исчез? Куда исчез? Загадка...

А потом все снова забывали про него. Видимо решив, что если жив-здоров, то значит когда будет надо - появится.

Да так, быть может, когда-нибудь и случиться.

Сергей Зелинский

01.08.07 г.

рассказ

Каждому свое

Как-то так случилось, что Пересветов поверил, что все в его жизни скоро закончится.

Закончится, прежде всего, плохое. Андрею Вениаминовичу было уже под сорок. Какая-то часть прожита. Можно начинать новый виток.

Но, начиная новый виток (начинал он его уже два года) Андрей Вениаминович словно бы всякий раз угадывал, что еще не время. Попросту говоря - рано. Еще было рано.

Но вот проблема-то, что реальных сроков никто не обозначил. А Андрей Вениаминович как-то привык, что в его жизни все обозначалось. Кем? Руководством, например (в прошлом Андрей Вениаминович был кадровым военным, только недавно - как раз два года назад - уволившись на гражданку). Или, предположим, помимо руководства была еще жизнь. В которой все так же,-- Андрей Вениаминович словно бы подстраивался под какое-то расписание. При этом совсем не им разрабатываемое. А самому Андрею Вениаминовичу словно только доводилось до сведения: что и как он должен выполнять. Что делать. К чему стремиться.

Так вышло, что после начала гражданской жизни он не знал, что ему делать. Точнее, в общих масштабах как будто и знал. Но также и знал, что ничего путного эти знания не принесут. Попросту не смогут. Или смогут (теоретически ведь можно было допустить все что угодно), но сам Андрей Вениаминович не сумеет воспользоваться ситуацией. Не справится попросту. Тогда как раньше всегда справлялся. Но что такое раньше,--рассуждал Андрей Вениаминович.--Жить то необходимо было сейчас.

--А ты попробуй изменить ситуацию,--как-то попытался наставить его на путь истинный Кеша (Иннокентий Мазаев,

---

товарищ Пересветова). Кеша был даже постарше Пересветова. Но выглядел моложе. Да и сам просил называть себя Кешей.

--Знаешь что,--Кеша, стареющий блондин, чуть прищурясь посмотрел на Пересветова.--А давай я тебе и впрямь помогу?

--Чем поможешь?--слегка опешил Пересветов, несколько подозрительно посмотрев на товарища.

--Давай поменяемся?--все так же прищурив один глаз, смотрел Кеша на Пересветова.

--Чем поменяемся?--недоверчиво переспросил Пересветов, ожидая какой-нибудь пакости (Кешу Андрей Вениаминович знал с детства, и всегда тот был более чем хваткий парень. С настоящей рабочей закалкой. Сейчас, впрочем, Кеша был бригадиром. Грузчиков).

--Нашими ролями в жизни,--неожиданно философски заключил Мазаев.

--Как это?--совсем уж растерялся Пересветов.

--Да все просто,--спокойно произнес Кеша, изучающее наблюдая за Пересветовым.--На время ("заметь - только на время", - поднял он указательный палец) мы поменяемся местами. Ты станешь Иннокентием Мазаевым, а я...

--Да не хочу я меняться местами,--не дал ему закончить Пересветов.--Мне и так хорошо.

--А вот и не хорошо,--понимающе произнес Мазаев.--А вот и не хорошо,--повторил он, посмотрев на Андрея Вениаминовича.--И ты об этом знаешь.

--Знаю,--грустно признался Андрей Вениаминович, опустив глаза.

--Знаешь, а поделаться ничего не можешь,--радостно заключил Мазаев, подводя его к изменениям в жизни.

--Не могу,--в согласье кивнул Пересветов.

--Чудак человек,--с теплотой в голосе сказал Кеша.--А я ведь знаю,--как-то по особенному сделал он ударение на "ау". Знаю-знаю,--быстро повторил он, не сводя глаз в Пересветова.--Не сомневайся.

--Ну, может, и знаешь,--нехотя согласился Андрей Вениаминович.

--Ну так и я говорю!--обрадовано воскликнул Кеша.--Ты согласен мне довериться?

--Согласен,--неожиданно для себя готов был уже согласиться с чем угодно Пересветов.

--Нет, мне не нужно, чтобы ты так обреченно говорил,--неожиданно стал в позу Кеша

--А что тебе нужно?--обозлился Андрей Вениаминович.

--Мне необходимо твое искреннее желание изменить ситуацию,--спокойно ответил Кеша.--Изменить ситуацию - через улучшение ее.

Андрей Вениаминович Пересветов с удивлением посмотрел на товарища. Себе он мог признаться, что никогда всерьез не воспринимал того. То есть они общались, конечно. Но общение это было такое, чтобы ни того, ни другого, ни к чему не обязывать. Ведь сколько они друг друга знали, а в дружбу их общение так и не переросло. Что уж говорить...

--А знаешь, я пожалуй соглашусь,--прервал Пересветов свои же мысли-размышления.--Соглашусь, и все. Что мне необходимо делать?

--Ну, вот это уже другой разговор,--радостно сказал Кеша, и пристально посмотрел на Пересветова, словно бы оценивая, действительно ли тот готов.

--Говори же,--торопливо проговорил Пересветов.--Не томи,--попросил он.

--Ну, знаешь,--неожиданно готов был обидеться Кеша.-- А впрочем, ты прав. Итак, ситуация состоит в следующем.

И в последующие полчаса он поведал Андрею Вениаминовичу часть своего гениального (он не преминул заявить о гениальности) плана. Другую же часть пока приберег на потом. Но и того, что он рассказал, уже было достаточно, чтобы Пересветов понял, что в скором времени все в его жизни изменится. И даже быть может - в лучшую сторону.

План заключался в следующем. Иннокентий Мазаев и Андрей Вениаминович Пересветов действительно должны были поменяться. Помнятся внешностью и именами. Ну, то есть - Мазаев должен был стать Пересветовым, и наоборот. Соответственно - менявшись таким образом - каждый брал карму другого. Ну и, уже получалось, жизненный путь. После чего Кеша должен был моментально (он так и сказал - моментально, и улыбнулся) решить все жизненные проблемы Пересветова. Ну а Пересветову было главное, попросил Кеша, не загубить то, чего уже достиг Иннокентий Мазаев.

Ну а чтобы Андрей Вениаминович не передумал (а равно, видимо, желая закрепить договор), Кеша предложил ударить по рукам и распить полбанки.

Что они и сделали. Причем Андрей Вениаминович неожиданно быстро опьянел. И вскоре он уже готов был

согласиться на что угодно. И Кеше даже пришлось немного посетовать, отчего он не напоил Пересветова раньше. И словно бы для закрепления достигнутого успеха, Кеша извлек из-за пазухи (была ранняя осень; они очень мило разместились во дворике домов, где жили. Они были соседями) еще поллитра.

Но еще через время Кеше пришлось пожалеть, что душа его захотела "продолжения банкета". Потому как Андрей Вениаминович вдруг начал себя вести как последняя свинья. Сначала он, правда, по дружески обнимал Кешу и искренне благодарил его. Но потом неожиданно ударил в челюсть. А когда обескураженный Кеша упал, Пересветов вскочил, и стал бить Кешу ногами. Пока тот не затих (притворился). Прекратив избияния (Пересветов был крепкий и высокий; что не сказать о худосочном и низкорослом Кеше), Пересветов допил оставшуюся водку, и ушел.

Далеко он не дошел. До первого магазина. Где, как отмечалось в протоколе, приобрел бутылку водки, которую и стал пить, выйдя из магазина. Пил ее Пересветов как заправский алкоголик, прямо с горлышка. Может, уже вошел в образ Кеши? Кеша, кстати, оклемался, и, чертыхаясь, поплелся домой. А Пересветов, не допив до конца бутылку, зачем-то метнул ее в витрину магазина. Потом сел и заплакал.

Подъехал, вызванный администратором магазина, наряд милиции. Пересветов представился Кешей. Иннокентием Мазиным. А после, когда через 15 суток его отпустили (Пересветов честно отбыл свой первый срок за нарушение общественного порядка и мелкое хулиганство), Андрей Вениаминович пришел к Мазину. Мириться. Кеша простил. Он

все понял. Также как и понял, что каждый должен жить своей жизнью. Потому что на некоторых - смена личности может очень даже негативно сказаться.

А Андрей Вениаминович был очень рад, что Кеша его простил. И с тех пор стал называть его исключительно по имени отчеству,-- Иннокентием Гавриловичем. И они даже стали чаще общаться.

--Ну а разве может быть иначе?--рассуждал, бывало, Мазин.--Ведь мы теперь фактически братья.

А Пересветов с ним соглашался. И даже, бывало, говорил ему хорошие слова. Добрые. Видимо желая как-то искупить вину за то, что он сделал с добрым знакомым. Ставшим теперь другом.

А потом Андрей Вениаминович Пересветов стал неожиданно отдаляться от Мазина. Чувствуя в компании с Мазиным какое-то все возраставшее внутреннее неудобство.

И уже не называл его по имени-отчеству. А со временем и вообще перестал как-то называть. Они уже не общались.

--Да оно и понятно,--сказал кто-то, из знавших и Пересветова и Мазина.--Каждому свое.

И с ним, должно быть, по-своему могли согласиться и Андрей Вениаминович и Кеша Мазин. Незачем искусственно перекраивать судьбу. У каждого она своя. А при любых попытках через время все вернется на круги свои. Каждому свое?

Сергей Зелинский

26 июль 2007 год

рассказ

Сомнения Марата Зязикова

Что ни говори, а ему все-таки нравились женщины в теле. А еще высокие. И лучше когда было два в одном. Тогда Марат Зязиков как-то по-особенному радовался. И даже пытался говорить умные мысли. Что с ним случилось крайне редко.

Зязикову недавно исполнилось тридцать. Ни семьи, ни детей. Как не было у Зязикова какого-то приличного образования, близких друзей, на которых он мог бы положиться, да и вообще чего-то такого, о чем бы он может, мечтал.

Притом что мечтал Зязиков много. Он мечтал о великих странах, которые сумеет покорить, мечтал о женщинах, которые падут к его ногам, мечтал о богатстве.

Марат Зязиков был богат. Папа ему оставил крупный пакет акций в ряде нефтедобывающих компаний. Дядя, который был владельцем компаний после внезапной смерти папы (инфаркт), первое время было тянул племянника, да потом, рассудив, что тот "не тянет" -- махнул на него рукой, буркнув что-то типа того, что денег достаточно и так для спокойной жизни, зачем же еще "рыпаться".

Дядя был совсем груб и малообразован. Что не мешало ему, поднявшись на волне девяностых (говорили, что он был правой рукой у одного известного питерского бандита), скупить акции ряда крупнейших предприятий страны, и переехать в Москву. Дядя Марата отчего-то всю жизнь мечтал переехать в Москву. С недавних пор его мечта исполнилась.

Марат в Москву не переехал. Остался в Санкт-Петербурге. И со спокойной совестью транжирил деньги, на которые, считал, имел любое (и моральное и юридическое) право.

Впрочем, никто ему не мешал пользоваться своими правами. Ежемесячно дядя ссужал племяннику несколько десятков тысяч евро. И тот кутил.

Кутил -- было бы громко сказано. По природе ущербный (маленький, с рыхлым телом и гнусавым голосом) Марат Зязиков если и бывал в каких-то местах (а он там бывал), то как-то умудрялся не попасться никому на глаза, пока все были трезвые и о нем бы потом вспомнили. А потом, когда все уже приближались к состоянию свинства и порока (точнее - последующего за свинством порока), Зязиков выползал из своей норы (укромное местечко он находил всегда и везде), и вместе со всеми предавался дальнейшему пьянству и последующему разврату.

Женщины Зязикова не любили. Да он их и опасался.

Но те женщины, которых заказывали на подобные вечеринки - уже успевали вколоть себе порцию героина или напиться в хлам. И на автопилоте исполняя то, что от них требовалось - почти всегда достаточно профессионально удовлетворяли собравшихся мужчин и полулесбиянствующих женщин из высшего общества. Общество, конечно, было так себе. Детеньши некогда дорвавшихся до власти или богатства родителей, взрослые субъекты непонятной ориентации, ну и прочий мусор. Все отличие которого от остальной части населения лишь в том, что у них есть некая финансовая составляющая, которая позволяла бы им в отдельные моменты (часы и сутки) жизни превращаться в животных, удовлетворяющих первобытные инстинкты.

И удовлетворяли. Общество, в которое попал Мурик (там его звали ласково - Мурик), считало, что нынешнее положение

дает им определенное право иногда жить той жизнью, о котором, быть может, они всю жизнь мечтали. Когда не надо было бы ни перед кем и ни за что отсчитываться. И каждый, кто попадал на эти закрытые мероприятия (кто привел Мурика первый раз - он уже и не помнил) - мог делать другом с другом все что он хочет, если это "что хочет" простиралось в области секса, или лучше сказать - сексуальных оргий.

Да, Марат Зязиков мог признать, что он участвовал в сексуальных оргиях.

Хотя признаваться, по сути, ему было не перед кем. Отца уже не было. Дяде до племянника было все равно. Жена дяди - выполняла приказы дяди ("за это ей платили деньги", --как говорил дядя), а мама Марата... Впрочем, так вышло, что мама - как раз и была женой дяди. В их семье уже давно были какие-то загадочные отношения. Причем началось все с момента еще первого осознания Маратом жизни. Когда то, что он увидел (и посчитал было, что так и быть должно) уже во взрослой жизни (когда появилась возможность сопоставлять и сравнивать) сначала повергло Марата в некоторый шок. А потом он как-то быстро решил ни во что не вмешиваться. И воспринимать жизнь такой, какой она есть. Ну, то есть была. Была у него в семье.

А потом Марат вырос, и стал прожигать жизнь. Словно бы заливая в этих кутежах какую-то свою, одному ему известную боль.

.....

У Марата были мечты.

Мечты Марата поначалу, было, сводились к одной похабщине. Но со временем он научился мечтать о чем-то великом, и что уж точно - очень-очень важном для него.

К сожалению, через время он забыл, что было этим важным. Точнее - понятие важности подменилось. И теперь важным для него были женщины. Скорее даже одна женщина. Женщина, которая должна быть совсем другой, чем те шлюхи, число которых у Марата уже перевалило за вторую сотню. Причем их образ успел настолько прочно вжиться в его подсознание, что поначалу женщина его мечты имела те же блядские черты, как и у путан, обслуживающих вечеринки нуворишей.

Постепенно Марат сумел разобраться с собственными желаниями и мечтами.

И теперь мечтал о скромной тихой женщине. Которая, правда, должна была иметь крупное телосложение, высокий рост, и сексуальные черты лица (почему именно так - Марат пока сказать не мог).

При этом эта женщина должна была иметь какую-то не очень людную работу. Потому что Марат мечтал приходить к ней на работу, и любоваться своей избранницей.

Да, еще очень важно было, чтобы эта женщина до безумия бы влюбилась в Марата. И чтобы между ними пока не было никаких сексуальных отношений. Потому что... Марат пока не решил, в какой форме эти отношения должны были происходить. Как и кто вообще должен был в их семье демонстрировать лидерские качества. Потому как, с одной стороны, скромность женщины предполагала, что командовать будет он. А ее рост и крепкое телосложение словно бы говорило о

том, что щедушному Маратику целесообразней было бы все-таки самому подчиняться. Потому как, если представить, что когда-нибудь его пассия заедет ему в глаз (Марат всегда боялся того, что кто-то может захотеть его побить), то...

В общем, Марат пока не решил, кто будет главным. При том, что ему почему-то непременно хотелось это поскорее решить. Почему? Все просто. У Марата никогда не было своего какого-то мнения. Того, чтобы исходило из его души. Все было наносное, и заключалось, главным образом, в подстраивании под кого-то. Так ему было спокойнее.

Марат надевал на свою душу соответствующую маску. И жил, в общем-то, не своей жизнью. Так ему было действительно спокойнее и привычнее.

Вскоре Марат встретил женщину мечты.

Женщину звали Люба. Любе был сорок один год. В прошлом - каменщица пятого разряда. А еще ранее - играла в баскетбол за школу и ПТУ.

Но самое интересное - что Люба была обалденно красива. И сексапильна. У нее был высокий рост (под метр девяносто. Рост Зязикова немного не дотягивал до метра шестьдесят). Крупное телосложение (чуть больше ста килограммов. У Зязикова шестьдесят пять). Огромная грудь ("искусственная",--подумал Зязиков в первый день знакомства). И уже как лет пять Люба работала в агентстве недвижимости, в роли заместителя директора. То есть имела относительно неплохой заработок и смело смотрела в будущее.

.....

Когда Люба узнала, сколько у Зязикова денег - вся ее уверенность моментально спала. Сравнив его финансовое состояние со своим - она вдруг сделала то, что от себя давно уже никак не ожидала. Она сказала, что готова подчиниться Марату Казбековичу во всем. И попросила его взять ее в жены.

В голове у Зязикова пронеслось, что если он откажется - она его ударит. И неожиданно для себя - дал согласие.

И у молодых началась семейная жизнь. У Марата Казбековича был большой дом в ближайшем пригороде Санкт-Петербурга. Две квартиры в Санкт-Петербурге. Автомобиль престижной марки с водителем (два автомобиля и два водителя). Ну и еще много чего у него было. На что он раньше, вроде как, не обращал внимание (считая это непреложным атрибутом жизни), а теперь, с появлением в его жизни Любы (которая охала и ахала от удивления и восторга как молоденькая девушка) стал по-новому открывать жизнь. Ну, или вернее - существование в этой жизни некоторых вещей.

А потом с Любой познакомился дядя Марата (приехавший проведать племянника в город на Неве). И когда дядя уехал (погостив всего два-три дня), Марат заметил, что его жена (они успели расписаться) явно заскучала. Но о чем-либо спросить ее -- он постеснялся.

А еще через несколько месяцев Марат заметил, что у его жены вырос живот. И тогда же она призналась, что беременна. А Марату было все также неудобно спросить - от кого будет ребенок. Ему как-то не верилось, что от него.

А потом, в тайне от супруги, Марат пошел к врачу, сдал анализы, и узнал, что детей они иметь попросту не может.

И тогда же (вечером) жена призналась ему по секрету - что ребенок от него.

Ну а чтобы Марат не сомневался - она напомнила ему подробности секса между ними, когда дядя зашел в ванную принять душ - а она (они сидели перед этим все втроем в гостиной, смотрели программу "Время") притянула его к себе, велев побыстрее войти в нее, пока дяди нет.

И секс между ними был поспешен и по-своему привлекателен. Потому что тогда (Марат сейчас все вспомнил) он получил необычайно сильный оргазм.

Но вот Марат также вспомнил, что когда вышел из душа дядя - в ванную комнату пошел уже он. А дядя почему-то сел обратно смотреть телевизор. И за время пока он там отсутствовал....

У Марата не только не проходили сомнения, но и даже разгорались с новой силой.

К тому же он понял, что, по всей видимости, обладаетиделиодробности секса между ними, когда дядя зашел в ванную принять душ -- а денькая девушка лица -- марат ты, как и у неплохим воображением. Потому что за совсем короткое время навообразил себе столько, что стал догадываться, что истины не поймет и вовсе.

А потом приехал дядя. И сказал что хочет, в связи с намечаемым рождением ребенка, передать Марату контрольный пакет акций одного из металлургических заводов.

Чем, на самом деле, еще больше запутал Марата.

А потом... А потом Марат удивил всех, признавшись, что на самом деле он вовсе не Марат, а зовут его Казбек, и он не племянник, а двоюродный брат дяди Аслана (дядю звали Аслан).

Но ему уже никто не поверил. Подумали - шутит.

Да и он, впрочем, тут же, сквозь раздавшийся дружный смех (было много народа, гости там, и прочее) признался, что действительно шутит. Вынужден был признаться. Сам для себя решив, что ни во что и никому не верит.

И впервые была у него такая уверенность.

Которая, впрочем, тут же прошла, сменившись неуверенностью и сомнениями.

Но начало уже было положено. И это пока было самое главное.

Ну, быть может, главным еще мог стать ребенок, который скоро должен был родиться. Хотя, чей это был ребенок - Марат не знал. Не знал, и понимал, что сомнения у него все так же будут продолжаться. Может даже, и долго будет продолжаться так.

А потом все пройдет. Возможно что пройдет. Главное было в это верить.

Ну а после, когда уже пройдут все эти сомнения, Марат Казбекович Зязиков знал, что начнется для него другая жизнь.

И этого надо было только ждать...

Сергей Зелинский

18.07.07 г.

рассказ

Игрок

Он играл ва-банк. Всегда рисковал, и даже не думал о возможных последствиях. Да, любые последствия и исключались. Его стремлением добиться успеха. Даже скорее - изначально запланировать успех. И достигнуть его.

И никак не могло быть по-другому. Он был игрок. Игра его была - жизнь. И что-то другое ему было неинтересно.

.....

Сергею Леонидовичу было тридцать семь лет. По жизни предпочитал он идти словно бы на последнем дыхании. Чтобы уже не ждать замедливших ход. И предпочитая только побеждать.

.....

Сергей Леонидович Маклаков занимался бизнесом. Бизнес его не имел принадлежности к какой-либо одной отрасли. И охватывал все, где мог Маклаков приложить свой интерес.

И при этом нельзя было сказать, что его начинания были поверхностными или какими-то несерьезными (что предусматривалось, имея подобных разброс в паритетах). Нет. Все объяснялось проще. Маклаков был консультантом экстра-класса. Он чувствовал, куда необходимо вложить одну сумму, - чтобы через время она многократно увеличилась.

Чувство это было у него с детства. Интуитивно развитый мальчик и тогда уже начал добиваться результата в жизни. Ведь все, по сути, в нашей жизни состоит из случая. Мы можем рассчитать любую ситуацию, выводя некий планируемый (ожидаемый) результат, - а вмешивался случай, и все летело к чертям. Или же в расчеты необходимо было изначально ввести

такую погрешность, чтобы потом не удивляться, что произошло. Но... это было почти невозможно. Приходилось удивляться. Потому что никак не получалось правильно рассчитать эту самую погрешность. Да и это, по сути, было, наверное, невозможно. И через время, после случившегося, оставалось только развести руками, признавшись в бессилии.

Маклаков никогда не попадал в похожие ситуации. При этом создавалось впечатление, что все у него получалось словно бы само собой. Без затрат и излишних нервовтрепок.

Точнее - это он сам так когда-то считал, что все выходило как бы случайно. Но будучи от природы мальчиком умным, Сережа довольно быстро пришел к результатам определенной программируемости достижения задаваемых выводов. И после этого, понаблюдав еще какое-то время за собой, и проанализировав полученные результаты, пришел к убеждению, что все не так просто. И даже очень не просто. А то и вообще -- о простоте даже не может идти речи.

И надо было ему, в соответствии с полученными результатами, делать соответствующие выводы. А после этого и менять жизнь. Перестраивая ее в соответствии с имеющимися у него способностями.

Для себя пока он это называл способностями. Хотя уже понимал, что ничего заранее предсказать невозможно. Требовалось положиться на провидение. И лишь немножечко, словно бы и навязчиво, подводить жизненные ситуации - к ожидаемому результату. Ну, или - под необходимый результат подводить жизненные цели (и, собственно, ситуации в жизни).

А потом Маклаков подумал, что ему не хватает денег. И решил зарабатывать их, отталкиваясь от имеющихся у него способностей.

Попробовав в малом - он получил слишком много, чтобы тут же не забросить все другие виды заработка, начав зарабатывать благодаря собственным способностям.

И он стал играть.

Причем, Маклаков не только играл, но и делал это настолько серьезно, что начинал жить в том или ином виде игры. Это только в крупном масштабе игрой была жизнь. Но ведь эта самая жизнь делилась на множество маленьких подразделений. Именуемых подразделениями приложения жизненных ресурсов, задействованных в игре индивидов, или если проще - участков бизнеса, где применял Маклаков свои способности, и откуда получал финансовую составляющую, необходимую для вольготной жизни.

Жизнь Маклакова могла считаться действительно вольготной. Начиная с того, что жизненный график он составлял сам, и, заканчивая тем, что в последнее время и платили ему запрашиваемую им сумму. То есть оплату себе он тоже устанавливал сам. И это были не какие-то там копейки. Ряд последних сделок с участием Маклакова принесли Сергею по сотню тысяч долларов с каждой. Это уже был результат. Риск, конечно. Но риск окупался достижением результата.

Хотя, если бы у него не получилось - его бы убили. Но он об этом не думал. Дал зарок думать. Он вообще старался меньше думать. Больше полагаясь на интуицию. И прочувствование

каких-либо жизненных законов. Им же самим, впрочем, и выведенных.

.....

В последнее время Сергей Леонидович сознательно шел на риск. Он устал. И, понимая, что устал, он также понял, что попросту не может прекратить игры. Выйти из нее.

Его не выпустят. Он сам виноват в этом. Он сам приучил клиентов к получению сверхприбылей. И фактически посадил их на денежную иглу. Выработал у них зависимость. И теперь... и теперь они просто не дадут ему уйти. Заподозрив, что он начнет работать на конкурентов. Они ведь и платили ему столько, сколько он запрашивал. Зная, впрочем, что он будет запрашивать в разумных пределах. И даже цена в сто тысяч долларов - была всего-навсего результат многомиллионной сделки. Которая произошла исключительно благодаря предсказанию на основе интуитивного предвидения Маклакова.

При этом Маклаков не был прорицателем, и прочим шарлатаном. Нет. В своих научных работах (Маклаков писал еще научные работы) он основывался исключительно на научном подходе. Да и в тех отраслях науки, в которых он специализировался (физика и математика) и не могло быть иначе.

Тогда как в зарабатывании Маклаковым денег - он применял в большей мере, именно интуитивную составляющую предугадывания результата. И только малый процент - был каких-то расчетов.

Так он объяснял, когда в шутку или всерьез пытали его о достижении результата. Мол, как тебе, дружище, это все удастся.

Тогда то он и говорил, что присутствует исключительно интуитивная составляющая. Ни больше, не меньше.

И пусть кто-то усмехался, догадываясь, что все не так просто. Но ведь это было и на самом деле не просто. Так все просчитывать, чтобы всегда выходил положительный результат.

Что ж... Судьба.

И только сам себе Сергей Маклаков мог признаться, что это никакая не судьба, а самые подробные расчеты. Фактически знания. Как раз тут и можно было сказать -- ни больше не меньше.

Но говорить так,-- Маклаков опасался. Одно дело, когда все верят в природную исключительность, и совсем другое дело - когда бал правит исключительно реальность.

Ну а разве могло быть иначе. Маклаков ведь не маг, чародей или еще какой провидец. Сергей Леонидович был доктором наук. Заведующим кафедры информатики государственного учебного заведения. И когда-то так вышло, что он понял, что может зарабатывать гораздо большие деньги, чем ему платило государство. Причем, действуя в рамках закона.

Может Маклаков был гений?

Нет. Он был почти простой человек. Просто очень умный.

Но и это все на самом деле было совсем неважным для Сергея Леонидовича.

Потому что он вдруг почувствовал, что находится на излете своих возможностей. И выстроенная им система вот-вот даст первый сбой. Почему? Ну, как раз здесь, больше чем где-нибудь, уже можно было говорить о его предчувствии.

Причем поначалу от этого предчувствия он отмахивался. Не то, что не верил. Верил. И потому боялся еще больше приблизить его. Понимая, что оно и так должно было случиться.

Но ведь не могло так быть, чтобы Маклаков не просчитал, как ему выбраться из этой ситуации. Ведь практически не существует ситуаций, из которых невозможно выбраться. Пусть и с потерями, но уйти можно.

Но в том-то и дело что Маклаков уже не хотел. И уже даже не оттого, что устал. Устал. Но главным сейчас было не это.

А все дело в том, что Сергей был очень честным человеком. Понимая, что если он чем-то слишком долго пользовался, то за это должен что-то и отдать.

И что с того, что этим "чем-то" была его жизнь. Он устал жить. И понимал, что его смерть будет самым лучшим выходом из создавшейся ситуации.

И он уже смирился. Ожидая того, что должно было произойти, и потихоньку подводя себя к этому. Завершая последние жизненные дела. И готовясь...

А потом Маклаков неожиданно повстречал женщину, которая напрочь перевернула все его представления о жизни, смерти, и вообще - обо всем.

И эту женщину звали Мила. И она как-то быстро призналась ему в любви. А он... А он вдруг признался тоже.

И как-то быстро развелся с бывшей женой, которая уже давно и регулярно тянула его в пропасть. И неожиданно понял, что жизнь-то, собственно, должна продолжаться.

И это уже была никакая не игра. Сергей Леонидович быть может впервые признался себе, что играть-то уже и не надо.

А можно было жить самой настоящей жизнью. И понял, что просто он боялся жить этой жизнью раньше. А ведь мог. Но как-то тяжело было ему отказываться от своих обязательств перед другими.

А теперь, ради Милы, с легкостью сделал это.

И самое интересное, что его все поняли.

И у него ни разу не возникло чувство вины (возникновения которого он так боялся, и потому все эти годы не перекраивал собственную жизнь). Да и теперь все и действительно было по-другому. Совсем по-другому. И Маклаков -- стал счастлив.

И оказалось, что для счастья много и не надо. Оно, видимо, уже ходило вокруг да около. Да может, стеснялось подойти к нему.

А вот Мила взяла да подвела. А у Сергея Леонидовича начался новый этап в жизни.

И он был этому рад. Искренне рад.

Да так, наверное, и должно быть. Только большинство людей боится каких-то преобразований. И уже выходит зря. По крайней мере, пример Сергея Леонидовича Маклакова говорит именно об этом. Свидетельствует. И свидетельство это истинное.

Сергей Зелинский

24 июль 2007 год.

рассказ

Актер поневоле

Он мучился от бездны внутренних страданий, заполнявших его внутреннее состояние до того безобразия, когда

уже как будто и ничего не оставалось, как только без эмоционально взирать на происходящее.

Сейчас это действительно было. И можно сказать повторилось. Хотя говорить так, означало просто в очередной раз подтвердить свои предположения, сделанные когда-то давно. В юности, например. Когда Филипп Мирбах впервые столкнулся с чем-то подобным, еще не до конца сумев осознать, что это уже никогда никуда не уйдет. И если случилось с ним, то периодически будет возникать всегда, продолжаясь всю жизнь.

Он становился старше. Взрослел. Но вся эта взрослость как будто совсем ни к чему не обязывала. В контексте того состояния, которое уже его не отпускало. Вынуждая смириться. А он сопротивлялся.

Подобное вполне было в его характере. Сопротивляться. Как будто бы он и на самом деле был уверен, что достоин лучшей участи. И потому (уже, быть может, потому) был преисполнен решимости идти до конца. До победы.

А победа все отдалялась, и смеялась отзывавшейся страданиями болью в его душе. Душе, которая всегда была более чем ранимой. Несмотря на внешнее безразличие, которым Филипп научился со временем облекать себя. В маске этого внешнего безразличия скрывался и его страх. Страх -- как нечто такое, что никогда не требовало ни доказательств присутствия, ни возможности избавления от себя. Состояние, которое пришло раз и навсегда. И со временем Мирбах понял, что он может как угодно пытаться скрывать свой страх, камуфлируя его под что угодно, но сам, в душе своей, Филипп Мирбах понимал, что страх действительно пришел раз и навсегда. Не зависимо от того, что

происходило в жизни. И даже самое печальное, что все что происходило - уже было как бы неким подтверждением этого страха. И вероятно - следствием его.

Если бы когда-то Филипп Мирбах не понял, что должен играть, он мучился бы всю жизнь.

Но так уже вышло, что когда-то он действительно осознал, что нашел некий способ выживания, заключающейся, конечно, в простейшей приспособляемости к жизненным обстоятельствам. И это, конечно же, была игра (ни больше, ни меньше). Но со временем Филипп даже сам не заметил, как эта игра слилась с его жизнью. И жизнь, подстраиваясь под определенные (раз и навсегда установленные) правила игры - удивительным образом наконец-то стала изменяться.

Но, конечно же, нельзя было говорить, что все что пришло - было раз и навсегда. Нет. Со временем Мирбах почувствовал, что ему необходимо приспособляться к обстоятельствам. Строить жизнь, корректируя правила уже исходя из того, что происходило в его жизни. Ну, или в жизни сначала что-то происходило, начинало происходить, а Мирбах уже интуитивно угадывал, какого рода должны быть изменения; и подстраивался под них. Изменяя себя. И фактически, иной раз, ломая то, что, как полагал, пришло раз и навсегда (переходя даже в определенную жизненную установку).

Так это действительно было.

Мучился он конечно от подобного необычайным образом. Ведь со временем получилось так, что Филипп Мирбах уже как вроде бы и не хотел играть. Хотел быть собой.

Не получалось. Не получалось хотя бы потому, что тогда со всей безжалостностью его начинало раздавливать что-то тревожное, что мучительно разрывалось начинавшейся болью в его душе.

И скулила тогда душа. Умоляя о пощаде.

Пощада могла наступить, если бы Мирбах вновь начал играть. Он и играл. Что ему еще оставалось, как не играть. Играл. Играл, проклиная себя за соглашательство с врагом, и за вынужденную подстраиваемость к обстоятельствам. Словно бы не замечая, что это они фактически вынуждали его, а его вины как будто и нет.

Да и ничего такого уж страшного не было в том, что приходилось Мирбаху бороться. А если вспомнить, то и по юности Филипп Георгиевич пытался проделать что-то подобное.

Но после условной победы - долго болел. И в это время страх уже окончательно расправлялся с ним. Поселившись в душе, казалось, надолго или даже навсегда.

Мирбах готов был согласиться с чем угодно. Принять любые условия. Если навсегда - пусть навсегда,--говорил сам себе, стремясь все равно выскользнуть из пут обволакивающего его безумия.

Не получалось. У него никогда не получалось, если он не шел на компромисс. Компромисс становился возможен, только когда он начинал играть, да еще и был при этом искренен.

В таком случае мучительное доселе состояние в психике выравнивалось. И становилось как будто спокойнее.

.....

Проходило времени. Иногда Мирбаху начинало казаться, что весь негатив вообще исчез из его души. И там уже никогда не будет боли.

Он ошибался. Словно бы зная о таких его мыслях, страх и ужас осознания собственной жизни тот час же как-то разом заполнял его душу. И трепетала та в боли и безрадостности бытия. Умоляя о пощаде, скуля, валяясь в ногах, и постепенно уже будучи готовая смириться со всем происходящим. Без какого либо стремления от этого происходящего избавиться.

Такое было. Подобное происходило каждый раз, стоило только Филиппу Георгиевичу почувствовать свою мнимую силу. Силу и желание высвободиться от разрывавших его душу мучений. Заявить о каких-то своих условиях. Сказать всем, что ему не нужны ни контролеры души, ни советчики разума. Что он сам, исключительно сам -- хозяин собственной жизни. И никто ему не нужен...

Как бы не так. Стоило Филиппу Мирбаху только подумать о чем-то подобном, как тут же он начинал захлебываться в накатившей на него волне обрекавшего на страдание безумия. И он срочно начинал играть вновь. Вынужденно играть. Ведь только в этом случае куда-то уходила боль. Скрываясь, прячась, и ни за что ни показываясь до поры до времени наружу.

А может и не было этой боли? Может просто, когда-то давно, Филипп Мирбах уж слишком откровенно вошел в роль. А на самом деле, если бы не играл он ее, а заставил бы, например, свою психику придти в адекватное состояние иным способом, то и закрепился бы такой способ в его подсознании. А потом бы и вовсе Филипп Георгиевич приучил бы это состояние контролю.

Необходимости контроля. Возможности при всякой попытке возникновения - образумливаться.

Что толку говорить о том, чего не было.

Факты сейчас говорили о другом. И эти самые факты словно бы свидетельствовали, что Филипп Георгиевич Мирбах всегда (и навсегда) должен был приспособливаться, играть, подстраиваться. Если хотел, чтобы его психика не испытывала каких-то уж слишком мучительных последствий.

И кто же он тогда был? Актер. Он был актер. Актер поневоле,--как кто-то когда-то сказал о Мирбахе.

А Филипп Георгиевич давно уже понял, что это так. А разве у него был выход?

Сергей Зелинский

02. 08. 07 г.

рассказ

Мечтатель

Киндинов разрывался от страсти.

Такое с ним уже бывало. И даже периодически повторялось.

Хотя и не настолько часто, чтобы он к этому привык.

И потому каждый новый раз - был как первый.

Владуку Киндинову было тридцать четыре. Очень высокий и красивый. Да вот с женщинами было у него не все так просто. То есть, они его любили, конечно. Но не всех, кто его любил - любил он. И даже можно сказать больше: некоторые ему были безразличны.

По профессии Владик был дизайнер. И можно было сказать, что профессия накладывала определенный отпечаток на жизнь Владика. Хотя и не так чтобы очень.

Владик всегда стремился к прекрасному. К своим годам частично собственные потребности он удовлетворил. Собирался даже купить яхту. Владик был модный дизайнер. И кое что действительно способен был себе позволить.

Хотя и на самом деле, главным для него было совсем не это. Какие-либо материальные блага были лишь приложением. И по-прежнему (как и в юности) основным для Владика была душа.

Он был мечтатель.

Мечты Владика со временем обладали удивительной способностью реализовываться. Можно даже сказать, что и не мечты это были вовсе. А некое планирование будущего успеха.

И многие кто знали его - могли сказать, что этого самого успеха Владик достиг.

Но вот для него-то это было не важным. И оставалось не важным, несмотря на рост благосостояния. Да и причем здесь благосостояние. Самым главным для Владика Киндинова была гармония с собой. Чтобы без всяких там иллюзий и сантиментов добиваться выполнения жизненных целей и задач. То есть, можно было сказать, что в нем присутствовал и своеобразный практицизм. Хотя и сам Владик не очень охотно в этом признавался. Ведь он был мечтатель. А мечта предусматривает наличие души. А если у вас есть душа - то вы и должны стремиться к прекрасному, доброму и светлому. Это должно быть для вас главным. А все что касается материального составляющего

жизни - второстепенным. И даже в отдельные минуты жизни - ненавистным.

.....

Владик никогда не стремился, чтобы все в жизни у него получалось. Зачем? Хотя, все равно ведь все получалось,--мог бы сказать сторонний наблюдатель. Но что он знает, этот сторонний наблюдатель. Владик ведь никогда и никому не открывал свою душу. Уберегая, быть может, других от предательства.

Но это было в какой-то мере правильным. Учитывая среду, в которой Владик вынужден был общаться. Среда потенциальных коррупционеров-чиновников (расплачивающиеся с Владиком недавно полученными взятками), да горе-предпринимателей (ищущих успокоение души - в алкоголе и шлюхах).

Владик не любил своих клиентов. И по возможности старался от них дистанцироваться.

Хотя сами клиенты Владика видимо любили. По крайней мере, заказы у него были расписаны на год вперед. И финансово Владик давно уже не нуждался. (Хотя и свойство денег - их нехватка.)

.....

Анализируя свою жизнь, Владик понимал, что на самом деле он все еще неудовлетворен жизнью. Ее моральной составляющей.

И иногда у Владика болела душа.

Но он упорно ни с кем на эту тему не разговаривал. Может даже просто было не с кем.

.....

На самом деле Владик Киндинов был не так прост. А случилось, и Владислав Георгиевич был очень даже сложен. И тогда он крушил и сметал все и всех на своем пути. Помимо роста, он был также и достаточно крупного сложения. И если что-то хотел - добивался.

Правда своеобразные приступы были у Владислава нечасто. Да и умел он себя, по сути, контролировать. Давно уже взяв за правило игру в обществе. Когда он старался соответствовать той роли, которую отводил сам для себя. И согласно которой его знали другие.

"Другие" различались на близких, и не очень. К тем, которые были "не очень" -- относились новые клиенты. А близкими - являлись все остальные. То есть - давнишние клиенты, родственники, какие-то знакомые.

Впрочем, все знакомства помимо работы, для Владика были, большей частью, поверхностны, и не очень важны. Окружающий мир для него сводился на тех, кто был нужен ему, -- и кому был необходим он. Опять же, не для личного общения, а все сводилось почти исключительно к обговариванию рабочих моментов.

--Сучья жизнь, --как-то вскричал Владик, напившись в хлам, и бегая по комнате.

Впрочем, пил он не часто. Не позволял себе. Считая, что всегда и везде (при любых, то есть, условиях) обязан себя контролировать. Не спускаясь до уровня обыденности, от которой всегда стремился дистанцироваться.

Как-то Владик влюбился. И, несмотря на то, что от тут же приказал себе разлюбить женщину, все равно тянулся к ней. Внутри него словно бы что-то восставало против обычного сценария общения. Обычный сценарий сводился к сексу. Поэтому большинство женщин Владика были женщинами легкого поведения. То есть,-- без всяких обязательств к продолжению знакомства. Секс, в общем.

А тут не получилось...

.....

Ксению Петровну Владик встретил в казино. Он оформлял очередной заказ, когда к нему подошла только что подошедшая заместитель директора. И Владик потерял все.

Он потерял сон, спокойствие, и даже деньги.

Согласившись выполнить заказ намного ниже цен, на которые рассчитывал выполнить работу.

Да и ни о каких деньгах думать не хотелось. Сейчас он мог признаться, что впервые встретил женщину, с которой ему хотелось бы встретиться еще.

И они встречались. Поручив выполнение заказа своим работникам (у Владика была сеть дизайнерских агентств -- в Москве и Санкт-Петербурге) он стал кутить напрапалу. Совсем забыв про все, что только выходило за рамки общения с этой женщиной, с Ксенией Петровной.

А она отвечала ему взаимностью.

И все было бы хорошо, если бы из длительной международной командировки не вернулся муж Ксении Петровны.

В криминальных кругах ее муж был известен под именем... Впрочем, это было в прошлом. Теперь, в начале нового тысячелетия, это был уважаемый бизнесмен. Который по своим финансовым возможностям мог купить Владика, продать, и снова купить. Ему было под силу действительно многое.

Но Ксения неожиданно заняла выжидательную позицию. Ей, быть может, и хотелось быть с Владиком. Но в то же время она знала, на что был способен муж. И видимо пока решила не рисковать. Так понял Киндинов. Который решился на разговор с мужем. Он уже понял, что не сможет без Ксении. И даже почти десятилетняя разница в возрасте (Ксении Петровне было сорок два) Владика не смущала. Он был готов на все. Быть может впервые в жизни. И фактически лелеял это свое состояние.

А муж Ксении, когда Владик к нему пришел (пройдя через тройной кордон из охраны-секретарей-заместителей) рассмеялся, и сказал, что он может ее забирать. Добавив - если она сама согласится.

У Владика, было, промелькнуло сомнение,-- да какие могут быть сомнения, когда на кон поставлена любовь.

И он принял вызов. Поставив на карту все. Потому как, если она не согласится (вспомнил Киндинов предупреждение мужа Ксении) Владик обязан будет прекратить свою деятельность дизайнером, распустить персонал, и на год поступить на работу к мужу Ксении в качестве мойщика машин (помимо ресторанов, казино, автозаправок и проч., муж Ксении владел еще сетью автомоек. Поговаривали, начинал он когда-то мойщиком машин. И купил этот бизнес в память о детстве).

.....

А потом для Владислава Киндинова началось странное время. Казалось, о нем внезапно все забыли.

Прежде всего, каким-то образом исчезли заказы. Резко и бесповоротно. Потом куда-то пропала Ксения. Все звонки на ее телефон - оставались без ответа.

И не возможно было договориться о встрече с мужем Ксении. Ведь тот, хорошо помнил Владик, поставил условие. А значит, как понял Владислав, в присутствии и его и мужа - Ксения Петровна должна была дать ответ.

Но вот какой?.. Если еще недавно Киндинов был уверен в ответе Ксении, то после недавних событий (когда вокруг него образовалась пустота и какая-то загадочная блокада) готов был задуматься в своем недавнем стремлении заполучить любимую женщину. В том плане, что какая может быть любовь, если тебя не любят. Да еще и предстоит, судя по всему...

Владик пока боялся проговаривать даже в своем сознании то, что предстоит. И вскоре фактически смирился с происходящим. Точнее - с тем, что его ожидало.

И может быть долго ему еще предстояло мучиться (разыгрывая в своем воображении самые страшные подробности разыгравшейся драмы между Ксенией и ее мужем), если бы Киндинов случайно не узнал, что о нем попросту забыли. Один из знакомых Владика (его давнишний клиент), вернувшись из Испании (где отдыхал), и, столкнувшись с Владиком в ресторане Питера, в котором Киндинов сидел один за столиком и пил, не зная как начать разговор (все знали, что по природе Киндинов был нелюдим и избегал общения) словно бы в шутку рассказал об одном известном питерском бизнесмене, которого встретил в

компании двух одинаковых женщин. Причем схожесть их была такая, что, находясь они рядом в одной одежде ("или без оной",--ослабился знакомый) тех нельзя было бы отличить друг от друга.

Мутными от вливаемого в течении недели алкоголя Киндинов посмотрел на знакомого.

--Я говорю,--улыбался тот,--совершенно не отличишь. Одно лицо.

Неуверенными движениями (пьяными, излишними, и сумбурными) Владислав Георгиевич извлек из внутреннего кармана портмоне, в одном из отсеков которого хранилась фотография Ксении.

--Ну я же и говорю,--весело произнес знакомый, вглядываясь в фото.--Одно лицо.

Киндинов потерял сознание.

.....

А потом из отпуска вернулась Ксения Петровна с мужем. Вернее, сестра Ксении Петровны возвратилась с мужем. А Ксения Петровна приехала вместе с ними.

И они все вместе пришли навестить Владика Киндинова в больницу.

А потом состоялась свадьба между Ксенией и Владиславом. И если бы не свадебное платье Ксении, глядя на двух сестер действительно можно было бы сказать: одно лицо.

А еще позже, муж сестры Ксении подарил Владиду и свояченице (впервые за десять лет, минувших после гибели друга

и покойного мужа Ксении, одоббив кандидатуру на роль ее нового мужа) небольшую нефтяную скважинку. На счастье.

А Владислав и Ксения ведь и действительно были счастливы. И главное их счастье заключалось в том, что они встретили друг друга.

Но больше всего, все же должно быть, был счастлив Владик. Ведь он добился гораздо большего, чем мог и хотел. И большего, чем даже наверное мечтал.

Потому что впервые за последние годы Владислав Георгиевич Киндинов мог признаться, что обрел гармонию в собственной душе.

А это, по истине - бесценно.

Сергей Зелинский

21.07.07 г.

рассказ

Дура

Ему так хотелось душевной теплоты.

Он понимал, что его нынешняя спутница - дура. Только сейчас он стал понимать, как грустно иметь жену -- дуру.

Жена дура может быть прекрасна во всем. Прекрасно готовить, стирать, встречать гостей, даже более-менее (раз в год по праздникам) обходиться с ним в постели.

Но ведь семейная жизнь складывается из большего, чем стирка, уборка, готовка. И вот тут уже Степан понимал (с ужасом и болью), что жена его попросту проигрывает всем его мечтам о милой спутнице жизни, которая будет ему не только полезна, но и с которой ему будет интересно.

И самое печальное, что как раз того качества, которое бы ему больше всего хотелось, у его жены не было. Да он бы и развелся с ней (сначала попробовал, было, с ней переговорить - но разъяренная супруга все восприняла в штыки), да уже столько раз за свою жизнь разводился, что сейчас было даже как-то грустно идти по проторенной дорожке.

И ведь что обидно -- в иные моменты его супруга становилась вежливой и даже как-то по-особенному обходительной.

Но вот бывало так нечасто. И за каждым таким разом он словно бы уже ждал новой вспышки гнева. Немотивированной агрессии. Ну или -- женской глупости, как мог бы назвать это более мягче.

Но ведь и обидно ему было, что душой его жена была, как говорится, по жизни. Душой она была когда злилась. Душой - когда была доброй. Душой она была всегда. Невежливой и глупой. И он, бывало, не знал, куда от нее деться. Пытался спастись бегством -- догоняла. И пилила, пилила, пилила... А он мучительно сносил все это женское негодование. Хотя, конечно, пору раз двинул ей по ее лисьей мордочке. Да это было так давно, что он уже об этом и забыл. Хотел ведь как лучше. Чтобы исправилась.

Не исправилась. А даже сейчас, когда прошло уже черте сколько лет их отчаянного брака, его пассия нет-нет да и припоминала ему былое. А он устало смотрел на нее, думая о том, отчего же такая злая судьба. И понимая, что эта бестия попросту отыгрывает на нем всю свою женскую неудачливость. Неуверенность. Депрессивное состояние души.

И больно становилось его душе что это так. Что забирают у него силы - чтобы подзарядиться его энергией. Унизив - возвеличить себя.

А он бы, может, и согласился, по доброте душевной, терпеть все эти ее девиации психики. Да вот на какое-то время после этого действительно выпадал он из жизни. Пусть со временем и научился с подобным бороться (чтобы сократить процесс обратной адаптации к миру). Но ведь супруга его не унималась. А даже через какое-то время расходилась вновь. Унижая его, и обзывая всякими словами, суть которых сводилась к тому, что он ничего не из себя не представлял.

Это он то!

В тридцать семь он защитил докторскую. В тридцать восемь получил звание профессора. В сорок стал членом-корреспондентом академии наук. Недавно (сейчас ему было сорок пять) стал академиком. Являлся автором более двух десятков книг и учебников. Публиковался в журналах всего мира. Имел...

К чему то, что он имел - если все это его злобная супруга ставила не в грош (у супруги, кстати, была только с трудом законченная средняя школа и незаконченное профессионально-ремесленное училище). Причем последние годы она не работала. Да он и сам ее просил не работать, внимая бессознательному женскому вопросу, куда она пойдет работать без образования? И когда ей было плохо - он ее утешал. Словно бы, уже получается, намеренно возвеличивал в ее (да и своих, обманывая себя) глазах.

А проходило время, и за обман приходилось платить. А супруга, словно бы и поверив во что-то, только известное ей,

---

становилась агрессивной, и изводила придирками более успешного мужа.

Ему бы найти любовницу,--как посоветовали как-то студенты, узнав о семейной трагедии.

Ему бы найти новую жену,-- как посоветовали как-то друзья, знавшие о его душевной боли.

Ему бы просто отдохнуть,-- как посоветовали... Ему многие советовали. Советовали большей частью за глаза. Всем как-то неловко было признаться, что они знают о том, что происходит в душе уважаемого ими человека. Также как и все верили (искренне и неосознанно), что когда-нибудь это все закончится. Прекратится женское коварство. А их друг и учитель - наконец-то испытает счастье.

И ведь развестись, просто взять и развестись Степан Григорьевич тоже не мог. Через год с тех пор, когда он стал жить с этой женщиной (жили они уже пять лет), родила она ему дочь. Красивую и независимую. И хорошо, что не такую как мать. Генетическая база все-таки была схожа с ним. И внешне и внутренне. И вот теперь, развод с супругой-фурией грозил и расставание с дочерью. А в сорок пять это все переживается совсем по-другому, чем в молодости. В молодости он уже успел оставить двух детей на попечение их мам. О чем все эти годы неосознанно (да и осознанно конечно. Просто старался не показывать) переживал. И если бы подобное сделал сейчас...

Если бы сделал сейчас - уже может и не пережил бы это. Хотя он тайно и готовил себя к этому. Каждый раз словно бы оттягивая момент, когда предстоит уходить. Не хотел он этого. И терпеть, конечно, уже не мог. Но терпел. Внушив себе, что лучше

испытывать это мучение, чем муки совести, которые начнутся, когда он бросит своего ребенка.

Странная и страшная жизнь была у Степана Григорьевича Гаврилова. Странная и страшная.

И как будто не было видно впереди просвета.

А все, что нужно и можно было продолжать делать - терпеть. Терпеть...

Но ради кого? Ради ребенка? Ради ребенка...

А жена, его дура жена - видимо осознала (в тридцать семь супруга Гаврилова обладала поразительной женской хитростью) что ее муж уже так и иначе зависим от нее - и уже не стала слезать с него. Понукая, унижая, и все больше откровенно издеваясь.

И что было ему делать? Бросить. Ему бы бросит эту дрянь, эту стерву, эту злобную суку. Да ведь не мог. Может быть он был слаб? Может дело как раз этим объяснялось? Ведь не годы сейчас рабства, да и когда было такое рабство, что мужчина так покорялся женщине. Стремившись угодить, чтобы хоть как-то улучшить ее злобное настроение.

А может жена его была попросту больна. Даже психически больна. И тогда этим-то как раз и объяснялось все это ее негодование. А в душе она была чистый ангел.

Но ведь ангел не мог быть душой. А значит вновь нестыковка. И новые мучения все пытавшемся найти ответ Степану Григорьевичу. Пытавшемся и не находившему. И вновь и вновь терпевшему периодически возраставшие инсинуации супруги. Супруги-дуры. Хоть может как раз это уже было и не важно. Мало ли их таких - и более умных. Да и какая может быть

разница, глупа она была или умна. Разве что с умной женщиной было более интересней. Как и была надежда, что она не позволит себе так часто сходиться с ума. Хотя?..

Сергей Зелинский

12.07.07 г.

рассказ

Подарок судьбы

Думал ли Шагаев, что ему еще когда-нибудь будет так хорошо?

Перед ним сейчас открывались необычайные перспективы. Все, о чем ранее он только мечтал, сейчас можно было потрогать. Даже руками. Потому что он стал вдруг обладать такими богатствами, что разом оказалось, что все его недавние проблемы, а то и намечаемые с кем-нибудь скандалы - столь пустяжны, что ему стало о них даже стыдно вспоминать.

Но он должен был вспоминать. Это было одним из условий того человека, который дал ему все - в обмен на желание наблюдать за преобразованиями Шагаева. Прежде всего за трансформацией его психики. Когда сознание разом и бесповоротно отвергло все, что существовало когда-то. Все к чему он тайно стремился. Все, за что сражался с невидимыми врагами, которых вы не можете различить и увидеть в жизни, но которые периодически появляется на вашем пути. Иной раз, они идут рядом. Иной раз -- поодаль. Но факт остается фактом: они с вами. Вы ничего и не можете сделать без их власти. И базируются они как раз в вашем подсознании. Там их штаб-квартира. А уже в сознании, можно сказать, что просто база.

Хотя и с этой базы они-то как раз и управляют вами.

И после того, что произошло с Шагаевым, все словно разом открылось перед ним. Весь мир открылся по-новому. Предстал перед ним не шумом парадных участников, а самой что ни на есть правдой. Но эта правда была исключительно его. И ему совсем не надо было кому-то показывать ее, говорить о ней, да и вообще - ему многое теперь делать было не надо. И он почувствовал себя человеком. Впервые за многие годы почувствовал себя человеком.

"И ведь многого действительно не требовалось",-- рассуждал Шагаев. Он о многом теперь рассуждал иначе. Совсем по-другому, чем прежде. Прежде его сознание словно было чем-то скованно. Что-то ему мешало, все время мешало. А теперь, очистившись, и сбросив надоедливую ношу бытия, Шагаев разом изменился, став другим человеком.

"Ну и что, что теперь его будут не узнавать знакомые и даже товарищи",--как предупредили Шагаева перед началом эксперимента. Для него это было теперь действительно ничто. Ведь он разом, разом - добился всего, к чему раньше только подбирался. А то и, быть может, только намечал подобраться. А тут разом - и все. Ну не подарок ли?

.....

Не знал Реваз, за что ему такой подарок. Но знал, что достоин его. Конечно же, достоин. И даже стремился всяческим образом доказать, что достоин.

Но ему сказали, что никаких доказательств не требуется. А надо чтобы Реваз Шагаев ни о чем не думал, и просто наслаждался счастьем.

И это все было условием эксперимента. Причем Реваз даже не стал до конца выслушивать все пункты эксперимента. Да ему и сказали, что это все равно не имеет никакого значения, прослушает он до конца, или нет. Потому что с этих самых пор -- все теперь у Реваза будет хорошо и правильно. И никто никогда не будет доставлять ему боль и страдания. Как было еще до последнего дня, когда Реваз получил выговор на работе за то, что не сообщил о приходе проверяющей инспекции (Реваз работал администратором на заводе, который разорившись, сдавал теперь цеха в аренду; должность Реваза - контроль за исполнением условий аренды со стороны администрации завода; то есть, попросту, он был связующим звеном между арендодателем и арендаторами).

И теперь Реваз Шагаев знал, что ему не нужно идти на завод. Что он стал свободным человеком. А деньги ему платят за то, что он такой. Умный и красивый. Ну, в смысле - честный и добрый. За умом Реваз хоть и гнался, догонял не всегда. Ну а красоты пока тоже не намечалось. Была полугрузинская-полуказахская внешность (папа грузин, мама казашка). Был всегда заинтересованный взгляд (смотреть на Реваза невозможно было просто так; хотелось обязательно или положить копеечку перед ним, или дать в морду. Чтобы не пялился), иногда на губах его проступала полуулыбка. Волосы в 37 лет стали поседевшими на висках. Ну и вообще, впечатление он производил более-менее умеренное. Ровное, можно сказать. Особенно если бы излишне не

разглядывал собеседника или просто попутчика (в маршрутке, например).

Ну а вообще, сейчас все же было главное не это. Главным как раз было то, что Реваз получил счастье. Подарок судьбы. И он пока не знал, насколько долго задержится перед ним этот подарок.

И хотя ему сказали, что подарок навсегда - Шагаев не верил.

А ему попросили верить. Иначе...

.....

Подарок заключался в исполнении всех Шагаевских желаний, которые можно было осуществить в настоящем времени и на территории России. И хотя Шагаев, было, заикнулся что-то о Швеции, куда всегда мечтал поехать, на него посмотрели столь строго, что он тут же принялся доказывать, что вообще не знает, что существует такая страна как Швеция. А знает, ценит, и любит только Россию. Его родину. Он так и сказал: "Россия - моя родина". И судя по взгляду на него благодетеля, Шагаев понял, что сказал что-то не то. И впредь дал зарок ничего лишнего не говорить, и вообще - жить в соответствии с правилами, которые ему дадут.

--Ты не понял,--сказал Благодетель (имя свое он попросил не упоминать, поэтому пусть будет известен как Благодетель. Тем более Шагаев к нему так и обращался. Хотя ему-то как раз Благодетель свое имя сказал).--Ты не понял,--повторил Благодетель, фокусируя на словах внимание Шагаева.--Счастье тебе дается навсегда. Ты волен делать с ним все что угодно.

Только не можешь кому-то передать. И отказаться от него тоже не можешь. Так что,--Благодетель посмотрел на Шагаева,--остается только радоваться. Наслаждаясь и купаясь в роскоши и богатстве (до этого, когда ему предложили на выбор все что он хочет, Шагаев попросил исполнить его давнишнее желание -- стать богатым).

.....

А еще через время, Ревазу Шагаеву как-то наскучило все. И не то, что он расхотел быть богатым. Наверное, даже нет.

Но вот понял он, что стали происходить какие-то не очень хорошие изменения в его душе. Злым он стал. А еще расчетливым и хитрым. И даже стал бояться, что его кто-то лишит богатства. Хотя как раз по поводу этого Благодетель успокоил его, сказав, что он может не переживать - пока существуют деньги, они у Реваза не закончатся.

И у Шагаева действительно стало очень много денег. Даже неприлично много. А он... А он все равно попросил вернуть его назад. В то время, когда будущее хоть и не вырисовывалось перед ним столь отчетливо, но теперь-то оно вообще не вырисовывалось. Каждый день походил на другой. Все что необходимо было для нормальной жизни -- у Реваза было. И ему совсем не надо было ни к чему стремиться.

И уже видимо как раз это более всего и удручало его. Потому что он вдруг перестал чувствовать вкус к жизни. Раньше этот вкус был терпкий, и даже какой-то ядовитый. А теперь вообще стал никакой.

И вскоре Реваз Шагаев уже стал проситься обратно. Сначала как-то неуверенно, а потом -- настойчиво. И придумал

даже множество обоснований того, почему он должен вернуться назад, в прошлое. А счастье?.. Ну так оно и так было там, в прошлом. Просто за мирскими заботами Шагаев его не замечал. А теперь, по крайней мере, знал, где искать это счастье.

Но Благодетель оставался непреклонен. И в очередной раз напомнив о правилах, принятых когда-то Ревазом, вообще исчез.

И с тех пор жил Реваз Шагаев как будто и в счастье, и без одного. Потому что, какое же это было счастье, когда и не к чему было стремиться?

И Благодетель его, в общем-то, понимал. Ему и самому уже давно наскучили его миллионы. И он искал таким образом с кем поделиться. Потому что просто так отдать не мог (мешали какие-то внутренние правила, правила, которые когда-то он возвел в своей психике), а вот дать часть - чтобы решить что-то для себя, понаблюдав за осчастливленным им - мог.

Но уже было понятно, что не в деньгах счастье. Но тогда в чем?

Сергей Зелинский.

20 августа 2006 год.

рассказ

Душевный праздник

1

Гоше очень хотелось душевного праздника. Причем чтобы так - и навсегда. Да и чего-то понарошку он не любил. Не любил половинчатость. Хотя и совсем был не похож на какого-то злодея, который хотел всего и сразу.

Гоше было сорок пять. Гоша был умный, скромный, в меру застенчивый, и столь же умеренно веселый.

Притом что иногда он и веселиться умел, и после каких-то ситуаций никто бы не сказал об его застенчивости. Но бывало это столь редко, что об этом уже мало кто и помнил.

.....

Гоша любил женщин. Любил порой до одури. В отдельных случаях, впрочем, ему после этого становилось стыдно. Хотя и до какого-то самогрызства не доходило. Ну, быть может, Гоша просто умел контролировать ситуацию.

Когда-то, в одной из прошлых жизней, Георгий Мартиньянович был большим человеком, занимал ответственный пост в партии. Правда, "порулить" не успел. Через несколько месяцев после его назначения, СССР распался. А сам Георгий Мартиньянович сделал большую ошибку, сравнивая вновь наступившее тогда время - со временами НЭПа. Мол, все в истории повторяется,--бывало, бубнил он, когда кто-либо из особо недоуменных знакомых начинал сетовать, что Георгий Мартиньянович совсем не устроен в новом времени.

А он и не хотел в нем устраиваться. По складу характера Георгию Мартиньяновичу была ближе система, которая была раньше. И веря, что все новое на самом деле быстро кончается, Георгий Мартиньянович искренне ждал возвращения старых добрых времен.

Не дождался.

В начале 2007 года Георгий Мартиньянович окончательно смирился с тем, что уже ничего не вернется, пошел

работать на завод (к знакомому, руководившим этим заводом), и попросил называть себя Гошей.

С тех пор так его все и звали - Гоша.

Гоша был высокий, немного сутулый мужчина, с седой проседью у висков, длинными свисающими усами (как у казаков, пишущих письмо султану), несколько понурим взглядом, и в иные случае - удрученным видом.

Почти никто из новых знакомых Гоши не знал, кем он был раньше.

Почти никто из новых знакомых Гоши не знал, что он мог веселиться, и брать от жизни все.

Он мог. Но пока не хотел. А все отчего-то решили, что он не может (брать у жизни все), да и вообще, видимо, поставили на нем крест. Хотя сам Гоша так не думал (не думал о том, что они думали так). И вообще-то... Вообще-то никто не знал, что думал Гоша на самом деле. Ведь это только поверхностному наблюдателю может показаться, что люди не меняются. Предоставьте большинству из этих людей соответствующие условия, и вы сами удивитесь тем преобразованиям, которыми станете свидетелями. Да и на самом деле, люди иной раз могут так начать чудить, что иной раз и диву даешься за них, и больше даже за себя - что не замечали, как будто бы, раньше в них склонности к этому.

А надо было замечать. Чтобы не думать потом лишний раз, что открываются такие люди перед вами с другой, новой, стороны. Изменяются. А они - на самом деле такими были и раньше. Просто как-то не было ситуаций, при которых они могли раскрыться.

Надолго Гошу не хватало. В большинстве ситуаций он по-прежнему оставался тихим, скромным, застенчивым. И немного даже грустным. Таким, каким не хотел никогда быть. Таким, каким и не мог бы раньше подумать, что станет.

Стал.

И от этого, должно быть, грустил еще больше.

Но в душе Гоша хотел праздника.

В такие минуты (собственного внутреннего подъема) Гоша величал себя Георгием Мартиньяновичем. Заметно преображался. Надевал свой лучший костюм (обычно Гоша ходил... да так. Ничего примечательного), черные туфли (костюм тоже был черным), брал у товарища (директора завода) его "БМВ", заказывал в элитном салоне девушку по вызову (эскорт), и приезжал в самый лучший ресторан в городе на Неве. Где начинал кутить.

Видимо Гоша реализовывал то, что не успел реализовать раньше, когда он занимал высокую должность в райкоме партии.

И на другой день состояние Гоши напоминало еще остатки дня вчерашнего. А потом... потом он уже окончательно смирился с настоящим. Снова надевал свою робу, и плелся на завод.

И, казалось, ничто не может окончательно заставить этого человека веселиться. А то ведь, сбрось, забудь старое,-- да и начни новую жизнь. Ту, которая, быть может, и должна бы у него быть, если бы не наступили новые времена. И все бы у него вышло по-другому.

Да Гоша и не жил сейчас. Существовал.

2

Как-то случилось так, что Гоша влюбился.

Женщину звали Анята. Аняте было двадцать три.

Анята была стройная и красивая. Пусть и не очень умная, но как-то Анята затащила Гошу в постель, и он подумал тогда, что, такой как Анята, ум совсем и не нужен. Секс перевешивал в этой женщине все. А Георгий Мартиньянович (он снова стал звать себя Георгием Мартиньяновичем, быть может поначалу и незаметно для себя, просто повторяя за Анятой, а потом привык) радовался, что все у него в жизни самым неожиданным образом пошло совсем не так. Не так как было еще недавно, и не так, как он думал что уже будет всегда.

Нет. Анята взяла в свои руки жизнь Гоши (Георгия Мартиньяновича). А Гоша, как-то интуитивно рассудив, что так и надо, стал жить новой жизнью.

Да,-- в душе его теперь всегда был праздник. Душевный праздник.

И иного его душа уже не хотела.

Сергей Зелинский

03.07.07.

рассказ

Разрешение сомнений

1

Ну и что, что казалось ему, что все не так. По большому счету, он же мог в это и не верить.

Ну, или вернее, вполне бы мог,-- если бы был такой уж... ну, безответственный что ли.

Тогда как на самом деле -- он был не такой. И вообще, если разобраться, Аполлинарий весьма ответственно относился к своим обязанностям. Вот, правда, большую часть своих обязанностей он должен был периодически для себя придумывать.

Хотя и в этом совсем не было чего-то такого уж страшного. Особенно в сравнении со всем остальным, что приключилось, да и еще бы могло приключиться в его жизни.

А дело все в том, что бы Аполлинарий - клерком. Вполне типичным для новой русской действительности, которая образовалась на постсоветском пространстве. Причем сам Аполлинарий (или Александр, как его на самом деле звали) поначалу какого-то особенного отчета в этом не отдавал. А потом, словно бы присмотревшись, понял, что уже, по большому счету, и изменить-то ничего нельзя. Попросту невозможно. Притом что иной раз ему очень хотелось что-то изменить. Но ведь не мог. Не мог. Или мог?

Так случилось, что Александр Сытин (у нашего героя было еще и отчество - Альбертович), прожив тридцать семь лет, как-то вдруг начал задумываться, что жизнь его взяла ("уже наверное окончательно", - подумал он) тот крен в сторону, с которого, быть может, уже и невозможно будет свернуть.

И ведь сложно сказать, как это было на самом деле: плохо или хорошо? Ну, в том смысле, какие это могло бы нести в себе последствия. Наверное ведь и действительно трудно сказать. Да и как-то выходило так, что Александр (Аполлинарий его звали в детстве и это имя было в его паспорте. Но с начала взрослой жизни он просил звать себя Александром) действительно задумался о том, что происходит в его жизни.

И ведь нельзя сказать, что жизнь какая-то у него была странная, и так-то уж, чтобы отличная от других. Нет. Вроде как нет. Все было, как говорится, дешево и сердито. Ну, в смысле - просто и со вкусом. Александр-Аполлинарий прожил всю жизнь в одном городе, даже в одном доме. Учился в одной школе (рядом с домом), и даже так вышло, что институт Аполлинарий выбрал тот который находился неподалеку от дома (хотя с институтом вполне может что действительно просто совпало).

Но уже было интересно, что жену Аполлинарий себе подобрал тоже, как говорится, соседку. А когда развелся с первой женой, то вторая, по странному стечению обстоятельств,-- проживала поблизости.

Но быть может -- и не следовало как-то по-особенному обращать внимание на все эти совпадения (назвав их действительно - совпадениями), если бы однажды не задумался Александр-Аполлинарий, предположив, что как раз из таких совпадений состоит его жизнь.

А задумавшись - стал уже более подробнее анализировать эту самую жизнь. Найдя вскоре множество мелких деталей (а также мельчайших следствий и подробностей каких-либо событий), которые сами по себе, вроде как, и ничего не значили; но вместе способны были явить весьма любопытную картину. Которая сложилась, вдруг, словно мозаика. А при ближайшем рассмотрении...

В общем, выходило так, что в зависимости от времени суток и настроения, эта самая мозаика его действительности сильно различалась. Причем, сколько он не пытался (по образованию Саша был математик) как-то анализировать

подобную ситуацию, у него не получалось выявить какую-то последовательность, цикличность, ну и прочее нечто, за что в последующем он мог бы зацепиться. Нет. Ничего такого как будто и вовсе не было.

И все же Александр Альбертович угадывал, что все это не просто так. И какая-то закономерность присутствовать была должна. Но вот какая?

Александр понял, что ему предстояло самым подробнейшим образом во всем разобраться.

2

Выходило так, что в чем-нибудь разобраться оказалось не просто.

А со временем Александр и вовсе готов был смириться с подобной идеей. Решив (и даже убедив себя), что вполне мог бы прожить и так.

Да вот, убедить-то себя убедил, да стал вдруг испытывать чувство какой-то незавершенности.

А проходило время, и получалось, чем больше он об этом думал,-- тем больше наслаивались какие-либо события из прошлого одно на другое (Александр не без оснований предполагал, что разгадку надо искать в прошлом). Хотя, уже получалось, чем больше он искал эту самую разгадку (так и сяк просеивая свое прошлое), тем больше себя запутывал.

И ведь мог бы он махнуть на все рукой.

Да видимо не получалось.

Ну, в том плане, что все было не так-то просто.

И стало казаться Аполлинару (он стал просить себя вновь называть Аполлиналием), что все в его жизни идет совсем даже не так.

Но он не знал -- как должно быть на самом деле. Вроде и чувствовал что-то, да все было... как-то неграмотно, что ли. "А значит и неправда",--рассудил он.

"И как следствие подобной неправильности,--размышлял Аполлиналий дальше,--значит, ничего и не было".

А раз не было - то и переживать было не из-за чего.

И как только Аполлиналий убедил себя считать так, стало в его душе настолько легко, что и мир вокруг предстал по-другому. В других образах и красках.

И Аполлиналий уже готов был прыгать и радоваться (вернее - радоваться, и даже прыгать) от радости, как понял, что все, до чего он только что додумался - ошибка.

А былую аксиомичность теории - на самом деле можно (и даже нужно) было подвергать самым критическим сомнениям.

И уже не было в душе Саши Сытина покоя. А от недавнего спокойствия - не осталось и следа.

Но он уже знал, что разгадка возможна. Она ведь уже вроде как и случилась. И раз так, необходимо было уже совсем немного, чтобы, окончательно разобравшись во всем ("в своей жизни",--уточнил он для себя) - начать жизнь спокойной жизнью. Главное - подобное было возможно. Он уже знал, что возможно.

И это, наверное, было самое главное.

Сергей Зелинский

07.07.07.

рассказ

Трудный случай

пролог

По сути, он никогда не думал, что сможет так запутаться. Все, что было до этого, можно назвать так, детские забавы. И это притом, что возраста он был хоть и молодого, но вроде как совсем не детского. А вот влюбился как мальчишка. А даже не влюбился. Нет. Пожалуй, о любви было говорить еще рано.

Но выходило так, что с момента знакомства, эта женщина не выходила у него из головы. И ведь совсем вроде как понимал...

Нет. Судя по всему (уж в этом он мог себе, пусть и неохотно, но признаться), он только силился что-то понять. Да и мозг его всегда, вроде как, работал как надо. А тут такое...

1

Началось все с того, что Алексей искал, чем бы ему заняться. Ну, в смысле, не то, что заниматься ему было нечем. Он был вполне успешный научный сотрудник НИИ. У него была ученая степень кандидата наук (социология). Отдельная квартира. Машина. Любящая жена. Но... Но вот все это было с частицей "но".

Степень - была. Но какого-то материального достатка она ему не приносила. Квартира - досталась от родителей (уехавших за границу). Машина - ВАЗ. Хоть и последней модели (одной из последних), но ВАЗ есть ВАЗ. Жена? Ну да. Жена его любила. Но при этом (об этом Леша узнал случайно) любила еще и остальных мужчин.

Но по большому счету не это было главное. Все дело в том, что Леша самым неожиданным образом стал испытывать чувство к замужней женщине. Причем не просто к замужней, а муж которой был на порядок успешнее и может быть даже умнее его. Да еще и внешне привлекательнее (выше, и с фигурой бывшего спортсмена-волейболиста). А сам Леша был маленький и щуплый. И кроме шахмат, никаким спортом не занимался.

Ну и может даже не это было то, что в последнее время очень даже его удручало. Ну, как бы это выразить. Леша чувствовал, что и Лиза (ту красивую женщину звали Лиза) была умнее его. А может и хитрее. Ну что уж точно, пока она опережала его в предвидении ситуаций. И это... Ну как бы сказать. Это его удручало.

Да что там. Алексей мучился тем, что он впервые встретил человека, поведение которого не мог предвидеть и предсказать.

С одной стороны, все вроде как было ясно. Но вот эта ясность его и пугала. Лет десять, даже пять назад, он, быть может, и не обратил бы на это внимание. Все-таки тогда он был моложе, а значит и самонадеяннее. Не увереннее, нет. Уверенным он был всегда, и на это возраст, в его случае, вроде как никогда и не распространялся. А сейчас выходило так, что Алексей понимал, что он, мало что понимает. И общаясь с Лизой, более чем отдавал себе отчет, что находится на грани, будучи вынужденным включать в полную силу интеллект, и все равно чувствуя, что ему дают некую фору. И что стоит только Лизе (Лизе было сорок один, Алексею тридцать четыре) захотеть, и она разделает его в пух и прах. А он совсем ничего не сможет ей противопоставить.

А ведь как было хорошо ("хорошо ли"?-- не раз уже начинал задумываться он) раньше. Практически все, с кем его сводила судьба, проигрывали (а большинство и значительно) ему в развитии интеллектуальных способностей. Нет, никто из них дураками (или дурами) не был (с такими он не общался). Но, разговаривая с ними, Алексей чувствовал себя на коне, потому как переигрывал своих подруг, знакомых, друзей и товарищей порой на несколько ходов вперед. Спокойно, без напряжения, манипулируя людьми, играючи провоцируя их на совершение интересных ему поступков, и, предвидя их, "вел" этих людей дальше.

В случае с Лизой все было не так. Еще год назад Лиза (Елизавета Андреевна) стала членом корреспондентом академии наук. Несколько лет назад стала доктором наук, профессором, заведующей кафедрой философии одного из вузов Санкт-Петербурга (помимо этого она была профессором нескольких зарубежных университетов). Муж ее был мультимиллионер, а в прошлом тоже доктор наук. И по всему выходило, что тягаться Алексею было не с кем. Он попросту (и как бы уже изначально) на порядок проигрывал. И чем больше он начинал узнавать Лизу, тем больше понимал, что этот разрыв увеличивается. И ему, быть может, и совсем было нереально заполучить эту женщину. Внешне, кстати, очень красивую женщину. И, разумеется, прекрасно знающей себе цену.

Но вот как же он хотел, чтобы эта женщина была с ним!..

И при этом понимал, что это, в общем-то, невозможно. Впервые он вынужден был сказать себе, что невозможно. До этого, ничего невозможного для него не существовало. Он привык

сам добиваться любых целей. Привык, совершенно ни на кого не надеясь, знать что всегда (до встречи с Лизой он еще мог говорить "всегда") добьется запланированного. А вот теперь...

Нет, так вышло, что и здесь Алексей сдаваться был не намерен. Причем, как бы уже не было, он знал, что все равно если не добьется, то, по крайней мере, очень даже приблизиться к выполнению своей задачи. Но вот как-то удручало его, что это невозможно было сделать (как раньше) сразу. Он вообще привык всего добиваться сразу. И привык, что достаточно свободно обыгрывал всех своих вольных или невольных конкурентов. Да и... быть может это его, в конце концов, и развратило. Слишком он уверился в своем могуществе. И долгое время все было действительно так. А вот сейчас...

Сейчас на душе Алексея было очень беспокойно. Можно даже сказать, он готов был впервые за долгие годы признаться себе, что до конца не контролирует ситуацию.

Но что было, пожалуй, самое интересное,-- ему это нравилось. Его мозг впервые за годы готов был плясать и петь от радости. Наконец-то ему выпала настоящая работа. Наконец-то он сможет включиться, заработав на полную мощность. Да он и так уже работал на полных оборотах. Общась с Лизой, совсем и невозможно было иначе. Невозможно было флиртить. Любой подвох будет тут же обнаружен. А для Алексея было бы самым печальным потерять расположение этой женщины. Женщины, в чувствах которой он угадывал некоторую взаимность. Хотя и подозревая пока, что с ее стороны это была своего рода игра, проверка. Как меряются силой борцы перед схваткой. Как боксеры, начиная первый раунд, проверяют мастерство другого. А

уже потом, начинают бить, используя обнаруженные ошибки соперника.

Меньше всего Алексей сейчас хотел быть соперником Лизы. Он даже не мог признаться себе, что полюбил эту женщину. Раньше, много лет раньше, он мог (и говорил) слова любви другим женщинам. А тут впервые обнаружил, что в случае с Лизой все совсем даже и не так. Все серьезнее. Намного серьезнее. И ему... ему очень хотелось разгадать загадку этой женщины. Алексей впервые признался, что его в первую очередь прельщало в этой женщине. Загадка. Он впервые столкнулся с тем, что объект нельзя было проконтролировать. Не то что потрогать руками, а между ним и другим человеком обнаружилось некое невидимое поле. Быть может даже магнитное. Которое пока не действовало, и потому вы могли и приближаться и отдаляться. Но вот выходило так, что постоянно чувствовали, что вам попросту позволяют это делать. Не вы, а вас - контролируют. И в любой момент с вами могут поступить так, как захотят. Быть может даже, наигравшись, выбросят как ненужную вещь.

Алексей никогда ничего не выбрасывал. В крайнем случае, он мог что-то кому-то подарить. Но у него никогда не было чего-то не нужного. Все ему было необходимо и очень-очень дорого. И потому сейчас, он в какой-то мере даже стал осознавать, что человек перед ним, быть может, даже и не совсем тот человек, который был ему нужен. Необходим. Ведь все так могло получиться, что и действительно, не разгадав с какой целью Лиза общается с ним (перед глазами Алексея все время был муж Лизы, некий эталон мужчины), невозможно было и узнать, что его ждет впереди.

Впрочем, Леша понимал, что он, видимо, попросту форсирует события. А на самом деле все намного проще, и даже быть может неинтереснее.

Но в любом случае, это все будет впереди. И он обязательно разрешит мучивший его вопрос-загадку. А пока... пока Алексей тайно радовался в душе, что все это было именно так. Ведь это означало, как минимум, что жизнь продолжается. И в ближайшее время уж точно не будет скучна. И пока это было самое главное.

Сергей Зелинский

29.06.07.

рассказ

Такая судьба

Владимир Ильич Куницын очень грустил, что ему попала такая злая жена. Хотя может быть, она была и добрая. Даже можно предположить, иногда веселая (она ведь бывала веселой) женщина. Вере Гавриловне было под сорок. Можно сказать, вполне цветущий для женщины возраст. Но именно возраст видимо приносил Вере Гавриловне много страданий. Вызывая в ее душе тревогу, да и разные там волнения. От которых вполне можно было конечно избавиться (да и были женщины, которые на это не обращали внимание), но Вера Гавриловна была женщина страдающая. И даже ко всякого рода ерунде относилась очень даже серьезно. Да и что было говорить, переживала Вера Гавриловна от всякой ерунды (то, что другие считали ерундой) очень даже серьезно. Болела можно сказать, душевно. Страдала.

И этим страданием весьма донимала Владимира Ильича. Который в иные минуты не знал, куда ему сбежать от супруги. Принося себя в жертву ее плохого настроения. И по своему переживая. Но вида стараясь не показывать.

Как-то случилось так, что Владимир Ильич познакомился с женщиной. Милой женщиной. Ласковой и отзывчивой.

И как-то ненароком стал развиваться между ними роман. Причем поначалу Владимиру Ильичу как-то неудобно было признаться Маше (так звали эту милую женщину), что у него была жена. Да и отчего-то считал он, что Маша сама обо всем догадается. Но а уже с другой стороны, откуда она могла знать о чем-то, если Владимир Ильич не признавался. А он... а он страдал. Стал вдруг страдать от того, что, получалось, как бы обманывал доверившуюся ему женщину. Но и уже не мог от нее. Полюбил. Ну, или даже скорей, еще не полюбил. Но уже был близок к этому. Ведь Владимир Ильич отдыхал с этой женщиной. Душевно отдыхал. Столько тепла и заботы он еще не получал ни от кого (родители и близкие не в счет). И не от того, что все женщины были такие. Просто ему не попадались нормальные. А все больше какие-то злыдни. Которых он всячески старался убаюкать своим теплом и добросердечием. А они... она, речь пока об одной, его жене, она пользовалась его добротой. Села ему на голову. Свесила ноги. И стала понукать. Заставляя делать все.

Да он и сам был готов делать все. Все чего кому-то хотелось, чтобы на него не кричали. Он не терпел женского крика и упрека. Негодования. Ему хотелось спокойствия. Как же ему хотелось спокойствия...

Тишину и спокойствие он получал только с Машей. Маша была несколько старше его злобной супруги. Но в отличие от Веры Гавриловны, она вполне спокойно относилась к своему возрасту. И была очень уверенной в себе женщиной. Да еще и красивой. Очень красивой. О такой женщине искренне мечтали все знакомые Владимира Ильича. И все знакомые Куницына переживали за то, что связал свою судьбу Владимир Ильич с такой злобной бестией. Но они ничего не могли поделать. У них были такие же злобные жены. От которых мужчины спасались, загружая себя излишней работой. И страдали. Так же страдали.

И это была великая трагедия, что страдало такое количество мужчин. И им бы всем найти таких добрых жен как Маша. Да ведь и были такие женщины. Разве что, быть может, сами мужчины боялись, что это только по началу они добрые. А как начнут жить совместно, и уже совсем невозможно будет избавиться от их из злобы. И станет даже еще хуже, чем было сейчас. Сейчас-то мужчины уже как-то приспособились. Терпели, но научились терпеть. Страдали, но научились страдать. А как будет дальше? Да также и будет. Потому как они боялись чего-то менять. И только мечтали, вот если бы...

Но вот "если бы" -- все не получалось. Пока было невозможно. И Владимир Ильич, статный мужчина сорока четырех лет, с красивой шевелюрой густых черных волос, мучился и страдал в семье. А отдыхал только с Машей. В которую, проходило время, все больше влюблялся. И, наконец, стало так, что ему стала нужна только она, Маша. Которую Владимир Ильич готов был носить на руках. Готов был потакать всем ее женским слабостям, прихотям и фантазиям.

Да и у Маши не было никаких слабостей, да прихотей. А что до фантазий ее, так они простирались исключительно в плоскости одного: любви. Любви к ней Владимира Ильича.

Но Маша как-то стеснялась предложить Владимиру Ильичу бросить свою свирепствующую жену, и жить с ней, с Машей. Ведь она была такая добрая. Ведь она была совсем-совсем другая. Такая, какая и нужна была Владимиру Ильичу.

И казалось Маше, что Владимир Ильич сам сделает правильные выводы. И когда-нибудь начнет жить с ней. А она уже давно была готова жить ради него. Жертвенность была у Маши в крови. Машина мама была такой. И Машина бабушка. Притом что и папа у Маши был добрый, спокойный, и отзывчивый человек. Папа у Маши был военным, полковник, погиб в Афганистане. И мама у Маши умерла. Сердце.

И не было у Маши никого кроме Владимира Ильича. Такая судьба.

.....

Проходило время. Они продолжали встречаться. Владимир Ильич продолжал все больше в Машу влюбляться. А она уже и так его любила столь преданно и искренне, что очень хотела чем-то пожертвовать ради него. Но ей и нечем было вроде как жертвовать. Все что у нее было - она сама, да кошка, которую она тоже очень любила. Конечно не так, как Владимира Ильича. Ну, здесь, просто можно сказать, что любила она своих самых дорогих людей -- каждого по-своему. Но обоих преданно и искренно.

Как-то раз Вера Гавриловна закатила Владимиру Ильичу очередной скандал. Да такой злобы от нее Куницын вроде как и не слышал раньше. А может только сейчас (с появлением в его жизни Маши) обратил на это какое-то особое внимание. Причем все было столь серьезно, что Владимир Ильич решил уйти от Веры Гавриловны. И начать жить с Машей. Наконец-то начать жить, потому что знал, что Маша давно уже ждала от него мужского поступка. Но раньше на подобное Владимир Ильич решиться был не способен. А сейчас - решился.

И он спокойно взял свои вещи (самые необходимые), и ушел от злобной супруги. А та только в конце все поняла. И кричала ему, что он сволочь и предатель. И так стало грустно Владимиру Ильичу, что он захотел даже вернуться. Но пересилил себя. И продолжил движение. А когда добрался до Маши, то дверь в ее квартиру открыл какой-то бородатый мужчина. И сказал, что Маши сейчас нет дома, но если гость хочет, то может дождаться ее, посторонившись от двери, и видимо пропуская Владимира Ильича. Мужчина по виду был добрый и отзывчивый. Такой же, как Маша.

Но Владимир Ильич не прошел в квартиру. Он понял, что Маша просто устала его ждать, и нашла свое счастье. Бородатое счастье стояло сейчас в нерешительности перед Куницыным, и раздумывало, зайдет ли он или нет (закрывать, или не закрывать дверь, потому что сквозило).

Владимир Ильич поблагодарил за предложение, и ушел. Он тоже был добрым человеком. И не собирался мешать ни чьему счастью.

А выйдя на улицу, Владимир Ильич пошел в ближайший кабак, и напился. В хлам. Чего не делал до этого никогда, разве что один раз, да и то в студенческие годы (что не считается).

А когда Владимир Ильич напился, то он как-то по-другому взглянул на свою жизнь. И понял, что он поторопился делать какие-то решительные поступки. И тогда Куницын решил возвратиться к жене.

Но когда он вернулся к ней, то Вера Гавриловна была уже не одна. Потому что не могла такая женщина как она - быть одной. Слишком властна и независима была она, чтобы совсем уж отказаться без мужчины. И пригласила своего любовника. У которого, после ухода Владимира Ильича, повысился статус, и он теперь вполне мог считаться мужем Vere Гавриловне, пусть и пока гражданским мужем.

И это все понял Владимир Ильич. И уже окончательно ушел, от ставшей бывшей, супруги.

А на улице он встретил... Машу. Маша, отбросив все сомнения, прибежала к нему. И они стали жить вместе, дружно и счастливо.

А кто был тот бородатый мужчина, Владимир Ильич так и не спросил. Но понял, что это именно он, мужчина с бородой, сказал Маше об его приходе. А значит, все было хорошо. Маша выбрала его, Владимира Ильича Куницына. И какое ему было дело до других...

Сергей Зелинский

01.07.07.

рассказ

Тайная страсть

У него была тайная страсть. Это было то, что согревало его душу. Давало ощущение некоего особого состояния, благодаря которому он мог жить с удовольствием. Ведь даже случавшиеся конфликты с женой, с коллегами, просто со знакомыми и не знакомыми людьми - уже как бы отодвигались на второй план. И Вагит Буртулидзе жил какой-то особой, своей жизнью. И в жизни этой все было прекрасно и замечательно. Там совсем не было кошмаров, которые иной раз он мог встретить в реальной действительности. И, прежде всего потому, что в том мире, где реализовывалась его тайная страсть, он был единственным и полноправным хозяином. Без вариантов какого-то смещения его властных полномочий. Да и вообще -- без какого-либо возможного негатива, который был теперь невозможен.

Населяли этот мир его страсти исключительно женщины и молодые девушки, которых он отобрал сам. Только сам. Причем ежедневно из нескольких десятков кандидатур он выбирал или несколько или только одну. Но те, кого он отбирал, были действительно достойны.

.....

Критериев отбора было несколько. Все они были равнозначны, поэтому нельзя было выделять что-либо только одно, хоть и очень понравившееся ему.

И тогда он мог перечислить качества, по которым кандидатка могла попасть к нему в коллекцию через запятую, как-то: блядовитая внешность,-- но при этом честный взгляд, да и общая честность и преданность, написанная на лице; красивая

фигура,-- и при этом не обязательно так-то уж развитые формы; здесь подобная категория вступала в единение с первой, когда общая доступность девушки и читаемое на ее лице желание отдаться перевешивало все; страстность - в этом случае ее лицо или фигура могли быть не такими уж красивыми, но чтобы была не излишне толста и не уродина, на всем теле сделана эпиляция, и превалировало все то же желание отдаться своему хозяину. Именно хозяину. Вагит Буртулидзе был для своих девушек исключительно хозяином и господином. Она могли так его и называть - мой господин. Или наш господин, если при удовлетворении страсти хозяина девушек было двое или больше.

Следует заметить, что по каждому из этих критериев отбора девушек Буртулидзе мог дать четкое объяснение, почему именно так. Например, блядовитая внешность - означала доступность. Чтобы, когда у него возникло желание, он не должен был думать уже ни о чем. И осталось бы только поманить пальчиком девушку, и она с радостью и с жаром страсти должна была начать принимать те позы, которые всегда особо нравились Буртулидзе.

Да и вообще, каждая должна была исполнять исключительно все, что ему захочется. Без какой-либо даже мысли об отказе или сомнениях по поводу своего желания к страсти. Ни у кого из девушек Вагита Буртулидзе в лексиконе не должно было слова нет. Только да,-- всегда и в любое время.

За это Буртулидзе давал девушкам все, что им было необходимо. Прежде всего, они нисколько не были стеснены в финансах. По мнению Буртулидзе мозги женщины (а равно как и отсутствие таковых) не должна была омрачать невозможность

купить чего-то того, что они хотели. Причем, конечно, миллионов он им не давал (девушки хотевшие слишком многого -- безжалостно им изгонялись), но все что было самым необходимым - у них было. Жили все в большом доме Буртулидзе (где у каждой были свои несколько комнат). Помимо этого на территории усадьбы Буртулидзе у каждой из его наложниц был свой небольшой двухэтажный домик. У каждой была машина (любая, какую она захотела, за исключением машин ручной сборки как-то Бентли, Роллс-Ройс и проч.). Каждой была выделена отдельная комната для гардероба, насчитывавшего много сотен различных вещей. Помимо всего - каждой девушке еженедельно выделялось по две тысячи долларов на расходы. Раз в десять дней предоставлялся один выходной (когда она могла уехать из дома), а раз в три месяца --двухнедельный отпуск (на выходной они получали дополнительно тысячу долларов, а на отпуск - десять тысяч). При этом им достаточно было написать все, что они хотели бы у себя иметь, и это все тут же покупалось (Буртулидзе завел специального человека, исключительно для подобных поручений своих наложниц). В общем, у них было все,--ну или очень и очень многое.

.....

Удовлетворяя запросы отобранных им девушек, Буртулидзе тоже получал все что хотел. Ему было пятьдесят. Он долго шел к этому. Когда-то Вагит Георгиевич прочил сам себе карьеру ученого. Защитив сразу после окончания института и аспирантуры диссертацию, Буртулидзе остался на кафедре, потом перешел в НИИ, потом вновь вернулся к преподавательской

деятельности, после чего неожиданно увлекся бизнесом, организовав кооператив, уехал за границу, вернулся, чуть ли не сел в тюрьму, и уехал снова; а после этого вернулся, и больше никуда не уезжал, прочно осел в Москве, скупая недвижимость, играя на акциях предприятий, и получая свой основной (и более чем ощутимый) доход с черного золота.

Помимо нефти еще был газ и алюминий.

От алюминия, впрочем, он все же вскоре отказался, продав активы имеющихся у него предприятий, и вложив эти деньги в недвижимость за границей, где скупив ряд огромных вилл,-- сдавал те в аренду.

Только аренда с одной виллы окупала всех налогоплательщиков Вагита Буртулидзе, и еще оставались деньги кутить и жить в удовольствие. А таких вилл у Буртулидзе было по отдельным исследованиям от десяти до пятнадцати (ходили слухи что вообще - более двадцати, а то и двадцати пяти). Но это было неважно. В политику Буртулидзе не лез. С властью делился и полностью разделял ее легитимность. Поэтому в России начала нового тысячелетия он мог жить вполне спокойно. Являясь помимо этого еще и гражданином Австрии (на всякий случай), то есть при случае мог вообще уехать за границу, прикрывшись гражданством другой страны.

Но об этом Вагит Буртулидзе не думал. Зачем? У него все шло хорошо. И самое главное - по несколько раз на день он удовлетворял свою страсть. У Буртулидзе всегда была сильная потенция. В восемнадцать лет он мог кончить десять раз в течении часа, или пять-шесть раз подряд. Главное чтобы женщина попалась страстная, и...

В женщинах Вагит Буртулидзе искал жертвенность. Пассивность. Чтобы партнершу можно было бить и унижать, чтобы она ползала в ногах, чтобы плакала и умоляла о пощаде, а он ее догонял и насиловал. Грубо, быстро, сильно, и во все места. Даже от мысли об этом Буртулидзе уже возбуждался. И тут же вызывал одну из своих девушек, которая, подходя, опускалась перед ним, извлекала, вбирала, смаковала, вытирала губы, и уходила, улыбаясь и кланяясь. А Буртулидзе, сняв напряжение, размышлял дальше.

Вагит Георгиевич вспомнил, что когда-то ему понравился Гоголевский Манилов. Почему именно Манилов - сказать Буртулидзе не мог. Ведь если ссудить по жизни самого Буртулидзе, ему намного должен быть близок... ну например, такая смесь из Собакевича, Ноздрева, и... Чичикова. Да, верно, практицизм Собакевича сочетался в Буртулидзе с возможностью найти выход из любых ситуаций Чичикова, и все это сдабривался залихватским задором и бесстрашием Ноздрева. Ну и, наверное, действительно, если добавить сюда еще мечтательность Манилова, то мы получим портрет Вагита Буртулидзе.

Портрет внутренний. Внешне Буртулидзе скорее походил на американского ковбоя Мальборо: был поджар и уверен в себе; взгляд, в зависимости от ситуации, имел или пронизывающий насквозь, или же "все понимающий"; улыбался красиво, даже очень; был сильный (каждый день час-два проводил в спортивном зале - штанга, тренажеры, груша с боксерским мешком, спарринг партнеры), в общем - жил Вагит Георгиевич Буртулидзе в свое удовольствие. Наслаждаясь жизнью, хотя и жизнь его шла на износ. И все чем подпитывалась - душевной составляющей,

---

потому как каждый день у него было исключительно отличное настроение. Девочки всегда доставляли ему радость. И он никогда не жалел денег, чтобы доставить радость другому. Потому что знал, что такой человек в трудную минуту ему всегда поможет. Даже если пока не было трудных минут (да и тех могло уже не случиться), Буртулидзе умножал своими добрыми делами число своих товарищей и друзей. Кому-то помогал в приобретении жилья, кого-то помогал устроить в институт, кому-то решал другие вопросы, которые были или в его компетенции или в компетенции его знакомых, друзей и товарищей. В общем, можно было сказать, что Вагит Буртулидзе был исключительно положительный человек. Ну а то, что была у него тайная страсть... Так наверное хуже, если бы ее не было. Ведь, как говорил известный баснописец, по мне хоть пей да дело разумеи. Тем более что Буртулидзе не пил. Но вот с девушками отрывался на полную катушку.

И видимо уже как раз это давало ему дополнительные силы в жизненной борьбе.

И одерживал он в этой борьбе всегда только победу.

Сергей Зелинский

12 авг. 07 г.

рассказ

Жизнь в радость

Насколько он, конечно, мог быть уверен в словах. В своих словах. Причем, сказанным только что.

Вроде как конкретный вопрос неожиданно привел Олега Дмитриевича в некоторый тупик. Он вроде как и верил в то, о чем говорил недавно. Да вот теперь - отчего-то стал сомневаться.

--Сомневаться не надо,--доброжелательно произнес доцент Чепурной.--Главное, чтобы вы были уверены в том, что все это действительно так. Согласны?

Олег Дмитриевич замешкался. Он вдруг поймал себя на мысли, что на самом деле не знает, уверен ли он? Вроде как уверен. Но ведь могло выйти, что и не так. И тогда...

.....

Олег Шмелев уже вышел из аудитории (где он только что сдал очередной экзамен, входящий в кандидатский минимум), а вопрос по-прежнему, все тем же пронзившим его невольным сомнением, жег грудь. Хотелось выпить воды. Ледяной.

--Лучше взять минералку,--решил Олег, направляясь в бар, находящийся неподалеку от учебного заведения.

В баре минералки не было. Зато был коньяк и хорошее вино.

Олег взял кофе с коньяком, и уютно усевшись за столиком, задумался.

По всему выходило, что те сомнения, от которых он уже думал что избавился - вновь захватывали его. И пока вроде как не было от них беды (а вред на начальном этапе еще был незаметен), но Олег отдавал себе отчет, что это был только начальный этап. А значит то, что могло случиться с ним позже, может привести к не очень желательным последствиям.

От последних последствий, помнится, Олег избавлялся год. И то, в итоге ему пришлось сменить место работы (раньше Олег работал преподавателем географии в школе - теперь поступил в аспирантуру и стал подрабатывать ночным сторожем), потерять семью (жена ушла, гордо хлопнув дверью, и обозвав его неудачником), отношения некоторых знакомых (ряд бывших знакомых стал вдруг от него прятаться), да и вообще наверное - многое поменять в жизни. Если не все.

С тех пор прошел год. Олег за этот год пересмотрел жизненные ценности, и был уверен, что ничего подобного произошедшему, когда он неделю стоял перед воротами школы прося милостыню, не случится. Еще хорошо, что школу он тогда выбрал соседнюю. Где его никто не знал. И лишь только случайно проходивший мимо директор уже его школы, обратил внимание на удивительную схожесть нищего со своим худосочным и угловатым подчиненным.

--Это Вы?--удивленно спросил директор, внезапно растерявшись, и не зная как реагировать.

--Я...--обескуражено произнес Олег Дмитриевич.

Потом последовал серьезный разговор в кабинете директора. И увольнение. За действия, порочащее имя учителя.

Правда, в трудовую директор ничего не написал. Пожалел.

--Действительно неудачник,--вспомнил Шмелев слова жены, которые сейчас оказались невероятно схожими как со словами директора, так и с собственными мыслями Олега. Он ведь и на самом деле был неудачник.

.....

--Это смотря с какой стороны повернуть,--задумчиво сказал доцент Чепурной (из памяти Олега все не выходил разговор с ним в аудитории, когда, быстро приняв ответ Олега, Чепурной неожиданно разговорился с ним о жизни).--Ведь так может случиться, что судьба наоборот - благосклонна к Вам.

--Благосклонна?..--не понимаяще повторил Олег.

--Вот-вот,--для надежности еще и кивнул доцент Чепурной.--Жена ушла - так значит она своим уходом решила сподвигнуть вас на какие-то жизненные свершения. С работы уволили - так значит судьба решила, чтобы Вы повысили квалификацию. Защитили кандидатскую. Что еще у Вас произошло?--Чепурной с любопытством уставился на аспиранта, будучи готовым тут же на месте разрешить любую его трудность.

И Олег понял это. И действительно почувствовал силу, мощь, и трезвость мысли доцента. Почему же он тогда не ответил Чепурнову, на вопрос, что он об этом думает? Ведь он действительно прав,--понял сейчас Олег.

По сути, все в его жизни было так. Сумбурно и неправильно. А иной раз - и до смешного нелепо. Он стремился к каким-то целям. Даже, иной раз, достигал те.

А потом все в одночасье рушилось. И приходилось начинать или сначала, или заходить с другого края.

Ну а фактически -- стоять на месте. Потому как периодически Олег ведь возвращался к некогда уже завоеванным позициям.

Олег вспомнил слова Чепурнова. Выходило, все же прав был доцент. Ошибался Олежек Дмитриевич (как ласково называл его уже немолодой доцент Чепурнов, Станислав Аркадиевич). Не с той плоскости смотрел он на поступки и ситуации в своей жизни. Не так. Все на самом деле было хорошо, правильно, и закономерно. А он же видел только негатив. Тогда как через отрицание ведь совсем не всегда можно придти к истине,-- вспомнил Олег слова Чепурнова на одной из лекций. И в разговоре с ним Станислав Аркадиевич тоже высказал схожие соображения. Причем выходило так, что Олег Шмелев просто проводил неправильное тестирование реальности. И в итоге выходил у него неверный отчет. Ошибочный. Необходимо было пересматривать всю методологию исследования,--сказал тогда Чепурной.--Иначе вы молодой человек (Олегу было двадцать семь) наворотите бед. Сломаете жизнь себе, и здорово испортите ее остальным. Окружающим,--уточнил Чепурной, видя несколько озадаченное лицо Олега.

А Олег тогда и действительно растерялся. Он уже начал все понимать. Понимать всю ошибочность собственных размышлений.

А сейчас, сидя в баре и уже допив кофе и коньяк (и докуривая сигарету, собираясь после уходить) понял, что ему необходимо делать. Причем уже практически не надо было что-то пересматривать. Все было хорошо и правильно. Имена такая должна теперь быть у него установка. И тогда жизнь станет в радость.

С этими словами Олег Дмитриевич Шмелев и вышел из темного мрака полуподвального помещения, где располагалось

кафе, на свежий апрельский воздух. Термометр показывал восемнадцать градусов тепла. Светило солнце. Вокруг стайкой прошли стройные и улыбающиеся девушки-студентки с укорачивающимися к лету юбками. Олег тоже улыбнулся.

--Жизнь в радость?--на всякий случай переспросил он себя.

--В радость,--ответил, и улыбнулся.

Жизнь была действительно в радость. И незачем было это скрывать,--подумал Олег, и пошел, улыбаясь прохожим и окружающему миру.

Сергей Зелинский

23 июль 2007 год.

рассказ

Друзья

Он мечтал о такой женщине, с которой получилось бы у него сразу. Ну, или вернее - у него и так получалось. Но вот хотел он все же найти такую, которая готова была бы всегда. Что-то на вроде животного в женском обличье. Да еще смирную и покорную. Чтобы считала его хозяином. И полностью доверила бы ему свою жизнь. Без каких-то там выкидонов...

--Ты сошел с ума,--честно признался Вадик у его друга, Олег.

--Почему?--настороженно спросил Вадик, про себя уже жалея, что доверил другу мечту.

--Да потому что таких женщин в принципе не существует,--сказал Олег.--А если они и есть - через какое-то время тебе с ней станет неинтересно.

--Ты так думаешь?--Вадик заинтересованно посмотрел на друга.

--Ну конечно же,--убежденно заверил его Олег.--Посуди сам...

И в течении небольшого времени Олег достаточно убедительно обосновал свою теорию. По ней выходило, что если предусматривать, что каждый человек через какой-то временной период переходит на следующий этап развития, то согласно желанию Вадика, должно быть так, чтобы его возможная спутница (Олег допустил, что такую девушку или женщину со временем его друг все же найдет) осталась на прежнем этапе развития. А значит,--она уже будет ему неинтересна.

--Да почему же неинтересна!--взорвался Вадик, и был искренен в своем непонимании.

--Ну как же?--недоуменно посмотрел на него Олег.--Ведь вполне можно допустить, что со временем у тебя изменится мировоззрение (Вадик согласно кивнул; ему хотелось чтобы у него изменилось мировоззрение; Олег отметил про себя согласие друга), и все, что ты придерживался раньше - станет тебе попросту неинтересно.

Олег внимательно посмотрел на друга, ожидая какой-то его реакции. На удивление, лицо Вадика оставалось безучастным.

--Ты не понимаешь меня?--участливо переспросил Олег, будучи готовым вновь и вновь доказывать свою истину. Они только начали пить коньяк, и, судя по всему, разговор впереди обещал быть долгим.

--А знаешь что?--посмотрел на Олега Вадик (Олег отметил, что у друга как-то по особенному заблестели глаза).

--Что?--спросил Олег.

--Мне кажется ты в чем-то прав,--признался Вадик.

Олег посмотрел на друга несколько недоуменно. Ему не очень хотелось, чтобы спор между ними заканчивался столь быстро. Видимо он рассчитывал привести еще какие-либо, может даже, более убедительные доводы. Ну или просто поспорить. А вот так чтобы сразу его друг брал и сдавался...

--Хотя бы потому,--продолжил Вадик,--что я ведь всю жизнь ищу такую женщину. А, ты знаешь меня, если я что-то решил - всегда добиваюсь. (Олег согласно кивнул. Когда-то Вадик решил стать крупным чиновником. Недавно он получил выгодное назначение в систему аппарата городской власти.) И, получается, если я до сих пор не встретил такую женщину...

--Значит тебе это просто не надо,--Олег закончил за друга фразу.

--В том то и дело,--с сожалением кивнул Вадик.--Значит мне это не надо...

--А может надо?--в надежде переспросил Олег. Ему не хотелось, чтобы у его друга исчезала мечта. Ведь любая мечта по-своему мобилизует. Даже -- стимулирует. Заставляет преодолевать рутину жизни, достигая каких-то результатов, которые после - попросту проецируются и на жизнь. На все то (и подспудно на тех), с кем такому человеку предстоит общаться.

Вадик (Вадим Альбертович Путилин) молчал. Видимо он тоже думал о чем-то таком. А может по-своему и жалел, что все так. Или вообще, думал уже о чем-то другом. Переживая, что втянул друга в разговор, который самому Вадиму уже стал безразличен. Или не безразличен? Вадим попытался

структурировать мысли. Ему показалось, что он практически недалеко от какой-то истины. Причем то, что мысль эта была ему желанна (и даже допуская, что он долго к ней шел) Вадим не сомневался. Наверняка где-то все было именно так.

--Послушай,--внимательно посмотрел он на друга.--А ты не хочешь, пойти ко мне в команду?

--Ты же знаешь,--вздыхнул Олег.

Олег знал, что после недавнего назначения дальнейшие амбиции Вадима простирались вокруг выборов в местное законодательное собрание. Думал он и о Москве (Питер Вадиму с недавних пор стал тесен). И Вадим уже предлагал Олегу перейти работать к нему (по профессии Олег был политехнолог). Но Олег отчего-то всегда отказывался. Отчего?

--Ну почему же ты не хочешь?--видимо сейчас Вадим решил вновь выяснить для себя причины отказа. Бессознательно надеясь - друга переубедить.

--Я же тебе уже говорил,--грустно посмотрел на него Олег. В душе Олегу самому было неудобно, что приходилось отказывать. Но...

Нет, даже не то, что он не верил, что Вадим сможет быть избранным ("по крайней мере, это записано в конституции",-- шутил он) в думу. Просто Олег не хотел, чтобы между ним и его давнишним другом (сейчас им было по тридцать пять. Знали они друг друга с детского сада) становилась работа. Работа, а значит те отношения, которые предполагали подчинение одного, и власть другого. По натуре своей Олег готов был подчиняться. Но он мог (и внутренне желал) подчиняться незнакомому человеку. Чтобы при случае (подобное периодически случалось) он мог послать

такого человека куда подальше, и гордо уйти. Долго подчиняться он не мог. Никому. А подчиняться другу -- не хотел. Точнее, он и так бы мог ему подчиняться, если было касалось обычной жизни. Но когда в эту жизнь замешивались товарно-денежные отношения, в этом случае дружба грозила быстро закончиться. Да и какая может быть дружба, когда один начинал зависеть от того, сколько ему заплатит другой.

--А ты знаешь,--улыбнулся Вадим.--А пожалуй, ты где-то и прав.

--Прав?--недоуменно переспросил Олег (он всегда подозрительно относился к любым перепадам настроения, или перепадам вообще чего бы то ни было).

--Прав,--уже всю улыбался Вадим.--Ведь жизнь и так достаточно сложно устроена, чтобы мы начали еще запутывать сами себя (Олегу показалось, что Вадим посмотрел на него с какой-то надеждой, явно ища его одобрения).

--Верно,--Олег протянул другу руку.--Полностью с тобой согласен,--одобрительно кивнул он, тоже улыбаясь.

--Ну вот и славненько,--рассмеялся Вадик. Ему действительно сейчас не хотелось обсуждать каких-то глобальных тем и масштабных проектов. Ведь, по сути, собрались они просто, чтобы отдохнуть.

--Пьем?--посмотрел на друга Олег, приподнимая бутылку, и желая наполнить рюмку.

--Пьем,--одобрительно кивнул Вадим.

А через время они продолжили разговор. Но тем, затронутых вначале его - уже не касались. Зачем? Ведь и так было о чем поговорить...

И только у Олега вертелась странная мысль, что его друг все больше как-то отдаляется от него. Быть может даже уже и не до конца его понимает. Как говорится, не сейчас. А вообще. В общем, так сказать масштабе. Словно бы они уже и начинают говорить на разных языках. Причем с каждым удовлетворением Вадимом своих властных амбиций - расстояние между ними увеличивается. И хотя пока о разрыве между ними было говорить еще слишком рано, но Олег уже знал, что это когда-то произойдет.

И от всего этого ему сейчас становилось грустно. Но он пил и шутил, стараясь заглушить грусть коньяком и смехом. И подольше насладиться общением с другом. Другом, которого уже знал, что теряет...

Сергей Зелинский

11.07.07 г.

рассказ

Мистика, да и только

А ведь он на самом деле мог подумать, что способен так-то уж изменить судьбу.

Нет, подобное, конечно же, было возможно. Единственно что - Павлу Павловичу Кулику всегда хотелось все каким-то образом упорядочить. Этого порядка даже могло не быть. Все могло происходить более чем призрачно, и как мечтал Венечка Ерофеев - неправильно.

Но вот считал Павел Павлович, что все на самом деле возможно было повернуть назад. Чтобы вышло даже как-то скособочено. Но такой расклад был бы его. Ему вообще всегда хотелось, чтобы окружающий мир был не такой, как у других.

Законных путей изменить природу не было (по крайней мере, у него), а поэтому Павел Павлович попросту стремился изобрести некий коррелят, некую условно допустимую норму. Чтобы повернуть восприятие мира в сторону, необходимую ему.

Кто-то говорил, что он ненормален. Кое-кто ссылался на знания о том, что все, что происходит вокруг Павла Павловича - выверено и санкционировано какими-то высшими силами. Что означало, что вмешиваться в его судьбу как минимум не стоило. Находились те, кто вообще считал, что Павла Павловича не существует. А все, кто якобы с ним общались - находились под воздействием неких иррациональных сил, и попросту заблуждались, вводя себя в обман. И принимая за Павла Павловича - себя же.

Дмитрию Мавину было неловко на это смотреть, и подобное слушать. Мавин знал тридцатичетырехлетнего Павла с детства. И хорошо помнил, что как раз в детстве Павел еще был нормален.

Хотя ему и возражал Игорь Римов, уверявший, что как раз в детстве у Павла Кулика первый раз и проявились все его нынешние чудачества. Игорь Римов тоже знал Павла Кулика с детства. И искренне верил в свои слова. А ему верил Коля Кубин. Кубин был спортсмен-тяжелоатлет. Сейчас он учился на инженерно-строительном факультете вуза. И предпочитал ко всему подходить с практицизмом. Однако в деле Кулика допускал, что замешана мистика. Он так и сказал: "здесь замешана мистика". А Дмитрий Мавин тогда рассмеялся. Но Кубин не обиделся. Хотя и собирался (для порядка) заехать Мавину в лицо кулаком. Да удержал его от столь необдуманного шага Римов. Римов вообще

стремился любые конфликты разрешить по мирному. И предложил еще раз собраться всем вместе и все взвесить. А пока разойтись и поднакопить факты.

Расходиться воспротивился Гаур Чанов. Гаур считался товарищем Кулика. И по его словам,-- знал о Павле Кулике больше остальных. Пусть он не помнил того с детства, но сейчас они были соседями по даче. И проводили вместе достаточно времени (особенно в летний сезон - пока была осень), чтобы считаться как минимум товарищами. Хотя и вполне возможно, что кто-то из них считал другого даже другом.

Гаур Чанов предложил если и разойтись, то с условием оставить Павла Павловича Кулика в покое. И найти кого-то другого для обсуждений.

--Но ведь все другие более-менее нормальные,--возразил Чанову Игорь Римов.

--Да и к тому же нам интересно соприкосновение с мистикой,--вторил ему Коля Кубин.

Чанов внимательно посмотрел на обоих. На Кубине задержал взгляд дольше обычного, подумав, что от стойкого практика не ожидал стремления к мистике.

Кубин видимо понял, о чем подумал Чанов. Но разубеждать того не стал. На самом деле Коля Кубин тайно увлекался алхимией и астрологией. Ни там, ни там он пока ничего не понимал, но верил, что скоро все изменится. Причем тайно надеялся (тайно - потому что никому об этом не говорил), что в этом ему как раз поможет Павел Кулик. Поэтому Чанов и просто обязан был сейчас защищать склонность Кулика к мистицизму. В обратном случае (как и в случае доказательства кем-нибудь

обратного) у Чанова разрушится последняя надежда постичь столь тайные науки. Ведь больше он никому не доверил бы свое желание научиться им. И даже о любопытстве к этому нельзя было говорить. Чанов знал, что все его ассоциируют с жестким практиком. И для конспирации хотел таковым и оставаться.

Однако подобное совсем не нравилось Дмитрию Мавину. Но он не считал сейчас возможным в чем-то разубеждать товарищей. Зачем?-подумал он, и поддержал Гаура Чанова в его желании разойтись.

--Послушайте,--обратился к присутствующим Игорь Римов. И дождавшись пока все посмотрели на него, оставив свои мысли, Римов прочел небольшую лекцию о роли мистики в жизни индивида. По образованию Римов был философ. И хотя работал менеджером по продажам ("продавцом в общем",-- как признался сам), иногда его приглашали читать лекции в институт. Причем приглашал его Кулик. Кулик был замдекана факультета психологии одного из вузов Ленобласти. И уже отсюда все разговоры о какой-либо склонности того к мистике были весьма и весьма условны. В чем и признался Римов.

Все переглянулись. Как оказалось, они только сейчас узнали о месте работы Кулика.

--Так он ученый?-переспросил Чанов.

--Более чем,--убедительно кивнул Римов.-Как говорится,--до мозга костей.

--Так какого же мы тогда черта...--начал было Мавин (по его внешнему виду было заметно, что он весьма озадачен открывшимися обстоятельствами), но его перебил Гаур Чанов. Однако договорить Чанову не дал Кубин. Который предположил,

---

что именно Чанов, который сам сказал, что общается с Куликом больше других - знал, что к мистике тот отношения не имеет. Вид у Коли Кубина был суров. Картину его гнева дополняли сдвинутые брови и сжатые кулаки, что, учитывая коренастую и низкорослую фигуры Кубина, должно было производить должное впечатление на окружающих.

Однако здесь собрались друзья - товарищи. Поэтому Чанов дружески похлопал Кубина по плечу, предложив не слишком волноваться.

Казалось, от подобного панибратства Кубин вспыхнет еще больше. Но он неожиданно сдулся. И признался, что ему самому всегда нравилась мистика. Только он до сих пор не знал, как к ней подобраться. И надеялся, что в этом ему как раз поможет Павел Кулик.

--Так он тебе и поможет,--кивнул, улыбаясь, Гаур Чанов.

--Верно, поможет,--согласился Римов.-Да и я, если надо, могу прочесть небольшую вводную лекцию в предмет,--посмотрел он на тот час же отчего-то засмущавшегося Колю Кубина.

--Ну так что?-оглядел присутствующих Дмитрий Мавин.- Вопрос более-менее закрыт?

--Ну, разве что более-менее,--пробурчал кто-то из троих, и друзья стали расходиться.

--А зачем мы собирались-то?-неожиданно спросил Гаур Чанов.

Никто ему ответить не мог. Все поспешили поскорей разойтись.

И только Гаур Чанов еще стоял, и смотрел вслед участникам недавнего совета.

--Мистика, да и только,--проговорил он, чему-то улыбнулся, и тоже пошел прочь. Заниматься своими делами и обязанностями. Которые наверняка у него были.

Сергей Зелинский

07.08.07 год.

рассказ

Праздник души

Смешно. Это все было, конечно же, смешно. Разве что Капризин не смеялся.

С недавних пор он смеялся только в исключительных случаях. Мог это себе позволить. И даже если и обижал тех, кто стремился развеселить его, на самом деле не обижал.

Подстраиваясь под них. И уже получается, навязывая им свое восприятие мира.

Об этом ему так и сказали. А он тогда только произнес, что принял информацию к размышлению. И не больше. На большее Капризин оказаться способен не хотел. Он просто не знал, чего хотел. Потому как можно было, конечно, предположить, что хотел он многого. Но это на самом деле было не так. И все, к чему Павел Андреевич стремился, не выходило за рамки какого-то обыденного восприятия действительности. Восприятия, свойственного, должно быть, многим людям. Так считал Павел Андреевич. Это предусматривалось само собой. Да и вообще, Павел Андреевич знал, что в жизни ему еще многое предстоит совершить, прежде чем он сумеет понять эту жизнь. И наметит какие-либо точки противостояния себя с жизнью. Это наверно будет немного позже. Хотя сейчас Капризину было тридцать два,

---

он знал, что это совсем не возраст. Все что с ним случится знаменательного - произойдет намного позже. Ну, что уж точно не сейчас. Пока было еще рано.

.....

В один из дней Капризин проснулся раньше обычного, и по каким-то только ему заметным признакам понял, что уже настал тот день, когда в его жизни произойдет знаменательное событие.

Конечно, он еще не знал, что оно из себя будет представлять. Но уже наверняка по его телу разливалась радость в предвкушении наступления этого знаменательного события. И подобного Павлу Андреевичу пока было достаточно. По крайней мере, он теперь мог еще подождать. И даже был готов к тому, что само событие так скоро может и не наступить. Ну, то есть, что сегодня оно может не наступить. А если наступит...

Ну, если наступит, - так он готов. И даже сможет, если потребуется, как-то это событие приблизить. Потому что, признаться, уж очень хотел Павел Андреевич Капризин наступления этого события. Ведь это могло означать, что в душе его начнется праздник. А если праздник,-- то после этого праздника все будет прекрасно. По крайней мере, что уж точно - во время него.

Да и вообще Капризин ожидал чего-нибудь поистине замечательного. Быть может даже слишком замечательного, чтобы это на самом деле произошло.

День подходил к концу. Павел Капризин решил ждать до полуночи, а потом ложиться спать. Или, что вернее - напиться. С горя? Ну, скорее не с горя (ведь в какой-то мере, того что ничто не

произойдет сегодня, вполне можно было ожидать). И тогда уже напиться - потому что напиться. Алкоголь должен был на время изменить сознание Капризина. Позволив ему пообщаться с собой же, но как бы находящимся в другом измерении. В мире, где царили порядок и гармония, созданные исключительно заслугами Павел Андреевича. И там никто не собирался приумолять эти заслуги. Потому что в ином случае...

Ну, в общем, в ином случае было бы неправильно. Да и иного случая в том мире не существовало. И там была исключительная радость. Радость, которой сразу переполнялся Павел Андреевич, как только оказывался в этом мире. А оказывался он там в последнее время часто. И - не хотел возвращаться обратно.

Это был действительно прекрасный мир. Мир его юности. Хотя, по большому счету, одно из преимуществ этого мира - он не имел возраста. В любом возрасте, попадая туда, вы чувствовали радость и избавление от тревог и сомнений. Все ваши поступки становились правильными и интересными для окружающих. Ничто и никто не противиться вам, и такого понятия как одобрение или неодобрение там попросту не существовало. Потому что не существовала вообще какая-либо альтернатива. Все только со знаком плюс. Все приносит исключительную радость. Все становится прекрасным, и преобразуется самым удивительнейшим образом.

И никто не в силах создать подобное. Этот праздник души. Потому что если кто намеренно попытаться создать что-то похожее, то уже изначально потерпит поражение. Изначально.

И с этим не надо было спорить. С подобным необходимо считаться. И выстраивать дальнейшие условия существования в жизни исключительно с учетом имеющихся данных.

А данные были более чем великолепны. И подтверждались исключительно реальным опытом. Чего-то надуманного не было. Опыт многих и многих поколений служил подтверждением того, что все будет и в дальнейшем прекрасно. Да так, в общем-то, и было. А какой-либо негатив должен был остаться позади. Потому что в этот мир грез и фантазий наяву могут впустить каждого, но обратно выпустить не всех. Кто-то ведь должен был и страдать, --рассудил Капризин, когда додумался до этого. Все наши размышления принадлежали исключительно Павлу Андреевичу. Он много в последнее время размышлял. О многом уже начинал догадываться. К еще большему подбирался в своих догадках. Да и вообще - все у него явно должно быть хорошо. Ведь он этого заслуживал. Ну а если человек заслуживает что-либо, так почему же этого не дать, --предположил Капризин, и понадеялся что скоро, совсем скоро произойдет в его жизни что-то по настоящему хорошее и замечательное. И он сможет...

Пока он боялся загадывать, что он сможет в этом случае. Понятно, что многое.

Но ведь у него и было многое. Была квартира, жена, дети (жена и дети уехали на юг), высокооплачиваемая работа (в банке, юристом), были живы все ближайшие родственники, и у них тоже все было в порядке. Да и вообще, если разобраться, можно было пока и вообще ничего не загадывать, --подумал Павел Андреевич, и вдруг он понял, что мог бы заказать у судьбы. Избавления от любых тревог и волнений! То есть - исключительного права

обладания душевным спокойствием. Что бы никогда,--Павел Андреевич даже привстал с кресла, куда присел после того как пропустил внутрь себя первую рюмочку коньяка для поддержания сил и стимулирования работы мозга, - чтобы никогда,--повторил он, озираясь по сторонам в поиске возможного собеседника (никого в квартире кроме Павла Капризина не было),--чтобы никогда, никогда, никогда - не было каких-либо душевных мук!--наконец-то выговорил Павел Андреевич, и повернулся вокруг себя, словно проверяя, действительно ли он один. Чтобы никогда не было душевных мук,--повторил Павел Андреевич теперь медленно и с каким-то акцентом на каждом слове, словно стремившись навсегда запомнить сказанное. И чтобы наступил вечный праздник, праздник души,--сказал он, и улыбнулся. Улыбка у него была красивая. Когда Павел Капризин улыбался - на него заглядывались девушки и тайно влюблялись женщины. Да и вообще ему надо было почаще улыбаться.

И он решил - что с этого дня будет улыбаться всегда. Потому что как раз с этого дня и должна была наступить вечная радость и праздник.

И улучшилось настроение у Павла Андреевича. И даже пустился он в припрыжку, поставив музыкальный диск, и став подпевать исполнителю.

Ну а то, что через время стали стучать соседи, требуя покоя, так это было уже неважно.

Павел Андреевич Капризин только что осознал, что ожидаемый им праздник наступил. И заключался он в осознании того, что теперь все будет в его жизни по другому. И это было самое главное.

Сергей Зелинский

12.08.07

рассказ

Тяга к искусству

Можно было предположить, что он сам себя загонял в ловушку. Ведь если посудить, все поступки, характеризующие его в последнее время уже, так или иначе, свидетельствовали именно об этом.

--Что может быть слаще,--казалось ему,--чем нахождение того, к чему наиболее предрасположен.

--Подходи, подходи,--говорил, усмехаясь, дьявол, видя как еще один из глупых человек насаживается на его крючок. Вступая на путь пьянства и разврата.

Яков не хотел всего этого. Все происходило словно бы вынужденно. Когда он, желая потворствовать какому-то внутреннему желанию, не заметил, как затянулся на его шее галстук порока. И он вроде как и еще оглянуться не успел, а уже оказался по пояс в трясине. И уже словно бы не зависимо от его какого-то желания - не желания, осознания - не осознания погружался все глубже.

--Спасите,--вскричал человек. Но из горла раздавалось лишь хлюпанье. Как словно бы птица била крыльями по воде.

--Сучий потрох,--выругался Илья и проснулся. Во сне он почему-то был Яковым. Но это пугало меньше, чем сам сон.

Причем, если бы только он мог вспомнить, какую сон имел предысторию. Не имел. Казалось Илье, что и не имели ничего общего картины сна, с происходящим наяву.

Наяву Илья был удачливым бизнесменом. Владельцем крупного пакета акций в золотодобывающей отрасли. Правда, основное предприятие находилось в Амурской области. И часто ездить туда Илья Семенкин не мог. Да и незачем было. Там работала достаточно слаженная команда, во главе которой стоял брат Ильи Семенкина - Сергей (у брата была равнозначная доля -- доли им подарил папа -- и брату нравилось контролировать процесс).

Илье подобное никогда не нравилось. Также как и вообще не нравилось заниматься чем-то, к чему душа не лежала.

Чем же он хотел заниматься?

Музыкой.

Илья Семенкин хотел заниматься музыкой.

Но проблемой было, что хотел он заниматься музыкой по-честному. А каких-либо природных способностей у него не было. В этом-то и была вся беда.

Брат Ильи Семенкина, прознав про его желание, попросил напеть какие-нибудь песни (выслав текст и музыку, записанную по типу караоке). Илья поначалу послал брата подалее (они были ровесники, обоим по двадцать семь), но как-то находясь в подпитии (когда Илья пил - он пребывал в особом состоянии, настоящем волшебстве духа), спел.

Потом прошло какое-то время, позвонил брат, сказав, чтобы Илья оказией передал записанный диск.

Илья передал (в Москве находилось что-то типа центрального офиса, поэтому происходила периодическая циркуляция сотрудников из Москвы в Амурскую область, прииск "Центральный", гордость предприятия, когда-то

приватизированного их отцом). А еще через какое-то время в эфире крупной радиостанции услышал песню в исполнении себя. Правда песня здорово отличалась от той, которая, как он помнил, была на диске (копия диска у Ильи сохранилась). Сейчас все было подчищено, вытянуто, отрежиссированно... Гладко, в общем.

Илья нашел только что услышанную песню на диске и включил. Его голос то догонял мелодию, то обгонял ее. Ритм был заметно сбит. Иногда создавалось впечатление что исполнитель вообще жил отдельной жизнью от музыки. В общем - лажа,--понял Илья, и позвонил брату.

--Ты что, не рад?--не понял брат, тяжело задышав в трубке (Илья помнил, что когда брат нервничал, он дышал).

--Рад,--успокоил он его, и повесил трубку.

Настроение оказалось испорчено.

--Неужели я полная бездарность,--угадывал Илья порывавшиеся вырваться в сознание мысли.--Неужели все так плохо,--на самом деле произнес он.

.....

Не прошло и года, как Илья уже сносно играл на нескольких музыкальных инструментах. Правда, для учителей, приходивших к нему, это было настоящим испытанием силы и духа (приходилось наступать на горло совести и пониманию искусства, как формы реализации природного дарования). Но они отработывали свой хлеб (платил Илья значительно больше, чем их другие ученики). И в душе закрывали глаза на хроническую неспособность молодого человека к музыке (сносно играл - это значит периодически попадал в ноты; в сравнении с начальным

результатом -- уже было что-то). А кое-кто из учителей и лелеял надежду, что когда-нибудь Илья сам скажет, что больше не надо приходить.

Иного способа отказаться от денег не было (правда, кто-то из мастеров гордо отказался, прослушав попытку игры Ильи. Но Семенкин тотчас же предложил такие деньги, что не согласиться было почти невозможно, и мастер видимо решил: "чем черт не шутит").

К сожалению, черт продолжал шутить. Выручало только то, что сам Илья был весьма скептически настроен к своим способностям. Этого он пока не говорил, но для себя Илья установил три года срока. За которые он должен будет или научиться играть, или действительно послать все к черту, как предложил ему брат, услышав как-то игру (брат, в отличие от Ильи, учился в музыкальной школе по классу баяна. Школу не закончил, но играть научился).

Еще большей проблемой было желание Ильи наконец-то запеть. Как ни странно, здесь он определял для себя больше шансов (хотя на самом деле шансы были равны - их вообще не было). И мучил уже других учителей (по вокалу), в надежде, что они все же сумеют поставить ему голос.

Как-то попался опытный преподаватель вокала, который научил Илью искусству попадать в ноты. Петь научить было невозможно, но подпевать Илья уже мог. К концу третьего года он умел играть на фортепьяно и подпевать себе.

Но Илья хотел большего. Он объявил крупную премию тому, кто сумеет из него сделать настоящего музыканта. Настоящего,--значит талантливого? --уточнил один из учителей,

---

промолчав о том, что талантом его подопечный как раз не обладает.

--Настоящего, значит настоящего,--стоял на своем Илья, которому скоро должно было исполниться тридцать лет, и который хотел на юбилей записать несколько песен в собственном исполнении.

--Настоящего так настоящего,--согласился учитель, увидев какую сумму премии нарисовал Илья на бумажке, которую держал на уровне глаз учителя.

--А может мне сыграть за вас,--хотел было спросить учитель, да вспомнив сумму премии решил промолчать. Илью вообще предпочитали не расстраивать. Когда-то он занимался боксом. И при случае мог...

Впрочем, вскоре выяснилось, что и занятия боксом для Ильи были весьма условны. Он вроде как и занимался им, но учитывая полнейшую непригодность к данному виду спорта, его результаты были минимальны. Хотя и можно было допустить, что если он разозлится -- сможет больно ударить. Весил Илья под центнер, и хотя был откровенно толст, какая-то сила у него наверняка была. Пусть и условная.

Подшел юбилей. Собрав гостей (в загородном коттедже собралось до полусотни гостей, Илья не любил слишком большие компании), и дождавшись пока те в меру выпьют, покушают, и натаңцуются - он взял микрофон, и объявил что приготовил сюрприз.

Компания замерла в ожидании.

Всех попросили занять свои места ("согласно купленным билетам",--пошутил тамада, приглашая гостей рассаживаться;

"дурак",--подумал про него Илья). Разнесли необходимые составляющие для прослушивания музыки (то есть еду и напитки). Илья Семенкин сел за фортепьяно (профессионально отбросив фалды фрака - получилось слишком театрально), проверил микрофон, и запел. Все поразились чистоте его голоса. Потом Илья еще и заиграл. Вместе с пением это произвело ошеломляющий эффект на всех присутствующих.

Ему потом еще долго аплодировали и просили спеть на бис. Он кланялся, уходил за импровизированную сцену, и выходил вновь. И снова пел и играл. И снова все хлопали и выкрикивали приветственные послания. Некоторые особо сентиментальные, и к тому времени уже порядком подпитые, дамы плакали слезами счастья. Все было хорошо и замечательно.

И наверное могло быть еще лучше, если бы все было по настоящему. А по настоящему... по настоящему играл учитель (который перед самым юбилеем все же решился озвучить свое предложения, от непроговаривания которого у него уже давно расстроился сон). А пел... пел сам Илья. Но его голос все же пришлось вытягивать на компьютере. Хотя и от самого Ильи требовалось немало: надо было должным образом выучить текст песен, чтобы попадать в ритм, беззвучно открывая рот тогда, когда это требовалось.

Впрочем, даже если бы он где-то и ошибся (на удивление - он не ошибся), никто из собравшихся подобного бы не заметил. Слишком много выпито. Да и обнаружение истины не соответствовало моменту. Ведь все пришли чествовать именинника. И были настроены соответствующе. Ну, разве что, за исключением жены одного из приглашенных, как говорили, когда-

---

то неплохой пианистки, все время порывавшейся о чем-то сказать собравшимся. Но она была столь пьяна и еще раньше всем запомнилась своим вызывающим поведением (ее муж был заместитель министра в правительстве столицы), что на нее никто не обратил внимание.

И можно было со всей ответственностью заявлять, что праздник состоялся.

Правда, на душе Ильи поначалу было не совсем спокойно. Но несмолкаемый рев оваций в его честь (совпавший с салютом) не только успокоил молодого человека, но и заставил поверить, что он действительно заслужил все это. Ну а почему нет? Ведь юбилей!

Сергей Зелинский

06.08.07 год.

рассказ

Проблема

Он бы мог, конечно, сказать, что у него ничего не получилось.

Но, быть может, и не мог. Даже большей частью действительно не мог.

И не потому, что был такой уж честный. Конечно же, нет. Все было намного глубже. Да и реальнее. А вымысел какой-то если и предусматривался, то ни в коем случае не заходил на первый план. Да и многое на самом деле было попросту деталями. А сам план по всем критериям грозил вырасти во что-то по особенному крупное и значимое.

Со стороны казалось, что это была игра. Быть может и на самом деле игра. Но - игра по правилам. Вопрос только в том, что правила эти должен был устанавливать он. По всем позициям он имел к этому полное право. Потому как... Да сложно все это было. Сложно и нереально. Недопустимо.

Евгению Гандину улыбнулась судьба. И улыбнулась она возможностью добиться в жизни тех свершений, которые он хотел. Собирался сделать. Достигнуть, в общем.

Но как-то так случилось, что через время Женя Гандин вдруг понял, что делать то ничего ему и не надо. И это показалось необычайно странно Гандину, и в душе его от этого сделалось очень даже загадочно. А все дело в том, что он забыл, что он должен сделать. И что это за свершения. А те свершения, которые он вспоминал, по сути, ни к чему не вели. Не могли привести. Были пустыми, попросту.

Почему? Он не помнил главного. А без этого главного все другое было попросту бесполезно.

Такое случалось с Гандиным. Он и раньше не мог знать все. Чувствовал от этого некоторый дискомфорт. Но со временем легкое беспокойство, вызванное неопределенностью, проходило. И Евгений фактически был готов к новым свершениям. Даже, вроде как, загадывал их. А потом все рушилось, возвращаясь назад. После чего приходилось начинать сначала.

Подобное произошло и на этот раз. Женя чувствовал, что он на пороге чего-то нового и знаменательного. Но, по сути, уже знал, что это была пустота. И впереди ничего не было. Разве что...

Женя по-новому попытался собраться.

Не получалось.

Тогда он решил было забыть все,--но не получалось тоже. И что ему было делать? Вновь выдумывать проблему, чтобы, не проработав ее должным образом, забыть? Нет. Так было делать нельзя. От этого, как знал Гандин (подобные знания пришли к нему с опытом), проблема не исчезает, а только заглушается, забиваясь куда-то вглубь. После чего необходимо было все начинать сначала.

Жене было всего двадцать три. Возраст, вполне располагающий для свершений и каких-то открытий. Можно было сказать, что к этим открытиям Евгений все время стремился.

Не получалось. И ведь действительно не получалось. Ну, тогда, быть может, это было только пока? Может. Но с учетом того, что начал Гандин заниматься подобным уже несколько лет назад, и до сих пор ни к чему толковому не пришел, получалось, что все, чем он занимался - было откровенным безобразием. С отрицательным результатом. Виной, которому...

Сложно сказать. Быть может причины были в самом Гандине? Может и так. Сейчас, анализируя свое очередное поражение, Гандин мог согласиться с чем угодно. Тяжело ему было. Понимал он, что ни к чему толковому не могли привести эти размышления. И даже делание добиться какой-то победы, по сути, становилось сродни абсурду. В чем добиваться победы, если он не знал, чего хочет добиться. Забыл. Помнил, что еще недавно в его мозгу родилось нечто занимательное, и все. Как отрезало. Пустота.

.....

Самвел Петросян мучился надвигающимся на него безумием. Он уже перепробовал различные варианты. Ничего не

приводило к достижению победы. Казалось условным и незначимым.

--И что ему было делать?--размышлял Петросян. Отчего-то догадываясь, что выхода особого нет. Существовали какие-то пути, конечно. Но они ни к чему толковому, знал Петросян, привести не могли. Не были способны. И, прежде всего, не был способен он сам. Вот ведь как бывает...

.....

Алик Безмернов купил очередную бутылку водки, выпил, и решил, что должен бросить пить. И бросил. До следующего приема алкоголесодержащих напитков. Которыми на этот раз были коньяк и виски. Алик все хотел решить для себя, что лучше - коньяк или виски.

Но ему нравилось и одно и другое. И ведь это тоже была проблема?..

Что роднило этих трех людей?

А ничего.

Но они случайно встретились, и подружились. И даже нашли нечто общее, что оказалось необходимым всем трем.

Что это было? Ну, здесь, как ни странно, все просто. Сошлись все трое - на желании разгадать какую-то тайну, загадку.

И ничего страшного, что подобная загадка у каждого была своя. Это уже и действительно не имело значения. Потому как все трое не только удивительным образом сблизились, найдя точки соприкосновения, но и поняли, что проблем у них больше не существует. Хотя бы потому, что любую проблему можно было разрешить. Любую. Вместе. Сообща.

И как только поняли это Женя, Самвел, и Алик, то уже решили, что обязаны с этих пор идти по жизни вместе. К новым, как говорится, свершениям. Не отдаваясь на проблематику, присутствующую в душе каждого в отдельности. Ведь когда они находились вместе, проблем не существовало. А значит, они и должны были находиться вместе. Ну а почему нет?--решили все трое, и скрепили свой союз обещанием все проблемы решать сообща.

И только Евгений Гандин на самом деле не до конца проникся общей радостью. Но вида не показал. Рассудив, что если что - со своими проблемами как-нибудь справится и сам.

И это было начало конца. Потому что примерно также рассудили и другие. И можно было бы и вообще сказать об эфемерности сообщества, созданного всеми тремя.

Но могло так случиться, что они все же ошибались в личных возможностях разрешения проблем души. И если прошло столько времени (а у каждого был свой срок мучений), то уже наверное стоило согласиться, что проблемы их не решались. Не то, что были неразрешимы. А просто не решались в одиночестве каждым из них. И тогда уже им необходимо было быть вместе?

Ну, может быть и так. Сейчас ведь они и так были вместе. А будущее, как говорится, покажет.

Сергей Зелинский

28.07.07 г.

рассказ

Принц

Конечно, он всегда мечтал о чем-то настоящем. Не против был даже совершить подвиг. Но вот разве мог он предположить, что все, что с ним случится в ближайшее время - будет настолько удивительным, что навсегда перестанут возникать у Ильи Голощекина какие-либо тревоги да сомнения. А все другие дела упорядочат свой бег. Причем произойдет это столь внезапно, что трудно будет говорить... Да уже и не нужно будет что-либо говорить. Останется только смотреть и слушать.

Все обстояло таким образом, что Илье Голощекин пришлось как-то сделать выбор в пользу... Ну в общем, выбор можно сказать так себе, пустяк да и только (как думал сам Илья).

Но оказалось, что все это на самом деле имело наиважнейшее значение. Да еще и оказалось, что по даруемым в результате всего благам - ничего подобного раньше у Ильи не было, и быть не могло.

.....

Несколько месяцев назад Илье исполнилось девятнадцать лет. Перед ним были перспективы найти достойное место в жизни. Причем, как знал Илья, найти еще было не так иной раз важно, как не потерять. Потому что оказываемое доверие может быть один раз. Потом тоже, конечно, может, но уже с натяжкой.

Илье такой шанс представился. Что он должен был делать? Ничего. Ровным счетом ничего, не считая того, что перед Ильей открывались некоторые перспективы. Воспользуйся он которыми, и жизнь его действительно могла пойти и стать достойной намного лучшей доли, чем была сейчас у него.

Илья недавно устроился на работу официантом. В ночной клуб. Внешне молодой человек всегда был симпатичен, поэтому довольно скоро одна из подвыпивших дам бальзаковского возраста предложила Илье перейти к ней на работу.

--Кем?-- попытался было задать вопрос Илья, и получил легкий шлепок по губам.

--Ты будешь моим секретарем,--проворковала женщина, томно вздохнув и чуть закатив глаза (или наоборот, сначала закатив глаза, потом вздохнув).

Как только женщина подняла вверх глаза, Илья скользнул взглядом по ее внушительной груди. И подумал, что при необходимости готов и на большее (если женщина захочет).

А в том, что она захочет, уже можно было не сомневаться, потому как ладошка женщины обвела полукругом место, где под брюками скрывался его пенис (пенис готов был вскочить, но пока сдерживался плавками, которые Илья специально надевал на работу, зная что он всякое может увидеть, а излишне демонстрировать свои выпирающие части тела будет не совсем корректным). Сейчас Илья еще раз поблагодарил себя, потому что это позволило ему сохранить беспристрастным лицом, и полуофициальным голосом сказать женщине, что готов с ней встретиться завтра и обо всем переговорить.

--Зачем завтра?--не поняла женщина.--Поехали со мной,--неожиданно трезво произнесла она.

Илья, было, смутился, да тут же понял, что это была всего лишь вспышка трезвости, а на самом деле женщина была пьяна, и словно в подтверждение - тут же сникла, о чуть ли не расплзлась по Илье, подхватившем ее телеса.

--Ну что Вы, ну зачем вы...--было пытался произнести он, замечая что рука женщины шаловливо пытается влезть к нему в штаны.--Право, не надо...--пытался высвободиться Илья, жалея что уже присел за столик к женщине, и озираясь по сторонам, как бы не увидел администратор.

Администратор в это время зашел на кухню, выпить очередную стопочку водки. Поэтому Илью никто не хватился, а через время ему все-таки удалось высвободиться из объятий мадам, и он тоже зашел на кухню, получить очередной заказ, который должны были приготовить повара.

--Что, пристают?--проявил поразительную осведомленность администратор.

--Угу,--как можно безучастнее кивнул Илья, внутренне содрогнувшись.

--Ничего-ничего, пообвыкнешь,--улыбнулся администратор, намекая на то, что Илья только недавно заступил на работу, и все, что с ним сейчас происходит - для заведения привычное дело.--Это родственница жены хозяина,--пояснил администратор.--Она еще не такое тут вытворяет. Но приказ от шефа - по возможности во всем ей подчиняться. Иначе ведь можно и вылететь...--пояснил администратор.

--Угу,--все также безучастно кивнул Илья, про себя решив, что сам разберется, что и как ему делать.

--Ну смотри,--все понял мужчина средних лет, работавший в должности администратора.--Мое дело предупредить.

Илья взял заказы, и пошел разносить.

Как и следовало ожидать, дама о нем забыла.

На следующий день Илья был выходной. Проснувшись днем, он подумал, что вполне может себе позволить просто поваляться в постели, почитать там книгу, посмотреть теле, да и вообще - отдохнуть.

Зазвонил телефон. Дав ему прозвонить определенное количество раз, и убедившись, что тот не смолкает, Илья недовольно натянул плавки (спал он обнаженным) и пошел в прихожую, с намерением снять трубку. Оказалось, звонили не по телефону, а в дверь.

Голощекин прильнул к глазку. На пороге стояла вчерашняя дама. Увидев, что глазок закрылся тенью, она показала рукой, мол, открывай-открывай.

Илья подчинился приказу.

--Я к тебе,--сказала дама с таким видом, как будто они только что расстались.

Голощекин отступил в коридор, пропуская женщину.

--Где у тебя душ?--спросила Вера Геннадиевна (Илья вспомнил, что так она представилась в клубе), наклоняясь и разувая туфли на каблуках.

Илья показал рукой месторасположение ванной комнаты, не в силах пока произнести ни слова.

--Че молчишь-то?--мимоходом бросила Вера Геннадиевна, заходя в туалет. Илья еще стоял на месте, как женщина вышла из туалета, и пошла в ванную.

--Занеси мне полотенце,--попросила она через время (Илья продолжал стоять в недоумении), чуть приоткрыв дверь.

Илья достал из шкафа чистое полотенце, корректно постучал в дверь ванной комнаты, и, придерживая ее ногой (чтобы

она сильно не открылась), просунул в щель полотенце. Женщина успела схватить его за руку и втащить к себе.

--Че ты как неродной?--спросила она, наклонившись вперед, и вытирая свои длинные черные волосы. Ее объемные груди колыхались в такт телодвижениям.

Илья вышел. Через время, вышла Вера Геннадиевна, завернутая в полотенце.

--Ну что, давай пить чай?--сказала она, проходя на кухню.

--Подождите,--хотел воскликнуть Илья.--Я ничего не понимаю...

--У тебя чай-то есть?--спросила женщина, усаживаясь за стол, и доставая сигарету.

Голощекин поставил пепельницу и улыбнулся.

--Есть,--ответил он.

--Ну так ставь...--сказала Вера Геннадиевна, закуривая, и выпуская тонкую и длинную струйку дыма.--Только завари свежий,--попросила женщина.--Жуть как не люблю старую заварку,--призналась она.

Илья молча сделал все как она сказала. Потом взял сигарету, закурил, и уселся рядом, стараясь держаться бодрее, чем было состояние его души. Душа вообще трепетала, и спрашивала что происходит.

--Я и не знала, что ты куришь,--как бы между прочим сказала женщина.--Ну да ладно. Ты наверное хочешь спросить, почему я пришла?

Илья неопределенно кивнул.

--Жить,--ответила женщина.

--Что, простите?--не понял Илья (ему показалось что ослышался).

--Жить, жить,--улыбнулась женщина.--Ты ведь сам меня приглашал.

Илье было как-то неудобно признаться, что он не приглашал. Это и решило исход дела. Потому что оказалось, что Вера Геннадиевна действительно решила поселиться у Ильи. Сроком на две недели. И все две недели заниматься с молодым человеком исключительно сексом.

--На твоей работе я уже пояснила, что две недели тебя не будет,--пояснила она.

Илье захотелось встать и вышвырнуть даму вон. Он и так планировал проработать всего месяц-полтора, пока были летние каникулы (Илья учился в университете телекоммуникаций им. Бонч-Бруевича; сейчас было начало июля). Как говорится, немного подзаработать денег. А тут такое... Да и девушка у него была. Как говорится, существовала в природе. Правда, они еще не спали. Но ведь если разобраться, может и не это было главное,--подумал сейчас Илья.

--Вот две тысячи баксов на расходы,--выложила женщина деньги из сумочки (пока он думал что и как, она успела сходить за сумочкой, которую до этого оставила в прихожей).--Еда там, и все прочее,--пояснила она, словно бы не замечая растерянного лица Ильи.--Еще тысячу тебе на необходимые нужды,--достала она еще тысячу.--Бритву там купить, одеколон, ну в общем по мелочевке,--сказала женщина.--И сейчас пьем чай, одеваемся, и поедем...

Илья договорить не дал. И он сделал, как потом понял, единственно правильное, что и должен был сделать в той ситуации. Причем, он даже не донес Веру Геннадиевну до дивана, вступив с ней в половую связь прямо на полу (благо, что в родительской квартире, где жил Илья - родители на все лето уехали на дачу - везде были ковры, так что, можно сказать, влюбленным было мягко).

Ну а то, что именно этого в итоге и ожидала женщина (как потом она ему призналась), Илья Голощекин понял, потому что на него вдруг разом свалились все жизненные блага. Причем только уж очень злые языки говорили, что Илья отрабатывает в постели. На самом деле Илье Голощекину самому нравилась опытность светской женщины. Да и как-то быстро оказалось, что ее очень многие из сильных мира сего знают, любят и уважают. А потому Илья как-то быстро -- экстерном -- закончил университете (до встречи с Верой Геннадиевной только перешел на третий курс), получил в собственное управление ресторан, в котором когда-то начинал работать официантом, да и вообще много чего у него появилось (своя квартира, машина иностранной марки с водителем, и тому подобные всячины, которые могут считаться излишеством, но для той жизни, которую стал вести Илья Голощекин, они были необходимы и обязательны).

Да и вообще, уже по всему можно было сказать, что бывший студент Илья Голощекин, решив подработать летом, вытянул свой счастливый билет. Потому как... Да ведь он и действительно был счастлив. Также как счастлива была и Вера Геннадиевна.

А она и вообще вскоре вышла за Илью Голощекина замуж (дав ему свою фамилию - Разумовская). Потому что оказалось, что была когда-то у женщины мечта, встретить принца. Принц ей когда-то приснился во сне. Лицо у принца оказалось таким же, как у Голощекина. Точнее - лицо Голощекина оказалось точно такое же, как в девичьих снах Веры Разумовской, дочери бывшего партийного функционера, сумевшего влиться в новое время, и не только ставшего крупным бизнесменом, но и вовремя сумевшего перевести активы ряда предприятий за рубеж, попутно подкупив несколько крупных фирм на Западе (куда он вскоре и переехал).

А дочь его осталась в России. Искать принца. И теперь нашла...

Сергей Зелинский

05.08.07 г.

рассказ

Родственные связи

Он устал казаться дурачком.

Несмотря на годы (Валентину было тридцать), его так воспринимали все.

"Всеми" для Валентина, в первую очередь, были жена, ее старший сын (Валя взял женщину с мальчиком; мальчик был ему почти ровесник), ее младший сын (та же история, за исключением возраста. Младшему было двадцать пять), и ее средний сын (среднему было двадцать семь).

Вале было все равно, сколько было детей у Лены (Лене было пятьдесят четыре года; выглядела она на тридцать). До него

Лена жила с мужем, которого застрелили бандиты (муж был предпринимателем). Валя тоже был предпринимателем. С Леной познакомился в ночном клубе. Там пьяная Лена показывала стриптиз, и отплясывала чечетку. В форме красноармейца. Вале очень понравился такой подход. Сразу после секса (секс состоялся в кабинете клуба), Валя сделал Елене предложение. Он всю жизнь искал такую женщину. Раскрепощенную и независимую ни от каких условностей. Да и к тому же умную.

После начала семейной жизни, Валя узнал, что у Лены было трое детей, а ум, был скорей не умом, а хитростью. Пусть и военной. Потому что заполучила она мужчину, которого, быть можете, и не могла себе позволить ранее (в сказки про мужа-предпринимателя Валя сразу не поверил). Ну а может и могла (тогда пришлось бы верить). Но искала как раз такого.

Несмотря на возраст, Валентин занимал весьма ответственную должность в крупной частной нефтяной компании (с блокирующим пакетом акций у Вали). К тому же у его папы был свой бизнес с семизначными цифрами в виде чистой прибыли (после уплаты всех выплат и налогов). А сам Валя был аристократически красив, в меру умен, но в любовных вопросах наивен как ребенок. До Лены у него было только две женщины. Да и те, переспали с ним случайно (секс был поспешный и нелепый, так что через время Валя и не мог с уверенностью сказать, был ли он).

В принципе, Валя так-то уж и не мучился от недостатка женского тепла. Точнее, всегда стремился показать свою независимость от женщин (от их отсутствия в его жизни).

Но в душе он страдал. И Лена как-то сразу это поняла. И после танца (медленного танца, на который сама же его и пригласила), повела Валю в кабинет.

В кабинете Валя разделась, дав на себя немного посмотреть, а потом повернулась, и наклонилась. Валя не удержался. После этого они поженились.

.....

Сейчас Валя проклинал все. Он проклинал себя, проклинал свой поход в ночной клуб, проклинал свою несдержанность при виде обнаженной и доступной женщины. Он вообще был бы склонен продолжать ругать себя, если бы в комнату (у Вали была большая пятикомнатная квартира) не вошла Лена, и не предложила заняться сексом. Она все делала прямо и открыто. Предпочитая не скрывать своих желаний. А Вале... Вале было как-то по-особенному трудно удержаться от подобных предложений Лены. И вскоре он сам не заметил, как оказался на ней. Вернее, под ней. Потому как, усевшись на него, Лена стала отплясывать танец любви.

.....

Валентин стеснялся спросить Лену про детей. Он был бы вполне в состоянии снять детям отдельную квартиру (даже каждому по квартире). Но Лена настояла, чтобы ее дети жили с ней. А Валя, впервые за время общения с ней, понял, что он, собственно, ничего не может противопоставить напору этой женщины. Причем, если поначалу ее диктат компенсировал секс (то что Лена позволяла вытворять с собой), то вскоре Елена

перестал спать с Валентином. Что он совсем не знал, как расценивать. Но терпел. Достаточно быстро принявшись заниматься тем же, чем и занимался до встречи с Леной. Онанизмом.

Только наедине с собой Валя чувствовал себя человеком. А Лена... Лена начала всячески унижать Валентина.

А потом прошло совсем небольшое время, и Лена уже принялась откровенно презирать его. Так же как и ее дети. Валентин вообще боялся Лениных детей. Каждый из них был выше и крупнее его. И мог бы запросто его побить. И младший (ростом младший был под метр девяносто; Валя не дотягивал до метра семидесяти), завалившись домой как-то под утро и пьяный, даже в шутку предложил Вале попробовать ударить его. Так сказать, наказать.

--Так Вы же потом ответите?--предположил Валя (детей Лены он называл на Вы; впрочем как и всех людей; он был вежливый молодой человек).

--Угу,--кивнул детина.--Сделаю из тебя отбивную. И подам на стол маме,--рассмеялся он.

Валя успел забежать в туалет, где и просидел до возвращения Лены из ночного клуба (Лена решила не отказываться от отдыха. Вале давно уже было не до него).

А потом у Вали появились подозрения, что дети Лены, совсем даже не ее дети. Ну, то есть он допускал возможность, что у нее могли быть дети. Но как-то не укладывалась тридцатилетняя внешность Лены в возраст, когда женщине было начало шестидесяти. Да и тридцать-то ей можно было дать тоже с натяжкой. Так, двадцать семь-двадцать девять максимум.

И как-то уж очень быстро (и случайно) Валя узнал, что Лене на самом деле тридцать семь лет. А эти "мальчики" были совсем ей не дети. Но тогда кто?

Думать о плохом Валентину не хотелось. Хотя он с недавних пор и стал подозревать, что Лена спит с "мальчиками". Пусть и не с тремя сразу, но двоим уж точно она дела минет (закрывавшись периодически с каждым из них в ванной, якобы помочь помыть спину). А как-то, проходя мимо комнаты "старшего сына" (у каждого в этой семье была своя комната), когда там находился хозяин комнаты, Валя услышал весьма характерные стоны Лены. Она стонала также, как когда-то стонала в кабинете, когда Валя, обхватив роскошные бедра развернувшейся спиной, и отдававшейся ему женщины, вгонял лузу в шар.

Валя тут же поспешил пройти мимо. Тогда у него еще только появились первые подозрения. Которые усилились, когда чуть позже (заняв наблюдательный пункт возле приоткрытой двери в свою комнату), Валентин заметил как Елена, выскочив из комнаты, из которой раздавались стоны, шмыгнула в ванную. Правда из той комнаты вслед за ней никто не вышел, но Валентин и так знал, кто там был. И у него это все как-то стало не укладываться в голове. И только потом, когда, набравшись смелости, и рассказав о своих подозрениях папе, Валя через время получил информацию от секьюрити папы (папин бизнес охраняло папино же охранное агентство) об истинном возрасте Лены. И о том, что якобы ее дети, были хоть и детьми, но не ее. И с Еленой Степановной Жаровой они не были связаны никакими родственными узами. Что означало, что Валентина попросту все

это время обманывали (с Леной он успел "прожить" почти полгода).

Но папа Вали был спокойным и рассудительным человеком. И он подумал, что, конечно же, за такой обман и Лену и ее псевдо детей следовало, как минимум, наказать.

Но он также увидел, что после встречи с Еленой (и подобного любовного поворота с ней), его сын, Валентин, необычайно изменился. Резко и как-то вдруг. Сразу став взрослее и даже как-то умнее (да и жизненно опытнее).

И папа Вали решил не предпринимать в отношении Лены никаких санкций. А детей ее и вовсе послать на все четыре стороны. (Правда после не удержался, и выслал из города; у папы Вали были весьма обширные связи). Но саму Лену...

Лену папа оставил. Причем самым неожиданным образом он стал сам спать с ней. А сама Елена Степановна, на удивление (сколько не посылал папа детективов, они не нашли ни одной измены) стала преданной Валиному папе. Правда с Валею Лена больше не встречалась. Папа отослал Валентина в Англию, в одну из своих фирм. Руководить. Посчитав, что мальчик уже вырос.

Сергей Зелинский

01.07.07

рассказ

Случай на гражданке

--И ведь не знаешь - где найдешь, где потеряешь,--
задумался Владислав Петрович Шилкин, высокий сутулый

мужчина сорока четырех лет, в прошлом военный-инженер, а ныне сотрудник загса.

В ЗАГСе Шилкин работать не хотел. Но так уже получалось, что после армейских будней, где сам себе не принадлежишь и выполняешь исключительно то, что приказано вышестоящим начальством, Шилкин как бы разучился думать.

Ну, то есть, не то чтобы он разом так взял и поглупел. Скорее всего, и раньше все у него было не слава Богу. Но армейская жизнь как бы скрашивала будни. И вплоть до своего увольнения из армии Шилкин как-то и не задумывался, куда катит жизнь. Он был попутчик. Да и, впрочем, не он один.

Сейчас Шилкину пришлось задумываться о жизни. Сама жизнь и радовала и не радовала его. Владислав Петрович вроде как и понимал, что обязан сделать какой-то выбор. В соответствии с которым будет жить на гражданке. Но вот в этом то и была проблема. Выбора было не сделать. Хотелось многого, и... ничего.

Шилкин поймал себя на мысли, что вполне был бы счастлив снова оказаться в армии. Но это было невозможно. Из армии Шилкина сократили. Да и на прощание начальник части сказал, что очень счастлив избавиться от такого долбоеба. Из песни, как говорится, слов не выкинешь.

На гражданке Шилкину поначалу пришлось нелегко. Но разобрался. И даже устроился на вполне приличную работу. В обязанности Шилкина входил поиск новобрачных. Новый заведующий загса решил резко повысить план заключенных браков в вверенном ему учреждении, а потому пошел на некий эксперимент, благодаря которому уже можно сказать Шилкин нашел работу.

--Вы должны проявить максимум конструктивизма,-- говорил заведующий вновь принятому работнику, Владиславу Шилкину.--От вас требуется творческий подход. Можно даже сказать креатив...

Что такое креатив Шилкин не знал, и постеснялся спросить. Не очень он также понял все методы работы, к которым его сподвигал заведующий. Но Шилкин понял главное - чем больше будет новобрачных, тем больше будет его заработок. И Шилкин принялся за работу.

.....

Первое разочарование пришло через неделю. За неделю поисков Шилкин так и не смог найти желающих сочетаться друг с другом браком. Проблема ведь обстояло в том, что нужно было найти как минимум две стороны. А Шилкин находил в лучшем случае одну. Да и то из категории тех, кому было все равно за кого выйти, главное выйти, замуж. Ну, или жениться. Попался Шилкину один чудик. Сосед Шилкина по коммунальной квартире. Стоило Шилкину заикнуться о браке, как тот уже был согласен. И готов был хоть завтра идти сочетаться законным браком.

Шилкин обрадовался, и даже набрался смелости, позвонил заведующему, сказав, что нашел первого клиента. Заведующий, которого Шилкин видимо застал в неподходящем месте, что-то буркнул и повесил трубку.

--Ничего,--кружил пол комнате радостный Шилкин.--Завтра все увидят, что он хороший работник. А там, глядишь, и премию дадут,--мечтательно подумал Шилкин, не заметив, что кто-то стучит в его дверь.

Шилкин открыл. На пороге стоял сосед. Тоже, наверное, счастлив, что завтра брак,--подумал Шилкин.

--...я говорю,--видимо в который уже раз говорил сосед,--хорошо бы с невестой познакомиться до брака. Так сказать, узнать, что да как,--донеслось до Шилкина.

--Как узнать?--не понял Владислав Петрович.

--Да нет-нет,--заулыбался сосед.--Я то понимаю, брачная ночь только после брака, но...

Шилкин немигающим взглядом уставился на соседа.

Тот силился объяснить. Вместо существительных, прилагательных и глаголов больше получалось междометий, наречий, и нецензурных выражений.

И тут Шилкин с ужасом стал понимать, о чем ему хочет сказать сосед...

--Подождите...--попридержал он соседа за локоть. Тот успокоился, замолчал, и стал с любопытством поглядывать на Шилкина.--Вы хотите сказать, что не знакомы с невестой?

--Ну, еб...--дальше была довольно длительная цитата, из которой Шилкин понял, что сосед очень рад, даже можно сказать, счастлив, что Шилкин его правильно понял.

--А когда вы говорили о браке, вы не имели в виду...--Шилкину уже можно было не уточнять. Его сосед, монтажник, уже неделю как пил. Шилкин подумал - "на радостях". Хотя и на радостях тоже. Женится человек. А тут оказалось что той, на ком он должен был жениться, нет.

--Как нет?--не понял сосед, и стал смотреть на Шилкину очень даже подозрительно. Сурово и подозрительно. Шилкин даже подумал, что сейчас его могут побить. И тут же у него

промелькнула мысль, что завтра его наверняка выгонят с работы. Прошла неделя. Он никого не нашел. А того кого нашел... В общем, по всему выходило, что завтра будут им очень недовольны. И можно было просто не выходить на работу. Зачем? Чтобы получить...

--Я тебя спрашиваю!--закричал сосед, и Шилкин понял, что опять он попустил что-то важное. Причину гнева соседа, например. И предыдущие слова его. О смысле, которых Шилкин догадался. И понял, что надо непременно искать невесту. Он даже подумал сейчас, что в случае чего может кого-нибудь уговорить на фиктивный брак. Главное ведь...

Что было главным, Шилкин знал.

Кое-как объяснив свой замысел соседу, Шилкин пустился на поиски "второй половины".

Приглянулась она ему сразу. Невысокого роста. Со слегка испитым лицом. По виду пьющая, но не бомжиха. Видимо возвращалась с работы и остановилась в парке пропустить по кружке... ну то есть - посидеть на пенечке и выпить бутылку пива.

--Скучаете?--подошел к ней Шилкин.--Не хотите завтра выйти замуж?

На лице женщины застыли весьма различные чувства. Можно даже было сказать, что она весьма смешалась, не зная, что же по настоящему ответить.

--Все очень просто,--улыбнулся Шилкин (хотя его колотило от беспокойства. В жизни с женщинами он общался мало. Если бы перед этим не выпивал - не общался бы вообще).-- Если завтра бы вы сочетались браком с одним моим знакомым, то в этом случае всем было бы только лучше. Ну, по крайней мере,

---

вы бы точно спасли меня. И быть может моего знакомого,--
немного подумав, добавил Шилкин.--Ну как, согласны?

Женщина молчала. Она может и силилась что-то сказать, но видимо была слишком пьяна. Шилкин как-то не заметил этого сразу. Хотя может ее развезло от его слов,--подумал Владислав Петрович.

--Я прошу вас согласиться,--убежденно произнес Шилкин.--Если вы согласитесь, я... я... (Шилкин задумался, понимая, что должен что-то предложить женщине в обмен на ее согласие) я вам отдам свою премию. И половину зарплаты за первый месяц,--решился Шилкин.

Женщина заинтересовано посмотрела на Шилкина. Может она была и не так пьяна,--неожиданно подумал Владислав Петрович.

--Вы согласны?--подгонял сам себя Шилкин. Ему не очень хотелось расставаться с премией и половиной зарплаты. Но он понимал, что на новой работе ему очень важно закрепиться. А для этого он обязательно должен показать результаты. Которые будут свидетельствовать, что он может работать. Может и хочет работать,--убежденно повторил Шилкин про себя. Вышло - вслух. Женщина, не отрываясь, смотрела на Шилкина. Потом она упала.

Шилкин огляделся по сторонам. Прохожих в парке было немного, но все были заняты исключительно собой. Шилкин приподнял женщину и усадил ее на пенек, на котором она до того сидела.

--Вы согласны?--с надеждой спросил он, обращаясь к даме. Даме было под сорок, и дама была пьяна.

--Надо было взять с собой жениха,--подумал Шилкин, пожалев, что не сделал этого.

.....
..

Кое-как доволочив женщину до парадной своего дома, Шилкин встретил "жениха", выходящим из подъезда.

--Невеста,--показал глазами Шилкин.

Жених ослабился.

Видимо прочитав в его глазах немного не то, что ожидал увидеть (если, конечно, что-то ожидал), Шилкин решил пока разместить еле стоящую на ногах женщину у себя в комнате. А утром уже познакомить ее с соседом, и повести "молодых" в загс. Вместе с соседом они помогли женщине добраться до их коммунальной квартиры. Первой от входа была комната соседа. И Шилкин не сразу понял, что помог доставить женщину соседу.

--А...--пробовал, было, что-то сказать он, да только сосед неожиданно проявил решительность. И Шилкин не заметил, как оказался за дверью.

--А может и правильно,--внезапно подумал он.--Пока познакомятся... Чтобы завтра не вышло каких-нибудь неожиданностей.

Шилкину почти удалось убедить себя, что он сделал все правильно. Правда, чтобы уснуть, ему пришлось выпить почти два стакана коньяка. Он уснул, когда допивал второй.

.....

Проснувшись, когда уже был день, и из раскрытого окна доносился шум улицы, Шилкин сразу не вспомнил, что произошло накануне.

Об этом ему напомнил участковый.

В прихожей было много каких-то подозрительных лиц. Оказалось, найденная им вчера женщина был женой замначальника отделения милиции. Которая, поругавшись с мужем, напилась. И пока находилась в полубессознательном состоянии - ее подобрал Шилкин. Которому теперь грозило обвинение в похищении человека. А также в пособничестве к изнасилованию. Женщину сосед насиловал всю ночь. Правда соседи слышали женские стоны удовольствия, а сосед так и вовсе говорил, что она сама набросилась на него, но...

Ситуация принимала катастрофический порядок. В один момент могло разрушиться будущее Владислава Петровича Шилкина.

И, испугавшись, он...проснулся. Проснулся в своей комнате военного общежития. И тут же дал себе слово бросить пить. А то его и действительно могут сократить с военной службы. Ведь то, что с ним произойдет на гражданке, он уже знал. И увольняться из армии ему не хотелось.

Сергей Зелинский

5 мая 2007 год.

© С.А.Зелинский. Всегда только правда.

